НЁМАН

6/2017
ИЮНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 325-85-25, заместителя главного редактора — 319-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 304-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

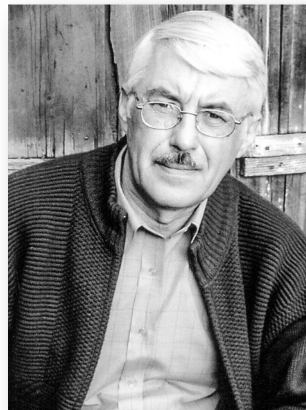
Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 13.06.2017. Формат 70 ×108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 17,23. Тираж 1504. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*



Александр ВОЛКОВИЧ

Споровская волчица

Повесть

Вместо пролога

Она сама его выбрала — серого, стройного, отважного. Она не сразу ответила на настойчивые ухаживания нетерпеливого самца. И лишь после того как он, потрепанный в схватке с более сильным, таким же матерым соперником, одержал победу и приполз к ней зализывать раны, ответила ему лаской, навсегда покорив волчье сердце.

Пара предалась неистовой любви, а затем уединилась в укромном логове в лесной глуши под корнями вывороченного дерева.

В ночь Большой луны, когда ночное светило раздулось до невероятных размеров, заливая пространство необычным мерцающим светом, волчица разрешилась долгожданным потомством в количестве четырех волчат.

Самец то и дело отправлялся в неутомимый поиск, а возвратившись, срыгивал проглоченную добычу изголодавшейся самке, чтобы та, насытившись, могла накормить молоком еще слепых детенышей.

С очередным рассветом в логово пришло беспокойство, вызванное далеким, еле различимым скрипом санных полозьев, ржанием лошадей и собачьим лаем.

Звери почуяли острый запах бараньей овчины и лошадиного пота.

Все это послужило сигналом к поспешному бегству.

Самка схватила зубами самого маленького, квелого волчонка — это был последыш — и мягким прыжком преодолела тающий сугроб, заслонявший вход в нору со стороны оврага.

Держа драгоценную ношу в зубах, волчица летела по дну оврага. Самец следовал за ней.

Раздались оглушительные выстрелы. Это подоспевшая облава уже палила из четырех ружейных стволов вдогонку ускользающим зверям.

Свинцовые жаканы вонзились в тело самца, дробя его жилы и кости.

Мартовский снег окропился алой кровью.

Синий пороховой дым долго не рассеивался. Когда пелена спала, приблизившиеся люди смогли рассмотреть великолепного матерого волка, безжизненно распластавшегося на снегу. Даже кровавые раны на белой груди и впалых, в серо-коричневых подпалинах боках не смогли смазать несомненную красоту дикого зверя, как бы застывшего в отчаянном рывке.

А самка ускользнула.

Две особо настырные и злые собаки, похожие на овчарок или обученных волкодавов, пустились за ней вдогонку.

Волчица легко справилась с ними, уведя подальше и поочередно разорвав горло каждой.

Но прежде она была вынуждена выпустить из пасти своего детеныша.

Возбужденные редкой удачей и кажущейся легкостью, с которой был повержен матерый, пришлые люди в тулупах и с ружьями разворошили волчье логово, оказавшееся сравнительно неглубоким, и извлекли на поверхность трех еще слепых волчат. Их завернули в тулуп и понесли к саням-розвальням, оставленным под охраной возниц на безопасном расстоянии. Убитого самца приволокли туда же и бросили на солому. Вскоре две санные повозки с довольной оравой охотников и трофеями отправились из лесу восвояси.

Волчица вернулась к тому месту, где выронила своего малыша, и тут ее ожидало разочарование: без материнского тепла, в одиночестве, в снегу волчонок околел.

Она попыталась отогреть детеныша собственным телом, безуспешно подставляя к мордочке набухшие соски.

Звереныш не подавал признаков жизни.

Волчица подняла к небу голову и печально завыла.

* * *

Рожала Стася, девка-приживалка, в холодном январе. С вечера чугунок со свинячьей бульбой сунула в печь ухватом — и потекло мокрое по ногам, началось, значит.

— Ох! Бабтя Тереза! Мамтя! — позвала хозяйку испуганная дивчина, осев на глиняный пол посередь образовавшейся лужицы. От пола тянуло холодом. Мерзко. Страшно.

Бабушка Тереза к роженице подбежала, подхватила, на топчан в дальнюю комнатуху заволокла.

— Не мартвся, доця, сонм воды одэшли... Бэндзем разом дзецко пшымаць, вем як... Зрэщце гвалтуй (кричи — *польск.*) *глосне, я зараз...*

Старушка добавила в печь каган с чистой водой. Белого полотна из куфра достала. Припалила лучину от огня лампады у иконки Матки Боски. Шуганула подвернувшегося под ноги рыжего кота: «Пошэдл стонд, не до цебе!»

— Мамтя... Где твоя мамтя, сиротка? Сама юш маткой бендзеш пшэз хвилечку...

— Ой, бабтя! Не можу! А-аааа!

— Гвалтуй, доця, гвалтуй!

Мечутся тени на бревенчатых стенах. Колеблется пламя лучины. В углу светятся настороженные глаза кота, в считанные минуты превращенного из любимца в изгоя.

— А-ааа!

— Ешчэ раз! Давай! Ну!

Матка Боска глядит из полутьмы и, кажется, улыбнулась.

Вот уже показалась детская головка... Волосики мокрые, тельце красное...

Рот повитухи радостно щербатится: свершилось...

— Цурка! (дочка — *польск.*) *Зараз обмыемы, накормимы... Матчиным млечком.*

Девочку назвали Настеной.

А еще через некоторое время бабка Тереза научила молодую маму колыханке, запомнившейся старухе с тех пор, когда она сама была маленькой и мать, убаюкивая, напевала ей перед сном.

Бабка помнила много польских колыбельных песенок, а предпочла белорусскую. Пусть цуречка (дочурка — *польск.*) *знает с младенчества, чьего она рода.*

Люлі-люлі-люлі,
Прыляцелі куры,
Селі на варотах
У чырвоных ботах.
Сталі куры сакатаць,
Трэба курам нешта даць.
Ці ячменю жменю,
Ці жыта карыта,
Ці бобу каробу,
Ці гароху троху,
Ці ярыцы паўмяліцы,
Ці пшаніцы паўдайніцы,
А дзіцяці — цыцы.

1

В начале осени я поехал в Дрогичинский район с надеждой побывать в деревне Кокорица. Соблазнился симпатичным названием и приглашением знакомой полешучки, уроженки тех мест, библиотекарши Галины из Завершья. Ох уж эти незамужние возрастные молодицы в неперспективных деревнях! Будто одичавшие груши на сельской обочине. Всяк мимоходом норовит колючую ветку пригнуть и плод сорвать, но ветка оттого и колется, что цену себе знает, а недоступна и горька, чтоб любому неповадно было. Поэтому и стареет в неприступном одиночестве.

Места там глухие, болотистые, малолюдные. Хутора, хутора… А Кокорица — «кокартка», или «брошка» в переводе с польского языка. Но не корона. Голубой короной в раздолье низинных болот можно считать красивое озеро Споровское, крупнейшее в регионе.

Галина из Завершья обрадовалась знакомому, но неловкость в общении все же возникла, я долго не мог освоиться.

Однако скоро причина напряженности выяснилась: в доме напротив накануне произошла трагедия — умерла одинокая соседка, бабушка Маня. Погибла из-за «вазона» — по-местному, это любой цветок в горшке, например, вьющаяся лиана. Бабушка взобралась на скамеечку полить засыхающий цветок, обвивший стены. В руке держала бутылочку с водой — мерную, для детского питания, осталась после внуков. Потянулась к вазону и упала. Бутылочка разбилась, осколок распорол вену. Нашли старушку на кухне сидящей на табуретке: обмотала руку фартушком, ждала, когда кровь остановится. Сомлела — и отошла. Горшок с цветком после похорон бабы Мани отнесли в колхозную контору, в опустевшем доме поливать некому, а соседи взять отказались. Есть комнатные цветы, которые будто бы приносят беду и наводят порчу. Растение называлось «мясистая хойя».

Меня давно уже занимала семантика полесских названий и поверий. В Кокорице, куда я жаждал попасть, проживала одна странная семья. Называли их Дикие. Четверо из пятерых — двое мальчиков и две девочки — родились и росли недоразвитыми. Рассказывали про Диких ужасные вещи: дети — уроды, обросли звериной шерстью, ползают на четвереньках и воют, как волки. За исключением старшего, первенца, нынче взрослого.

Местные власти хотели забрать детишек в приют, но полусумасшедшая мать не отдала. Защищала выводок, как разъяренная волчица. Про отца детей

ничего не было известно. В хату и во двор чужих не пускали. Милицию, начальство не привечали. Односельчане без крайней нужды носа туда не совали.

На мою просьбу съездить вместе Галина неопределенно пожала плечами: мол, дурная голова ногам покоя не дает. Но подумала — и нашла мне транспорт с «водилой». Упросила в сопровождающие давнюю подругу Екатерину Павловну, приятную на вид женщину лет сорока. В недавнем прошлом — колхозный ветеринар. В хате Диких она тоже не бывала и, по ее словам, знала не больше других.

С сомнениями и самыми невероятными предположениями я отправился в дорогу. Правдами и неправдами надеялся попасть в загадочную семью.

«Мясистая хойя» нелепо погибшей бабы Мани, казалось, увязалась вслед за нами.

2

Павловна вела машину уверенно, на расспросы про Диких отвечала уклончиво. По всему чувствовалось: тема неприятная, моя затея женщине не по нутру.

В салоне подержаной иномарки со старой трещиной на лобовом стекле было душно, где-то подтекала соляра. Трещина напоминала изломанную ветку.

Не прошло и часа, как по довольно сухой гребле — насыпной гравийке среди зарослей ольхи и лозняка — докатили до места и остановились возле сельмага, совсем не рассчитывая стать объектом внимания мужиков, слонявшихся у закрытого магазина. Полусонная Кокорица томилась в ожидании завоза хлеба. Автолавка из райцентра задерживалась. Мужики переговаривались, сгрудившись вокруг лавочки под сенью желтеющего клена. Никто к машине не подходил, но в косых недружелюбных взглядах чувствовалась заинтересованность.

Цыганистого вида небритый мужчина лет шестидесяти, набычившись, направился было к нам, но Екатерина Павловна буквально закрыла подступ грудью, чтобы любопытного спровадить: дескать, поворачивай оглобли, нечего приставать к чужим людям.

Павловна знала местное население хорошо, ее — тоже. И мужик, обиженный, отошел в сторону, а точнее, отправился в компанию допивать бутылку вина. Зыркал на нас зло, вызывающе. Казалось, нарывался на драку, на скандал, томившие мятежную натуру. А может быть, человеку было просто не с кем поспорить.

— Тимоха Дикий, тот самый, старший в семье, пьянчуга, дебошир, прости его Господи… — негромко шепнула мне Павловна. — Ко всем цепляется, лучше его не трогать, стремного, — добавила, как бы оправдываясь: де, народ пьет, работы нет, молодежь разъехалась, одни пенсионеры в деревнях доживают.

— Сколько ж ему лет?

— На сколько и выглядит — пятьдесят с гаком. После армии училище механизаторов кое-как окончил. Работал трактористом в местной бригаде, пока не расформировали. Болтается по селу: кто позовет помочь. Он, вообще-то, работящий… Только пьет.

— А его братья и сестры… не такие?

Подразумевалось слово «уроды» или «недоразвитые», но я интуитивно осекся…

Павловна промолчала. Вероятнее всего, стеснялась моего любопытства, приведшего в Кокорицу, и меня пожалела — лезет человек в воду, не зная броду…

3

Мы сели в машину и — подальше от греха — двинулись в сторону Споровского озера, точно уж, брода не ведая, путаясь на развилках глухих дорог и попадая на какие-то хутора, подрезая пустынные, утыканные бурьяном и почерневшими бодылями дворы и задворки. Чуть было не въехали в покосившийся забор с развешанной на нем рыбацкой сетью. Искали проезд к большой воде, но вода не появлялась, маячила всякий раз в отдалении, неожиданно и непредсказуемо, не там, где надеялись, и не озерной ширью, а непролазными зарослями, полузатопленными кладками, чем-то сырым, ржавым, гнилым, пугающим какой-то опасностью. Сумрачные влажные лощины, черная волчья ягода среди пожухлой листвы, остролистая осока выше автомобильной крыши сильно замутили настроение.

Желание увидеть знаменитое озеро, а то и ополоснуться, гасло.

Забуксовав в очередной раз, вымазавшись по уши, намаявшись мостить и толкать, решили ретироваться. Последовательность бесславного отступления происходила в обратном порядке: топко, вязко, мокро, сыро, сухо….

Павловна расстроилась: во, блин горелый, взялась рулить… Давненько не случалось в эти места заглядывать, запамятовала, заплутала…

Догадывались: озеро совсем близко, посередине находится остров, но туда не попасть. Стежки вдоль берега езжены-переезжены, а нам не везет.

Умная мысля пришла опосля — подсказала старушка с хутора Сырхово, того самого, на чьем заборе висела порванная рыбацкая сеть. «Тутака дароги няма, далей на лодцы», — утешила хуторянка и обрадовалась не меньше нашего: уставшие приезжие никуда не спешат.

Попили колодезной водицы, пахнущей тиной и рыбой, познакомились с хозяевами.

Павловна поспрашивала про своего деда — школьного учителя по фамилии Протасевич. В здешних краях преобладают две фамилии — Протасевич и Зданевич. Советская власть, пришедшая в эти места накануне войны, ввела начальные школы по ликвидации безграмотности, и учитель Протасевич директорствовал в некоторых из них. Два-три месяца просуществует школа в чьей-нибудь хате — и учитель на велосипеде переезжает в другую деревню. Директорские пожитки телегой перевозят за ним. Такая вот ликвидация. Человек он был тихий, безобидный. Носил костюмчик, очки и шляпу, как и положено интеллигенту, человеку ученому. Шляпа и очки однажды спасли учителю жизнь. Во время фашистской оккупации немцы чуть было его не расстреляли, приняв за партизана. «Какой может быть партизан в очках, шляпе и на велосипеде?» — засомневались оккупанты и учителя отпустили. Деревню и церковь немцы при отступлении спалили. Вместе с батюшкой.

— Хужей ваўкоў! — сказала бабка.

— А настоящие волки в округе водились?

— Яшчэ колькі! Адзін некалі прыходзіў, я дзяўчынкай тады была, сабаку звалок разам з цэпам. Прыходзіў яшчэ за аўцой. Я як забачыла, дык пачала

лямантаваць: «Ужа воўка! Ужа воўка!» Бацька за сахары (*вилы*) схапіўся. Спалохаўся воўк, уцёк…

— «Ужа» — так волка отпугивают?

— Вядома ж…

— А вы белоруска?

— Мабыць, не… Бяларусы гэндэ о жывуць! — махнула бабулька в восточную сторону, куда-то за Споровское озеро.

Бабка, не признававшая себя белоруской, не смогла объяснить, почему она так считает и что означает дословно «ужа» (с ударением на вторую гласную).

Уж или змея с «заговорным» окриком как-то не вязались. Тайна волчьего заклятия крылась в глубокой старине, в далеком прошлом. Так же, как и деревенское прозвище хозяйки — Бычиха. Ольга Бычиха.

Учителя Протасевича бабка не помнила, зато наговорила разных разностей. О житье-бытье при поляках, при советах, при немцах. Всплыло в разговоре забытое словечко «погоня». Оказывается, здесь означает оно полумертвое дерево ольхи, по-местному, ольшину, растущую на затопленных болотах. Именно коварная «погоня», падая, пришибла мужа Бычихи, навечно его охромив.

Мимолетные воспоминания сопровождались сдержанной мимикой морщинистого лица, иногда легкой усмешкой. Впрочем, и у слушателей события и детали, всплывшие в памяти местной старожилки, не вызывали положительных эмоций. Семья крестьянки в прошлом жила бедно, трудно. Шутка ли — двенадцать детей! Хата — под соломенной крышей, правда, имелась дощатая «падлога». Держали хозяйство — корову, кур, свиней. Сапоги и ботинки на всю ораву хозяин шил сам: выделывал коровьи шкуры, мастерил сапожные колодки. На ночь обувь ставилась в запечье в три ряда. Муку для выпечки хлеба возили по воде на лодках из Спорова. А озеро, вот оно, почти рядом — добираться по каналу на лодке, совсем близко. Отсюда не видно, потому что камыш и осока разрослись, каналы обмелели. Правда, и грести некому, а лодка прохудилась. Дети давно взрослые, разъехались, устроились в городах… Вдвоем кукуют. У Степана пенсия колхозная, а «ейная», Ольгина, от торфозавода… Был когда-то здесь завод, пока торф не вычерпали….

Хозяин, на вид еще крепкий, кряжистый старик, все это время, сидя в самодельной инвалидной коляске, находился рядом, в беседу не вмешивался. Курил, молчал. Сигаретку гасил на деревянном протезе — память о злой «погоне». Оживился лишь при упоминании эпизода с дезертирами. Сразу же после освобождения Белоруссии — война укатила на запад — на острове-полуострове в приозерных плавнях прятались от призыва несколько местных мужиков, в то время молодых парней. По ночам одичавшие, изголодавшиеся хлопцы шастали по хуторам. Тащили по мелочам, брали картошку, хлеб. У Бычихи бидон с молоком из колодца умыкнули. Под зиму увели из хлева кабанчика. Люди, хоть и проклинали грабителей, но терпели, какие-никакие — свои…. Однажды приехала милиция, солдаты. Дезертиров повязали. Одного застрелили. При попытке к бегству. Пуля раскроила бедняге череп. Местные соседям клялись: никто не доносил… Вооруженных людей, бродивших в то время в окрестных лесах и болотах, называли бульбашами. Убитого, вспомнил хозяин, звали Лешкой. При себе у него не было даже охотничьего ружья. А застрелили дурковатого Леху в день Усекновения главы пророка Иоанна Предтечи, в праздник, именуемый в народе Головосеком.

— Диких из Кокорицы знаете?

Бычиха приоткрыла было рот ответить, как я догадался по движению губ, утвердительно, однако осеклась на полуслове. Помрачнела, заскучала. Отчужденность, враждебность, недоверие промелькнули в старческих глазах.

«С Дона выдачи нет» — вспомнилось мне почему-то название популярного кинофильма.

Провожала Бычиха гостей не то с сожалением, не то с облегчением…

4

Решили заехать с ночевкой на хутор к дальним родственникам Павловны. Пока с остановками добирались, световой день начал угасать.

Задержала заброшенная ферма, куда завернули. «По привычке», — оправдывалась водитель.

Обошли по еле заметной тропке мертвую кирпичную коробку с пустыми окнами. Территория густо поросла перезревшим зверобоем. Рвут его и сушат для лечебных целей в первые месяцы лета. Животные эти цветы не едят. Разве только когда болеют.

— Моя бывшая работа! — сказала Павловна с грустью в голосе. — Бурьян по пояс, никто не косит, а какой смысл?

— Наверное, никакого, если нет живых. Хотя бы коров, — ответил я неуверенно.

Екатерина Павловна не стала уточнять, она, наверное, вспоминала, какое здесь было хозяйство с дойным стадом до укрупнения колхоза и до ее, ветеринарши, увольнения по собственному желанию. Вспоминала своего деда, единственная любительская фотография которого, увеличенная братом, колхозным инженером, висит у него в доме на стенке, а сам он в отъезде, и хата закрыта; еще от деда остались классные журналы начальных школ по ликвидации неграмотности и послевоенные, 46-го года, списки малограмотных жителей окрестных деревень. Все это она расскажет и покажет мне позже.

Как ни странно, на хуторе нас уже ждали. Престарелая хозяйка поставила на стол разогретые «крышаны» — картофельный супчик, угостила вяленой рыбой, молоденьким линем.

Принялись вечерять, хотя до вечера было далековато.

Павловна к еде почти не притрагивалась.

Как выяснилось, угодили мы аккурат на Головосека. По-другому праздник называется Иваном Постным.

Круглого не едят, щей не варят. Делать по хозяйству ничего нельзя: кроить, шить, резать, пилить. Не берут в руки косу и топор.

Хозяйка — серенькая мышка-норушка, поскребла по сусекам и угостила гостей скоромным.

Павловна привыкла в прежней ветеринарской должности в конторах и на совещаниях разговаривать на русском, а окунувшись в родную среду, запросто перешла на местный диалект и общалась со свояченицей, ничуть не стесняясь и не чувствуя себя скованно. Говор родных болот и осин исключительно шел этой моложавой белотелой женщине с короткой модной прической «а-ля паж».

Там, за Споровским озером, где-то далеко и еще дальше, наверное, на высотках под Минском, живут настоящие белорусы, и с белорусским произношением у них полный порядок, а здесь непроходимые топи годами мутили национальное самосознание, и минимальный набор обиходной лексики

определяли полешукам отвоеванные у болот морги худосочного подзола, а правильное ударение гарантировала очередная непредсказуемая власть. Черная болотная «погоня», гниющая на корню, являла людям настоящее, коптящая сосновая лучина освещала будущее. «Мы не рабы, рабы не мы!» — учил писать сельчан школьный учитель Протасевич, однако недоверчивые мужики, путавшие привычные польские слова с незнакомыми русскими, словосочетание «не мы» корябали слитно. Иначе не могли. Жизнь научила их быть немыми, а немота научила жить.

Я изнывал от впечатлений дня, мучаясь ощущением чего-то недоделанного. Пылающий шар закатного солнца окрасил бордовым сельское подворье, забор, крышу, деревья и кусты; некоторое время солнце стояло неподвижно, а потом юркнуло в прорву — и освещенность погасла. Похолодало, повлажнело. Хозяйка вынесла мне на крылечко шерстяной «свэдр» — свитер с длинными рукавами, а сама осталась сумерничать со свояченицей на кухне.

В ночном небе бесшумно сгорали холодные звезды, наполняя души неземной тоской. В такие минуты нестерпимо хочется, чтобы там, на небесах, тебя услышали и чтобы они были, а не казались, — благословенными.

Давно уже погасли те звезды, и память об исчезнувших в истории людях, смотревших на них, истлела, как их косточки, а свет погасших светил продолжает мчаться в пространстве. Несется в кромешную вечность бешеная погоня, высекая копытами холодные искры…

Мерцание умерших звезд — это выпущенные на волю несбывшиеся мечты. И чувствуешь себя в их блеске нагишом под пологом вечности.

Куда исчезают звуки и запахи прошлого? В каких глубинах копятся пролитые слезы? Поддаются ли эрозии горы неоправданных надежд?

Озарением, мимолетным сиянием вспыхивают мысли-догадки, и слышно, как повторяются давно уже сказанные кем-то слова: ничто не вечно под луной…

Откуда-то из темноты пришло беспокойство, а за ним — неясный шум. Сгусток звуков истончился до едва различимого отголоска, похожего на звериный вой. Луна и волчий вой.

Позвали в хату.

Долго не засыпалось на скрипучем ложе, в голову лезла всякая всячина. Поездка с самого начала не заладилась, а все увиденное и услышанное томило, будто застольное пресыщение.

Никелированные набалдашники на торцевых стойках старинной кровати тускло блестели в полумраке хаты. Дохнул на ближний шар — и отшатнулся… Отражение моего лица оскалилось ужасной гримасой. Головосек!

С опаской посмотрел на другой — ничего, закрыт тенью. А на противоположных стойках шары вообще отсутствовали, их давно свинтили…

Казалось, было слышно, как Споровское озеро невнятно дышало в сырой темноте, ворочалось, чавкало, фыркало.

Измученный, я, наконец, забылся.

…Тоскливый вой волчицы, регулярно оглашавший ночную темень, обитателями княжеского замка поначалу всерьез не принимался. Панская собачья свора шалела и бесновалась в загородках, отзываясь бестолковым лаем на страшный ночной концерт, не прекращавшийся со дня появления волчьих щенков на территории замка.

Зверя отгоняли выстрелами, но он всякий раз возвращался. Пару раз охотники тщетно устраивали на волчицу облаву, но та невероятным обра-

зом ускользала, оставляя на рыхлом снегу отпечатки огромных когтистых лап и, будто в издевку над загонщиками, проталины желтой мочи. А ночью прокрадывалась к замку и напоминала о себе жутким плачем. В нескольких местах пыталась пролезть сквозь ограду и даже сделать подкоп. Она наверняка знала, куда унесли ее детенышей, и не теряла надежды до них добраться.

Лесные сородичи отчаянной волчицы откликались издалека, зазывали неутешную самку к себе или просто сопереживали ее материнскому горю. Объединиться в стаю зверям что-то мешало.

* * *

Троих голодных новорожденных щенков принесли в плетеной корзинке испуганной Стасе, угрозами и посулами заставили кормить их собственной грудью, вздувшейся от переизбытка материнского молока. Немым плачем заходилась бедняжка. Стонала от ужаса и отвращения. Терпела. Бог терпел и нам велел…

— Молчи, девка! Никому ни-ни! Язык вырвем и собакам на съедение бросим! Держи вот монету. Руку, руку целуй, неблагодарная. Пошла вон! Завтра пораньше без напоминаний быть в маёнтке. Смотри у меня! Пся крэв! Байстрючкой своей ответишь в случае чего. Помни!

Родная кровинушка, дочурка, искричалась без материнского тепла, изголодалась, а тут…

Куда прятать глаза от бабки Терезы, приютившей молодую мать с нагулянной дочкой-байстрючкой? Горьким укором тлели глаза молчаливой одинокой старухи. Сирота. Защиты ждать неоткуда.

А эти слепые еще. Вцепятся в набухшие соски, как клещи. Чмокают, рычат. Голодные. Молоком захлебывались. Слюнявили тело, жевали. Кожу когтями исцарапали.

Отворачивалась. Не могла смотреть.

Все перемешалось в сознании несчастной дивчины: звериные пасти прожорливых сосунков… ненавистное лицо управляющего Вашилы… похабная его гримаса при наглом созерцании оголенных девичьих грудей…

Острый запах дикой псины и слюна, липкая, вонючая, кажется, впитались в кожу.

После каждой экзекуции мокрой тряпкой, печной золой оттирала тело, прежде чем приложить родное дитя. Требовательный плач голодной Настены сводил с ума.

Не оставалось в материнской груди молока после собачьего выводка. Не хватало.

Не догадывалась молодая мамаша, забитая девка, чьих детенышей кормила. Узнала б — еще больше ужаснулась…

Не собачьи щенки ее грудь терзали, материнское молоко жлоктали — волчьи… Троих осиротевших зверенышей забрали из логова и принесли в замок. Попробовали подложить ощенившейся суке из панской псарни, но та, учуяв волчий запах, беспомощных кутят к себе не подпустила, чуть было не загрызла. Тогда и родилась дьявольская затея, как их выкормить. Вашила, управляющий, придумал способ выходить волчат и потрафить обожаемому пану Бенедикту. Сильно уж тот огорчился, ведь с трудом добытый волчий выводок из трех щенков мог зачахнуть без материнского молока. А каких

неподражаемых, свирепых охотников можно из них вырастить! Славу и гордость псарни хозяина Здитовского замка, владельца обширных угодий вокруг Споровского озера!

Сколько дней продолжалась пытка? Неделю? Две?

* * *

По заснеженному льду убегала Стася. Спасалась. Себя спасала. Дитятко свое, «немаўлятку». Завернула в одеяльце, прижала к сердцу — и кинулась куда глаза глядят. К Споровскому озеру, куда еще? Там, на противоположном берегу, за белым ледяным полем, найдет схрон у свояченицы, в глухом лесном селении, куда не добраться панским служкам.

Добежать бы. Не застудить дите. Тропку, гляди, вот-вот заметет.

Внезапную опасность молодая женщина почувствовала спиной. Оглянулась — и обомлела: беглянку настигала огромная серая зверюга с оскаленной красной пастью. Волчица! Матухна родна! Неужели волчья самка своим невероятным чутьем и интуицией распознала в морозном воздухе еле уловимые флюиды, что могли исходить от той, которая кормила грудью пропавших детенышей и теперь уносила их тонкий дух, а возможно, и их самих, неизвестно куда?! В неустанных поисках волчица-мать нашла, как ей показалось, следы пропажи, бросилась в погоню и вот-вот набросится на обидчицу. Еще мгновение — и могучие лапы с разгона опрокинут Стасю на белый снег, желтые клыки вопьются в тело... И станут безжалостно рвать в клочья воровку, посягнувшую на святое святых — беззащитных волчьих детей...

Ноги у Стаси подкосились, она лишилась сознания и обессиленно рухнула, так и не выпустив из рук сверток.

Когда на мгновение очнулась, то увидела картину, от которой сердечко вновь буквально захолонуло: волчица, широко расставив лапы и наклонившись над детским свертком, старательно вылизывала розовое личико ребенка... Она, безусловно, учуяла что-то знакомое, похожее на аромат родной плоти. Может быть, это была прилипшая к телу или тряпью ворсинка шерсти или микроскопическая капелька щенячьей слюны, как знать, но агрессивность зверя, как по мановению волшебной палочки, улетучилась.

Таким же образом волчица обнюхала лежавшую на снегу Стасю, прошлась шершавым, как терка, языком по ее безвольным рукам и лицу и, не найдя тех, кого жаждала отыскать, медленно удалилась, не причинив матери с дочкой никакого вреда. От обеих исходил знакомый родной запах, волнующий кровь, побуждавший волчицу, невзирая на опасности, продолжать свой круглосуточный бег.

5

Утро — прилизанный пегий теленок — смахнуло ночную блажь беспечным хвостом.

Вышел на крыльцо.

На сером холсте рассвета в сонной расслабленности подремывал двор: горка колотых дров, собачья буда-халабуда, колодец с велосипедным ободом-блоком на высоком шесте, почерневший стожок на задах и терракотовый шар солнца над дальним лесом. На переднем плане — белые гуси, неподвижно сидящие разрозненными купами на мучнистой от инея травке.

Картина выглядела уже иначе после чаепития на кухне и обсуждения ближайших планов: трава стала влажно-зеленой, в будке нарисовалась виноватая морда дворняги, отсутствовавшей ночью по уважительной причине, колодец с подъемными причиндалами отчитался полнехоньким ведром, выставленным напоказ на камешке, а гуси исчезли, — наверное, улетели, прихватив с собою мои ночные видения. И мы с отдохнувшей, посвежевшей и помолодевшей за ночь спутницей стоим на крылечке, пытаясь разглядеть, что же уготовано нынче небесной канцелярией? Или высматриваем улетевших гусей-лебедей?

Повторялся фрагмент детской сказки «Гуси-лебеди», накануне разыгранной перед городским гостем на «фланелеграфе» старательной и передовой библиотекаршей Галиной из Завершья. Незатейливое приспособление для развлечения детишек, «фланелеграф», ввела в библиотечный обиход неугомонная заведующая. Хотите задним числом поучаствовать?

Отрез белой фланелевой ткани, натянутой на подрамник, — экран. Домик с трубой, яблонька, речка, солнышко, братец Иванушка, сестрица Аленушка, гуси-лебеди, вырезанные из разноцветной бумаги, — персонажи и реквизит анимационного представления-сказки. Аппликации передвигаются рассказчицей по мере развития сказочного сюжета.

…Загулялась-заигралась сестрица и оставила младшего братика во дворе без присмотра. Налетели гуси-лебеди, унесли малыша за высокие горы, за синие леса. Отважная девочка отправляется в погоню и возвращает похищенного братца, спрятанного в избушке Бабы Яги.

Не знаю, о чем думал двенадцатилетний отличник в школьном помятом костюмчике, с чувством собственного достоинства помогавший библиотекарше демонстрировать «сарафанное» представление, однако двое или трое присутствующих карапузов наблюдали за перемещением по простыне раскрашенных фигурок и приключениями сказочных персонажей раскрыв рты.

Галина напускала загадочного тумана, меняя интонацию и мимику.

А я в тот момент размышлял о мифических птицах-психофорах, переносящих души людей в загробные миры. Но, конечно же, со своей заумью ни к кому не совался.

6

Солнце разогнало утреннюю дымку и пригревало совсем по-летнему. Небесное светило, казалось бы, выжарилось, вытопилось за предшествующие месяцы, а нынче вроде и осенняя стылость грядет, но все равно душно, и печет, и томит, и хочется верить в бесконечное продолжение теплых дней.

— Куда двинем стопы?

— Решать гостю.

— Я все-таки заглянул бы к Диким…

— Не боитесь приключений?

— Главное, не разочарований…

Павловна с самого начала поездки скептически отнеслась к моей затее, однако, судя по всему, придерживалась правила: «взялся за гуж…»

Ну, а какая нужда томила меня, сказать было трудно. Чувствовал нутром: сегодня увижу что-то такое, чего до сих пор катастрофически не хватало для понимания этих сумрачных низин, этого легендарного озера, которое ни в какую не хотело открыться, этих неулыбчивых женских лиц с выражением неизвестной миру Джоконды.

И еще обратил внимание: тем утром не было слышно птиц. «Наверное, близится время осеннего перелета», — подумал и даже обрадовался догадке: конечно же, не до песен пташкам, пора собираться в теплые края…

Итак, решено: едем к Диким. Дорогу знаем приблизительно. Но, кажется, повезло. Тарахтящий, виляющий прицепом трактор «Беларус», груженный тонкоствольной ольшиной и сосенками, вынырнувший на трассу откуда-то сбоку, вроде бы направляется в нужную нам сторону. Пристраиваемся сзади и на дипломатичном расстоянии следуем за ним. Тактика проста: ежели кто-то из селян умыкнул пару кубов бесхозного леса, то не стоит людей пугать, контролеров и пужальщиков у них и своих предостаточно.

Долго ли, коротко ли продолжались догонялки, похожие на детективную слежку, как колея привела, наконец, к одинокому хутору на окраине леса. Есть вокруг многих селений такие неухоженные окраины: кажется, земля здесь ничейная, бросовая. И такой же непонятный домишко с почерневшей от времени шиферной крышей без телеантенны, но с колодезным колченогим журавлем, покосившимся «свинарем» и пристройками явился взору — молчаливый, понурый. Трактор въехал во двор, опрокинул кузов. Бревнышки шумно скатились на землю, вызвав легкое оживление в сонном царстве. Колыхнулась застиранная занавеска в окне, приоткрылась почерневшая дверь. На порог, опираясь на клюку, вышла сгорбленная старушка в фуфайке. Что-то сказала трактористу, и тот, разгрузившись, уехал.

«Она? Ганна Дикая?» — спросил я Павловну, почему-то перейдя на шепот, и та молча кивнула.

Домик, хоть и был окружен местами плотным забором из горбылей, «простреливался» насквозь. Прислонившись к ограде со стороны леса, я наблюдал за двором в узкую вертикальную щель, надеясь дождаться появления домочадцев.

Павловна вернулась ожидать в машину, спрятанную в отдалении, за деревьями.

* * *

Волчица томилась в засаде уже несколько суток. В поле ее пристального внимания находились ворота, за которыми накануне исчезли сани с увезенными волчатами. Укрывшись в рыхлом сугробе среди придорожных кустов, она не сводила глаз с проема ворот, внимательно следя за всем происходящим. За время, прошедшее с момента разорения логова и пропажи выводка, волчица заметно отощала и вымоталась. Проникнуть за высокий каменный забор панского замка ей никак не удавалось, а врожденный инстинкт удерживал самку от опрометчивого шага. Конечно же, ей ничего не стоило отчаянным прыжком перемахнуть через преграду, но что с того? На непрошеную гостью тут же навалится оголтелая свора откормленных волкодавов, а панская челядь забьет зверя кольями да вилами, если к тому моменту ее не изрешетят выстрелами из охотничьих ружей. Сознание зверя сигналило: «Туда нельзя!» А материнское чутье кричало: «Детки там!»

Массивные створки в очередной раз распахнулись, пропуская подъехавшие дровни, груженные кубами голубоватого, сверкающего на солнце льда. Это подневольные крестьяне заготавливали лед на озере и свозили напиленные куски в погреб-ледник, устроенный на задах панского двора. Обратно к озеру сани возвращались порожняком. Бодро пофыркивали лошадки. Громко переговаривались возницы. Ничто в их поведении волчицу не настораживало и не раздражало.

Вышедший из ворот дворовый человек с мешком, переброшенным через плечо, привлек ее внимание. Человек подсел в проезжавшие сани, устроился поудобнее. Поклажу положил рядом. Волчица проводила сани настороженным взглядом. Что-то ее подтолкнуло: надо бежать за ними…

Ослабевшая, измотанная продолжительным бдением, самка покинула укрытие и, прихрамывая, пустилась вдогонку. Лапы зверя скользили на разъезженной колее...

Между тем, появлению человека с мешком предшествовали драматические события, разыгравшиеся в имении пана Бенедикта. Хозяину доложили: пропала крестьянская девка-кормилица Стася. И пан впал в ярость. «Как так? Почему не устерегли?» Управляющий Вашила не находил слов для оправдания. Собственно говоря, на дивчину ему было наплевать, однако не на волчий выводок: кормить новорожденных зверенышей стало некому, и щенки чахли день ото дня и находились, по сути, на издыхании. Отыскать Стасе замену не удалось. В округе не нашлось ни одной женщины, кормившей грудью. И как с таким предложением к замужней крестьянке или молоденькой батрачке подступиться?! Другое дело — «ничейная» сиротка с байстрючкой…

Ко всем этим неприятностям прибавилась еще одна, более опасная и непредсказуемая: волчица. Неприкаянный, бешеный зверь с горящими глазами появлялся в деревне, вблизи имения в самые неожиданные моменты, пугая обитателей своим страшным отрешенным видом и непонятной целеустремленностью. Волчица могла запросто догнать и повалить одинокого путника или вскочить на проезжавшую повозку и до смерти напугать людей и лошадей, но при этом никого не покусав и не ранив. Она упорно что-то искала. Молва об одинокой волчице, караулившей своих обидчиков, быстро облетела округу. Люди боялись без лишней нужды выходить из домов, а панская дворня — без сопровождения вооруженных охранников. Детей держали взаперти, не выпускали на улицу. При всем при том ни крестьянских овец, ни коров с лошадьми волчица не трогала. С особым остервенением рвала лишь собак, вздумавших ее преследовать.

Ночной вой под окнами, к которому все чаще стали присоединяться лесные волки, обитавшие отдельной стаей, действовал на челядь и хозяев панского имения удручающе. До самого рассвета во дворе жгли костры. Маёнтак пребывал в настоящей осаде. По окрестным деревням поползли мрачные слухи.

Приняв во внимание все доводы, приведенные управляющим, пан Бенедикт, наконец, пришел к непростому для него решению. Чуть живых, истощенных волчат было приказано без лишней огласки вывезти с панского двора и где-нибудь выбросить, а лучше — утопить в проруби. От греха подальше.

7

Двор хутора напоминал заброшенную усадьбу, где валялись вещи, не упорядоченные хозяйственной логикой. Вернее сказать, некая рациональность все-таки присутствовала, но все находившееся возле дома носило отпечаток незавершенности и случайности. Под стеной валялось несколько изношенных тракторных скатов, присутствие которых казалось непонятным. Кому понадобилось хранить здесь старые шины, если признаков сельхозтехники не наблюдается вовсе? Какие-то ржавые бочки, крыло косилки, цепи, железный

лом соседствовали с детской коляской без колес и горкой колотых поленьев, напоминавшей по форме хуру — поленницу в виде стожка или копны. Окна домика — темные, без занавесок и традиционных цветочных горшков на подоконниках, а сам двор — без какого-нибудь подобия овощных грядок, цветочных клумб или плодовых деревьев, обычных для сельских подворий. Ни собаки на привязи, ни кур. Правда, за дверью бревенчатого сарайчика-свинаря кто-то хрюкает, — кажется, держат кабанчика.

На крыльцо вывалился странный человек, я сразу не понял, мужчина это или женщина. Взгляд сразу же приковала тряпка или веревка в его руке, и лишь потом я разглядел лицо. Словно пращой, человек сосредоточенно вращал этой странной вещью, не отвлекаясь ни на что другое. Двумя змейками извивалась черная тряпка, невольно привлекая внимание, не позволяя оторваться от этого странного зрелища. (Только спустя некоторое время я догадался: это были ношеные детские колготки.) Большой ребенок — иначе и не назовешь — с виду молодой старичок, с косматой непокрытой головой, обутый в спортивные кеды, одетый в болоньевую курточку, стоял на крыльце. Молодежная, не по росту курточка с откинутым капюшоном, с короткими рукавами, с расстегнутой застежкой-молнией подчеркивала взрослую, непропорциональную фигуру с неестественно маленькой головой, узким лбом, тяжелым подбородком, толстой бычьей шеей и глубоко посаженными маленькими глазами. Издали невозможно было разглядеть их выражение, но, без всякого сомнения, в поле моего зрения находился стопроцентный олигофрен, умственно отсталый человечек. Ему можно было дать и тридцать, и сорок, и пятьдесят лет, хотя, как я когда-то уже слышал, люди, страдающие олигофренией, долго не живут. Но кому из нас сие дано знать?

Еще кое-что бросалось в глаза: волосы на голове, густая щетина на мужских щеках и подбородке — почти седые, а вот тыльная сторона кистей рук покрыта густыми темными волосами, напоминающими собачью шерсть. Клочья волос выбивались из разреза рубашки. Никогда прежде видеть такую растительность на теле мне не доводилось.

Вслед за первым начали выходить другие обитатели дома. Появились мужчина (старик?) и две женщины (старушки?) в таких же разноцветных засаленных куртках. Происхождение одежды и обуви легко угадывалось — не иначе как гуманитарка из какой-нибудь Германии или Австрии. Похожи друг на дружку как две капли воды. Такие же заросшие, неопрятные. Женский пол отличался длинными, явно с чужого плеча, платьями и одноцветными платками. Платки сбились на плечи, и женщины их не поправляли. А лица — одинаковые, словно у близнецов.

Первый продолжал вращать змеями-колготками, не прекращая странное занятие ни на минуту, а остальные бесцельно разбрелись по двору. В движениях Диких отсутствовала какая-либо разумная последовательность, осознанная цель. Они двигались по знакомому, тысячу раз хоженому, привычному маршруту-кругу, находясь в своем обособленном, отчужденном мирке. Чем стал для этих несчастных двор? Резервацией? Тихой обителью? Убежищем и единственной средой обитания? Вдоль всего периметра двора, вдоль забора виднелась утоптанная тропка, наподобие тех, по каким бегают собаки на цепи.

Кто-то из Диких начал таскать по двору ломаную коляску, кто-то занялся пустым корытом, складывая в него поленья из поленницы. Горка в корыте росла. Поленья сваливались на землю. Их не подбирали.

Окрик матери, вышедшей на крыльцо, прервал странные забавы.

— Ходыты йисты! Поодынци кормыты не буду! — крикнула старуха.

«Идите есть. Каждого по отдельности кормить не буду», — перевел я с местного диалекта.

Дети, все побросав, гуськом направились в дом. Один, точнее, одна направилась в мою сторону…

Я вначале решил, что олигофренка вспомнила что-то оставленное возле забора, какую-нибудь игрушку, забытый предмет. В эту секунду, будто специально, прозвучал сигнал автомобильного клаксона — это Павловна звала меня к машине — я отвлекся. Неважно, как все произошло, однако испытанный вскоре внезапный страх буду впоследствии вспоминать и переживать с очень неприятным, досадным чувством стыда и вины. И корить себя за свою легкомысленную затею.

Прильнул к наблюдательной щели — и отшатнулся. На меня в упор глядели бледно-голубые, почти бесцветные глаза той, что прислонилась лицом к штакетинам с другой стороны забора. Невольная дрожь пробежала по телу. Глаза бедняжки не выражали живого интеллекта. Это был взгляд неразумного малолетнего ребенка, страдавшего неизлечимой болезнью: спокойный, безразличный, без всяких осознанных эмоций. Так же бессмысленно смотрят ящерицы и рыбы. И блаженные. А между тем почти вплотную ко мне находился живой человек, половозрастная женщина с неопрятными волосами, посеченными сединой, и безумной улыбкой, обнажившей редкие, больные зубы. Такая же неприятно-безобидная, как глубоководные рыбы и ящерицы. Прости меня, Господи, за подсмотренное всуе!

Почти наутек я покинул свой наблюдательный пост. Сделал это весьма кстати. На тропинке, ведущей к хутору со стороны села, заметил Тимофея Дикого. Он шагал к дому, держа на плече бензопилу. Спешил заняться привезенными дровишками. Еще не хватало мне, незваному гостю, разборок со стремным мужиком…

* * *

Она опоздала, потому что опаздывают всегда, когда слишком спешат и волна нетерпения застит взор и притупляет чувство реальности. К тому же накатанная, местами обледеневшая колея, по которой волчица устремилась вслед за санями, вначале петляла по узкой улице села, затем, выбежав за околицу, пошла вдоль берега Споровского озера до того самого места, где был съезд на лед. Расстояние между резвой лошадкой с санями и преследовательницей сокращалось медленно. Продвижение ослабевшего зверя сопровождалось отчаянным лаем деревенских псов, возгласами и криками людей. В волчицу полетели наспех выдернутые из плетней колья, поленья. Кто-то успел пальнуть вдогонку из ружья. Собаки рвались с цепей. «Бешеная! Бешеная!» — раздавались крики перепуганных мужиков и баб.

Истощенная волчица, устроившая средь бела дня настоящий переполох, казалось, не реагировала на помехи. Она была одержима единственной целью: догнать убегающие сани с подозрительным мешком в руках человека. Сил ей придавала росшая уверенность в том, что увозят ее детенышей. Отчаявшаяся мать была в состоянии учуять родной запах за версту.

Работники, сгрудившись вокруг майны, вытаскивали баграми кубы напиленного льда и грузили на сани, то и дело подъезжавшие к полынье. Надо было спешить — мартовский лед тончал день ото дня.

Люди, поглощенные работой, не придали особого внимания дворовому человеку по прозвищу Митька Чапок, приехавшему к месту заготовок. Митька спрыгнул с саней и, не вступая в разговоры с земляками, поспешно вытряхнул в воду содержимое мешка. Щенки, булькнув, мгновенно скрылись в глубине. После чего Чапок вздохнул с облегчением. Приказ управляющего Вашилы был выполнен. Теперь можно и почесать языком.

Все, что произойдет чуть позже на мокром льду Спорова, будет затем передаваться из уст в уста, обрастая невероятными подробностями. И множиться слухами, один страшнее другого. Якобы дворовый человек, утопивший волчий выводок, был разорван невесть откуда появившейся волчицей в считанные минуты. Зверь загрыз бедолагу на глазах у десятка людей. Не помогли ни громкие крики, ни багры с шестами, с помощью которых волчицу пытались отогнать. В суматохе в прорубь соскользнула и ушла под лед вместе с дровнями запряженная лошадь. Перепуганный до смерти возница уносил ноги вместе со всеми.

Говорили также, что если бы Митька не пожадничал и вместе с поклажей избавился от злополучного мешка, то все могло бы обойтись или обернуться по-другому. Но скряга Чапок решил заныкать себе прочный хозяйский мешок и, сделав свое черное дело, забросил пустой сидор за спину. Вот тут-то и накинулась на человека подбежавшая зверюга. Расправа оказалась короткой и страшной. Свидетели в ужасе разбегались.

На окровавленном льду возле проруби осталось лежать обезображенное тело в разорванном тулупе. Напуганные люди увезли труп не сразу, опасаясь возвращения бешеной волчицы.

На похороны несчастного Митьки пан Бенедикт выдал семье несколько злотых. После этой трагедии на озеро нельзя было затянуть и силком ни заготовщиков льда, ни рыбаков.

Еще поговаривали, будто пустой холщовый мешок волчица утащила с собой. А потом почти неделю кряду возвращалась к полынье и тоскливо выла над ней и скребла когтями тонкий ледок, которым вода схватывалась морозными ночами. Ну а потом снег и лед начали тончать, истаивать, пока не сошли вовсе. Наступила настоящая весна. Она, по присказке «куда ночь, туда и сон», унесла воспоминания о страшной трагедии, произошедшей на льду Споровского озера. Пропала и волчица. Правда, она еще вернется…

8

Испытывая смущение и неловкость, я вернулся к машине. Вкратце, пряча глаза, рассказал спутнице обо всем увиденном во дворе. Она деликатно промолчала, однако я нутром чувствовал осуждение и укор. Это ж надо было так вляпаться! Дались мне эти Дикие — несчастные люди! Тоже мне умник нашелся — приехал поглазеть на больных сирот, как в зверинец!

Павловна, уводя разговор в сторону, сказала: мол, надо уезжать, на исходе горючка, дотянуть бы до дома, там в запасе половина бочонка с соляркой. Да, это проблема, ответил я, убежденный, — оба вспомнили времена, когда бензин и солярка стоили дешевле минеральной воды. Но тогда и машин было меньше.

Вырулили на греблю.

— Наследственность — дремучий лес! — подала голос ветеринарша, и я понял, что она имела в виду. Конечно, она училась в ветеринарном институте

и, наверное, могла с медицинской точки зрения объяснить, почему Дикие такие заросшие и что они из себя представляют вообще. Я тоже кое-что слышал о генетике и евгенике — науках о наследственных проявлениях. На каком бесконечно длинном этапе человеческого рода дает сбой генетическая цепочка и происходит мутация, определить практически невозможно. В чем ее причина — не знает досконально никто. Врожденные генетические пороки — как следствие близкородственных половых связей? Родовое проклятие? Кара богов или чары злых волшебников? Мистика понукает наукой и наоборот…

Как бы в подтверждение моих размышлений, Катерина Павловна высказалась более определенно:

— Не хотела говорить, чтобы не нагнетать… Бабку этих Диких, Настю, немцы в 43-м в Споровской церкви сожгли. Вместе со священником и другими жителями села. Ну, вчера, на хуторе Бычиха эту историю вспоминала! У Настены дочка была, Ганна. Добрые люди тогда малолетку спасли. Девчонка видела, как мать заживо горела, слышала, как люди кричали… Свидетели остались. Рассказывали. С тех пор Ганна немного тронутая… Такой ужас пережить! Замуж долго не могла выйти. Наконец, взял какой-то пришлый. Вроде бы, говорили, дальний родственник. Бобыль.

— И что потом?

— Да ничего хорошего. Первенец у Ганны нормальный родился, вы его, Тимоху, видели. Остальные — недоразвитые, один к одному. Почти не разговаривают, мычат. А друг дружку понимают. С ранних лет начали зарастать, как звери. Мутация какая-то. Наверное, наследственный порок. Врачи ничего определенного сказать не могли. Ганна, хоть и разумом слаба, чего уж там скрывать, но старалась здоровых детей нарожать. Не получилось… Не дал Бог. За какие грехи наказание?

— Разве нельзя было их определить в специальный интернат, ведь в обычной школе наверняка не учились?

— Еще чего! Приступом, что ли, хату брать? ОМОН вызывать? Да и не было раньше никаких ОМОНов. Участковый с председателем сельсовета сунулись пару раз — прячутся, вой, гвалт, рычат, бросаются на чужих всем выводком, без царя-то в голове… Учителя тоже ходили без толку, да и куда таким в школу? Засмеют, затюкают… Со временем оставили Диких в покое. Они, вообще-то, никому зла не делают. Живут отшельниками. Ганна, пока в силе была, в бригаду ходила, работала. У нее пенсия колхозная, и по инвалидности детей получает. Колхоз выхлопотал. Так и живут. Иногда сельсовет с колхозом помогают — то деньгами, то гуманитаркой, что из города присылают.

— А муж Ганны, отец детей, где он?

— Знаете, как у нас говорят: одним местом дюж, да только не муж… Умер или сбежал, не знаю. У них там Тимофей за главного, мать-то уже почти не ходит... Тимохе нынче — за пятьдесят, а младшие ненамного его моложе, погодки… Выросли чертополохом. Да и никому-то дела до них сейчас нет.

9

За время поездки мы свыклись с вольво и теперь, устроившись по-домашнему, ехали в направлении деревни Завершье, начальной и конечной точке моего отпускного маршрута. Треснутое лобовое стекло еще больше расширилось паутиной, паутина отпечаталась у меня во лбу, и не хватало сил в ней разобраться.

По пути подсел местный лесничий, знакомый Павловны, разговорились.

Про Диких я не заикался, хватит, сыт по горло.

Лесничий балакал, спутники вполуха внимали, дурные мысли оставались позади вместе с километрами лесного тракта.

На повороте чуть было не сбили блудную собаку, неожиданно метнувшуюся под колеса. Мой небогатый водительский опыт хранил железное правило, когда-то в молодости заложенное инструктором по вождению: ни в коем случае нельзя резко тормозить, дергать руль и увиливать от неизбежного столкновения с собакой, кошкой, птицей и прочей домашней и дикой мелкой живностью. Чревато. Дави, коль случилось и хочешь сам остаться цел. Однажды, помню, ночью в лобовое стекло моей «шестерки» с лета врезалась куропатка. Не поняв, в чем дело, запаниковав, я едва не слетел в кювет — и заучил урок навсегда.

Павловна, кстати, не растерялась, газ не сбросила. Остановила машину через десяток метров посмотреть, не разбита ли передняя фара.

— Да тут их целая стая!

Действительно, свора бродячих собак маячила среди кустов на обочине. Брошенные своими хозяевами, одичавшие и злые, псы не лаяли, а грозно рычали. Решимость напасть явствовала в злых глазах, в оскаленных пастях. Бесстрашия придавало стае ее количество. Десятка два, если не больше, разношерстных, разномастных псов, позабывших страх. Шерсть на боках свалялась, висела клочьями. У одной, по виду гончака, на шее висел обрывок цепи. Попадись дикой своре одинокий грибник или рыбак — разорвут, покалечат, без всякого сомнения.

Павловна проворно захлопнула за собой дверцу вольво. Я схватил монтировку и попытался было выйти и утихомирить одичавших «братьев наших меньших». Самым разумным среди нас оказался лесничий, удержавший меня от опрометчивого шага. «Давай, Катя, езжай. А ты, парень, не дури. В одиночку — дохлый номер. Хотя бы ружьишко имел с собой…»

Мы стремительно уезжали с места позора. На душе было невероятно гадко. Солнечный день как-то сам по себе помрачнел, дохнуло осенью.

Возбужденные победой собаки еще долго бежали следом за машиной. Они надеялись вернуть людям зло, которого, вероятно, наглотались от предавших их хозяев.

* * *

Лесная деревенька среди густых чащоб на берегу озера приютила беглянку Стасю с дочуркой. Жили вдвоем, а точнее — втроем, у глухой старухи по имени Янина, доживавшей свой бабий век вдали от чужих глаз и людских волнений. Деревенька — ни то ни сё, в четыре хилых двора. Хутор.

Дальняя родственница — седьмая вода на киселе — с радостью приняла молодую мать, разделившую одиночество хозяйки. Нечастая гостья — «мамтя» Тереза — изредка наезжала с оказией санями, а летом — пешочком из Здитова, добираясь вокруг озера обходными тропками. Названная мать время от времени скрашивала скучное Стасино житье-бытье рядом с престарелой Яниной, за которой самой требовался уход, как за дитем малым.

Здесь, вдали от клятого панского имения, принесшего Стасе столько бед, она проживала, таясь, уже третий год. Как грибок, подрастала и дочурка, Настена.

Последние новости приносила Тереза. Рассказывала: в округе развелось волков тьма-тьмущая. Режут, потрошат домашнюю живность напропалую. Особо лютуют зимой, но и в летние месяцы спасу от волчьей стаи нет. Намедни у соседа Юхима, считай, целую отару овец растерзали. Коров дерут, лошадей, коз. Ничего подобного в былые годы не наблюдалось. А нынче — небывалое нашествие. Знакомый охотник в подпитии рассказывал: де, верховодит волчьей погоней та бешеная волчица, что в позапрошлом году загрызла дворового человека, утопившего маленьких волчат. И вовсе не голубого она цвета, а почти седая с синим отливом. Вблизи видел. Еле уцелел вместе с облавой.

Пан Бенедикт назначил награду тому, кто ее порешит, уж больно она пану досаждает, всех дворовых собак изничтожила, коней травит, коров, любого терзает, кто служит в маёнтке. И как только различает?! Жаканы зверя не берут. Волчица не иначе как заговоренная.

— Спаси и сохрани Боже! — крестится Стася, еще крепче прижимая к себе подрастающую дочурку. Ей памятна встреча с мятежной волчицей на заснеженном озере.

— Бронь, Матка Боска! — вторит ей «мамтя» Тереза, с опасением размышляя о предстоящей дороге вкруговую Спорова — через лесные заросли по узкой тропинке, по кладкам через болота. Может, и на сей раз беда минет?

Старуха Янина тоже за компанию крестится. Она, как тетеря глухая, ничего не слышит и не соображает.

Стася в окружении близких людей чувствует себя в безопасности, а думает про свое. Ей не дает покоя видение, почудившееся накануне. Странная чужая собака лижет ей руки. В свете полной луны собака белая как лунь, шерсть блестит голубым серебром…

«Таких не бывает…» — думает Стася и успокаивается.

Малышка Настена мусолит во рту хрустящий «журавлик» из пшеничного теста, Терезин гостинец. Девочке невдомек, о каких страхах судачат бабушка с мамкой. Ребенок всерьез и не по-детски переживает пропажу пса Жука — здоровенного, но смирного, лохматого кобеля, исчезнувшего вместе с цепью однажды ночью. Наверное, Жуку было одиноко и скучно коротать холодные ночи на заброшенном хуторе, и поэтому убежал погулять и загулялся. Одно утешало: если пес все-таки не вернется, «мамтя» Тереза обещала принести и подарить внучке маленького щенка. Он вырастет бо-ольшой, пребо-о-льшой и станет ее с мамкой, бабушку Янину и кормилицу-козу Зинку защищать от диких лесных зверей и злых людей…

* * *

За последнее время волчица страшно исхудала и… поседела. Метаморфоза окраса произошла неожиданно: серовато-рыжая шерсть на боках превратилась в пепельно-голубую, черная спина стала отливать мутной синевой. Мощная грудь, пах и лапы приобрели цвет поблекшей бересты.

В середине января у нее началась течка, побудившая волчицу искать себе пару. Она делала круг за кругом по безжизненному лесу, оставляя позади себя пахучие промоины, но вслед за ней, как в былые времена, никто из сородичей не устремлялся. Призывный брачный вой волчицы не находил откликов.

Наконец изнуряющий гон привел самку на дальний берег Споровского озера к одиноко стоящей хатке.

Хуторок отозвался собачьим лаем, вскоре переросшим в отчаянное повизгивание. Прижав морду к земле, нервно колотя хвостом, она подползла к будке с цепным псом — им оказался внушительных размеров кобель неопределенной породы, из безродных сторожей и коровьих пастухов — и, уже не таясь, уселась неподалеку. Пес еще издали учуял по запаху возбужденную самку и пришел в неистовство.

Легко оборвалась разом с ошейником цепь, а вместе с нею улетучились страх и другие привязанности и инстинкты, доселе удерживавшие вечно полуголодного кобеля на привычной привязи. Природа и жажда обладания самкой сделали свое дело. Рубикон дикого и домашнего, плоти и запрета был преодолен.

Утром, обнаружив пропажу, хозяева по следам определили: кобеля увела с собой большая волчица, наверное, та, о которой рассказывают ужасные небылицы.

Звездный час ошалевшего от страсти ренегата продолжался недолгих две недели. Все эти морозные дни блудный пес и волчица проводили в любовных играх, часто и жадно спаривались, вместе отдыхали и искали добычу.

Два матерых волка, прибежавшие на любовное пиршество, решительно атаковали парочку, причем на ответные выпады рассерженной самки не отвечали, ибо в волчьей дикой среде самку трогать не принято — это негласное табу. А отбившегося от людей волокиту волки все-таки изрядно потрепали.

От полученных ран отважный любовник вскоре скончался, так и не вспомнив дорогу к хозяйскому хутору и к домашней собачьей конуре.

Через положенный срок волчица разрешилась от бремени запретной любви. Помет появился на свет в конце апреля в барсучьей норе, разрытой волчицей и приспособленной для укромного логова. Троих лобастых щенков понесла она, здоровых и злых полусобак-полуволков, росших буквально не по дням, а по часам.

На второй год, на Пилиповку, волчица спарилась с самым крупным и сильным из своих выросших сыновей и спустя два месяца произвела на свет еще четверых щенков — поровну сучек и кобелей.

К концу третьей зимы неустанной погони семейство-стая насчитывало почти два десятка особей.

Не в пример другим волчьим выводкам, повзрослевшие дети Голубой Волчицы, как прозвали ее охотники и селяне окрестностей, не спешили отделиться от матери, держались одной стаей, а она знала и помнила любого из них. В обычном зверином миру родители теряют интерес к своему выросшему потомству довольно скоро.

Отстранились от властной матери лишь единицы непокорных и нетерпеливых сучек, но верные сыновья привели из других выводков себе серых подруг, нарожавших новых детенышей.

Смешение волчьей и собачьей крови произвело на свет Божий неизвестных доселе метисов — дерзких, умных, хитрых, отважных хищников, которые не знали извечного, присущего диким зверям, страха перед человеком, легко избегали охотничьих уловок и не испытывали жалости ни к чему и ни к кому, что сочли бы добычей или угрозой.

Обитала неутомимая стая и отдыхала от частых набегов в дремучем еловом лесу в недосягаемой для людей глухомани, прозванной Волчьими Норами.

Они не боялись открытых пространств и презирали красные флажки. Умели быть собаками и волками одновременно, демонстрируя повадки и навыки тех и других. Смело приближались к работавшим в поле людям и пасущимся стадам, проникали в села и на хутора, нападали на обозы и всадников, с жестоким упорством преследовали пеших и конных, разоряли хлева и загоны. Часто без видимой надобности угоняли и резали скот, играючи уходя от облав. Они мыслили, как люди и собаки, и ненавидели людей за то, что зависимы от них…

Голубая Волчица немного успокоилась и, кажется, умерила пыл лишь после того, как однажды зимой ведомая ею стая догнала на заснеженном тракте и разорила санный обоз, в котором, как оказалось, ехал, направляясь в Вильно, управляющий Вашила. Полумертвый от ужаса управляющий спрятался в санях под бараньим тулупом, но собаки-волки его запросто обнаружили, правда, разорвать не успели. Вашила скончался от разрыва сердца. Звери не стали трогать мертвое тело, и оно долго лежало на заметенной обочине. Падаль волки не очень-то жалуют, разве что с чрезмерной голодухи, хотя запах гниющего мяса их привлекает и возбуждает.

Со временем слава ужасных волков с собачьими повадками и умными глазами стала утихать. Число их заметно поубавилось после бесславной гибели панского управляющего. Понаехавшим со всех концов Государства Польского охотникам удалось-таки обложить и рассеять неуловимую стаю. Часть зверей была уничтожена. Одного молодого подранка, поговаривали, взяли сетью, посадили на цепь, однако поторопились успокаиваться. Прекрасным днем собака-волк, прикинувшийся смирным псом, выскользнул из ошейника и убежал в лес.

Голубую Волчицу никто с тех пор больше не видел.

Расставался я с новыми знакомыми с грустью.

Желание вернуться в те места и подробнее разузнать обо всем увиденном долго не покидало. Изредка перезванивался с библиотекаршей Галиной из Завершья, узнавал о последних местных событиях. Как правило, она отвечала лаконично и сдержанно: мол, все в порядке, все живы-здоровы и передают приветы.

Однако и на расстоянии легендарное Споровское озеро и его заповедные окрестности не отпускали, возвращались в живых картинках… Почему-то хотелось перед кем-то оправдаться, покаяться, но только перед кем и в чем?

И лишь однажды, в минуты вечерних раздумий, мне показалось, что я, наконец, что-то понял.

Все сущее, — думал я, — связано незримыми узами, а посему и крик птицы-подранка, и вой голодного зверя, и плач человеческого дитяти, растворяясь во Вселенной, возвращаются к нам неожиданным, а порою страшным резонансом.

Все прегрешения людские, большие и малые, одного вредоносного, разрушительного свойства. Из века в век содеянное зло накапливается в сознании непроходимыми бурьянами, и поэтому, как экземы, то здесь, то там появляются гниющие на корню деревья-«погони», готовые в любую минуту обрушиться и покалечить окружающих. В дебрях несправедливости и зла вырастают Голубые Волчицы и рождаются новые Маугли — без разума и царя в голове. И не вина их в том, а беда, и только наше перед Богом покаяние может проторить тропинку в этом дремучем бездорожье.

Микола ШАБОВИЧ

Сладостный хмель

* * *

Вечерняя свежесть сходит
На милый родимый край.
Пора отдохнуть природе.
Дневная жара, прощай!

Ну сколько уж можно мучить!
А завтра — под тридцать пять!
Осталось — мечтать о тучах,
А ночью — стихи слагать.

Про дождичек моросящий,
А лучше — как из ведра!
Довольно лучей палящих —
Грибная стоит пора!

Да только ведь ни грибочка —
Жара нас берет в тиски.
Деревья свои листочки
Поскручивали в кульки.

Эй, дождь, просыпайся, что ли!
Эй, солнце, умерь пригрев!
Пусть льется на лес и поле
Небесной воды напев!

Пускай оживит немножко
Природу родной земли
И скажет свояк мой Лешка:
«Какие грибы пошли!»

Михасю Башлакову

Не много тем осталось для стихов.
Уж обо всем давным-давно написано:
О пенье птиц, о зелени садов,
И даже о любви под кипарисами.

Непросто все ж Америку открыть
И ямбом, и хореем, и анапестом.
Но ведь поэт не может не творить
Судьбу свою — и начерно, и начисто.

И он ни с чьей не кормится руки,
Не ждет подарков, что давно уж розданы.
Ведь все поэты нынче — чудаки,
На них сегодня время давит прозою.

На волю судеб брошены давно,
Но что-то пишут, словно одержимые.
Глотают одиночества вино,
Как будто слезы неостановимые.

Выхаживают, пестуют строку,
За редкой рифмой не стоят на паперти,
Чтобы воспеть и поле, и реку,
И ясный месяц на небесной скатерти.

Стихи и песни — Родине отдать,
И снова, хоть года не молодые,
Писать про сойку,
Про льняную прядь
И счастья дни,
Как прежде, золотые.

Перевод с белорусского Татьяны ЛЕЙКО.

* * *

Ветры освежающе подули.
Дождь пошел дорогой столбовой.
И сады восторженно вздохнули,
Вымытые влагой дождевой.

Ожили иссушенные травы,
И кусты расправили листву,
И дубок, молоденький, кудрявый,
Сладко улыбается: «Живу!»

Синева из облака-оконца
Выглянула, став еще синей.
Скоро захозяйничает солнце
На просторах вечности своей.

* * *

Что во взгляде твоем? Может, солнца лучи,
Или дождик грибной, благодатный и легкий,

Или пылкий огонь, что мерцает в ночи,
Обжигающе близкий и очень далекий?

Что во взгляде твоем? Грусть росу пролила
Оттого, что так быстро проносятся весны,
Что за первой печалью вторая пришла,
Что никак не кончается год високосный?

Что во взгляде твоем? Лета звездная спель
Или жизни родник, что так бурно клокочет,
Соловьиная трель или сладостный хмель,
Что хмелит-молодит и уняться не хочет?..

Что во взгляде твоем?..

* * *

Так раззадорилась зима,
Что от тоски вот-вот завою.
А ты зовешь сойти с ума
В объятьях с бурей снеговою.

Вновь увлекаешь за собой,
Как в давний день, такой погожий.
И быть мне хочется с тобой,
И что-то все-таки тревожит…

Но пожалеть не хватит сил,
Когда покой вернется в душу,
Что выжил, что не согрешил,
Что даже сердца не послушал.

* * *

Я возвратился, чтоб сказать «люблю».
Своей красой меня ты покорила.
Опять желанья тайные ловлю
Во взгляде том, что ты мне подарила.

Но пониманья нам недостает.
Ловлю упрек (любовь ли отвернулась?).
И первое отчаянье мое —
Судьба, что болью к сердцу прикоснулась.

А ты — цветок весенний голубой,
Хоть до весны еще далековато.
И в том, что распрощаемся с тобой,
Ни ты, ни я, увы, не виноваты.

* * *

Смотри на меня, смотри,
Забудь, что меж нами — весны.
И за руку вновь бери,
Веди к заповедным соснам.

Там звезды поймут меня.
В очах твоих, томных, нежных,
Готов заблудиться я
И сладко, и безнадежно.

Где белой руки крыло
Укроет мои сомненья,
Там будет легко, светло
Невидимых крыл паренье.

Смотри на меня, смотри.
Пусть очи целуют очи.
И за руку вновь бери,
Веди в лунный омут ночи.

* * *

Цветы пожухли на твоем причале,
И время обгоняет нас поспешно.
«А мне стихи такие посвящали!» —
Волнуясь, говоришь ты безутешно.

И правда, пред тобой открыты двери
Такой высокой и завидной доли.
Но стать женой и не любить, поверь мне, —
Как будто птице жить без вольной воли.

Тебе стихи такие посвящали,
Что украшеньем хрестоматий станут.
Но все цветы пожухли на причале,
И лишь мечты кружиться не устанут.

* * *

Спешишь домой… Пришла моя расплата.
Ты убежишь — держи иль не держи.
И в этом ты совсем не виновата.
Такая жизнь — обман и миражи.

Прощенья просишь… Я того не стою.
Тропинки наши зарастут травой.

А грусть моя пройдет сама собою:
Сказать «прощай» мне тоже не впервой.

* * *

Зима писала твой портрет
Светло, торжественно, умело.
Быть злой и колкой не хотела,
Тебе смотрела долго вслед.

Потом задумала она
С тобой, свободной, подружиться,
И в снежном вальсе закружиться,
И всласть шептаться довидна.

Такая странная зима…
И все ж вины ее нисколько.
Ведь чародейка — ты сама,
Зима — твоя служанка только.

* * *

Не быть с тобой — так и с другой не быть.
Влюбленный, я твоим подвластен чарам.
И никогда тебя мне не забыть,
Хоть — что поделать? — мы с тобой не пара.

Зеленоглазка, ты в сиянье дня
Стоишь от темной бездны в полушаге.
Ты для меня роднее, чем родня.
С тобою быть мне хватит ли отваги?

С тобою быть — так уж ни с кем не быть,
Чужих искусов хмель навек отринуть.
А ты меня сумеешь не забыть?
А ты меня сумеешь не покинуть?

Перевод с белорусского
Валентины ПОЛИКАНИНОЙ.

Станислав ПОДЛИПСКИЙ

Как стать великим художником

Рассказ

Пролог

Хотите стать великим художником? Пойдите в магазин «Все для художника». Купите там мольберт. Купите холст на подрамнике. Купите набор масляных красок, набор кистей, разбавитель для красок. Приобретите набор мастихинов — это такие маленькие лопаточки. Как мастерки у строителей, только маленькие. Если вы не знаете, как выглядит мастерок строителя, вам пока рано становиться великим художником.

Еще не забудьте купить палитру, иначе краски придется смешивать на крышечке от майонеза. А без крышечки ваш майонез может испортиться. Со всем этим добром езжайте домой. В троллейбусе сделайте вдохновенное лицо, чтобы все поняли, что вы художник. Пусть даже вы еще не написали ни одной картины — все впереди.

Придя домой, распакуйте холст и установите его на мольберт. Распакуйте все остальное. Не торопитесь нести упаковку в мусорное ведро. Бросьте под ноги — художнику нужен хаос. Ибо лишь из хаоса рождается порядок.

Смешайте несколько красок из тюбиков на палитре и начинайте рисовать. Кисть должна стать продолжением руки, рука — проводником для мозга, мозг — вратами для божественного озарения. Поэтому не стоит напрягать ни руку, ни мозг — так вы только помешаете Вселенной творить через вас. Не задумывайтесь о том, что вы рисуете, и не старайтесь следить за ровностью линий. Настройтесь на Космос, почувствуйте его, пропустите через себя, позвольте ему выплеснуться на ваше полотно.

Забудьте хотя бы на время, что вы неудачник и бездарь. Да, и ни в коем случае не отвлекайтесь, пока работа не будет закончена. Не подходите к компьютеру и холодильнику — через них Диавол крадет ваше вдохновение.

Когда картина готова, можете сфотографировать ее и выложить на своей страничке в интернете. Лайки обязательно будут. Не может же быть, чтобы у вас совсем не было друзей. Потом можете пойти на кухню съесть бутерброд — вы заслужили. Крышечку от майонеза ополосните и верните на место.

Подкрепившись, возвращайтесь в комнату и любуйтесь на свой шедевр с разного расстояния. Проверьте количество лайков в интернете. Чувствуете приближение славы? Отлично. Теперь можете смело взять свою картину и повесить ее где-нибудь в коридоре. Например, в месте, где неровный стык на обоях.

А назавтра берите свои документы и езжайте поступать в торговый колледж. Потому что для того, чтобы стать великим художником, мало написать картину — ее нужно еще выгодно продать. Если вы, конечно, не хотите закончить, как Поль Гоген, умерев в нищете в хижине на богом забытом острове.

Интересно, что сказал бы питающийся одними лишь фруктами старина Поль, узнав, что в 2015 году его картины будут продаваться за триста миллионов долларов — зарплату среднего француза за девять тысяч сто лет. Наверное, подавился бы кокосовой стружкой.

Этот рассказ пойдет о художнике, который сумел стать великим при жизни. Быть может, много лет спустя после смерти его творчество придадут забвению, а его самого объявят шарлатаном. Но тогда ему уже будет все равно. К тому же за восемьдесят лет ведь так никто и не объявил шарлатаном Малевича с его цветной геометрией.

I

Я познакомился с Колей Старковым в художественной школе. Сегодня он известен всему миру как один из самых дорогих художников современности Николас Старкович. Его картины продаются, и — что самое удивительное — покупаются за десятки миллионов долларов. Но так было не всегда.

Среди нас — пятнадцати детей, сидевших кружком и пытавшихся перенести на ватман стоящую в центре класса миску с яблоками, — в то время он выделялся разве что тем, что единственный носил очки уже в десять лет. Ах, да! И у него были джинсы. В далеком 1992 году увидеть джинсы на улице было сложнее, чем в 2015-м увидеть айфон в салоне троллейбуса.

Отец Коли был первооткрывателем. Он одним из первых в Витебске открыл ларек на автобусной остановке. Дела шли хорошо, бизнес расширялся, и Андрей Моисеевич — да-да, Старковы были евреями, — спал и видел, как его сын подрастет и начнет помогать ему с делами. Но сын упорно не хотел идти по стопам отца и становиться бизнесменом. Он видел себя только в искусстве.

Андрей Моисеевич рассчитывал, что это не более чем подростковая прихоть, но с годами одержимость Коли карьерой художника только усилилась. Надо сказать, что это желание, пусть и не совсем обычное, но в то же время не такое уж и нетривиальное для мальчика, обучающегося живописи в городе, где родился Марк Шагал, жил Казимир Малевич и умер Юдель Пэн[1].

К окончанию школы Коля сильно вырос. Он был худощав и все время сутулился, как бы стесняясь собственного роста. Всклокоченные черные кудри его торчали во все стороны, на руках и одежде часто можно было видеть следы красок. Очки в толстой оправе, надетые на его выдающийся крючковатый нос, визуально делали и без того небольшой подбородок еще меньше. Но при всей несуразности своего внешнего облика Коля был довольно общительным парнем и обладал незаурядным чувством юмора, что позволяло ему иметь большое количество приятелей. Коля прекрасно ладил и находил общий язык со всеми, причем не только по теме искусства. Но не могу сказать, что с кем-то он был действительно близок.

Когда пришло время определяться с выбором профессии, Коля без тени сомнения отправился поступать в Академию искусств в Минске. По тому же маршруту последовали еще две девочки из нашей художественной школы: Маша Климова и наша главная звезда Женя Захаренко. Маша закончила Академию, вернулась в Витебск и до сих пор работает в одной из школ учителем рисования.

---

[1] Юдель Моисеевич Пэн (1854—1937) — белорусский живописец, педагог, видный деятель «еврейского ренессанса» в искусстве начала XX века. Учитель Марка Шагала.

История Жени Захаренко оказалась более драматичной. Подающая надежды молодая художница, победительница всевозможных конкурсов, которой пророчили славу самой Фриды Кало[1], была принята в Академию без экзаменов. Ее приглашали учиться в Москву, Киев и Варшаву, но она решила остаться на Родине. Возможно, этот выбор стал для нее роковым. На третьем курсе Женя по уши влюбилась в пятикурсника и вскоре узнала, что беременна. Отец ребенка требовал сделать аборт, но Женя не согласилась, а твердо решила рожать и взяла академический отпуск. Вскоре нерадивый папаша окончил Академию и, воспользовавшись связями своего отца, умотал в Китай, оставив Женю без алиментов. Через полгода после рождения ребенка от рака скоропостижно умерла Женина мать. Отец крепко запил. Женя решила, что дорога в искусство ей закрыта, и устроилась работать продавцом-консультантом в магазин одежды. Через несколько лет она встретила мужчину, который вскоре женился на ней и удочерил ее девочку. Но к живописи она так и не вернулась.

Сам же я, как и многие другие выпускники нашей «художки», забросил живопись почти сразу после окончания школы. Я решил пойти по стопам отца и подал документы в Военную академию. Или отец так решил — сейчас я уже и не вспомню. Иногда в свободное время, которого не так и много у курсанта Военной академии, я встречался со своими витебскими приятелями, от которых узнавал о наших общих знакомых, в том числе и о Коле Старкове. Пару раз на каких-то общих посиделках я встречал и его самого. Поэтому я был более-менее в курсе его жизни. По крайней мере, той ее части, о которой он позволял знать другим.

II

Путь Николаса Старковича — на тот момент еще Николая Старкова — к мировой славе отнюдь не был усыпан лепестками подсолнухов. Хотя поначалу все складывалось вполне неплохо. Как раз в год нашего поступления его отец решил, что бизнесу уже тесновато в провинции, продал большую часть своих ларьков в Витебске и переехал вместе с Колей и его матерью в Минск. На новом месте он занялся старым делом — вложился в розничную торговую сеть.

К тому моменту Андрей Моисеевич почти смирился с тем, что его сын — патологический художник, и даже простил свою жену за то, что она восемь лет назад отвела его в эту проклятую художественную школу. Хотя порой ему становилось грустно от мысли, что его дело умрет вместе с ним, ведь Коля был его единственным наследником.

Николай был примерным студентом. Он добросовестно посещал занятия и старательно выполнял все задания преподавателей. Практически все свободное время он также посвящал живописи и всему, что с ней связано: изучал биографии известных художников, штудировал статьи арт-критиков, посещал всевозможные выставки, музеи и галереи, и конечно же, рисовал сам. О финансовых проблемах он мог не заботиться — все его расходы взял на себя отец.

Преподаватели Академии относились к нему вполне благосклонно, однако никто не видел в нем будущего великого художника. Его хвалили скорее за прилежание, чем за талант.

---

[1] Фрида Кало де Ривера (1907—1954) — мексиканская художница, наиболее известная автопортретами. Одна из самых знаменитых женщин-художников XX века.

Время от времени Коля встречался с девушками. Как ни странно, этот сутулый чудаковатый юнец с растрепанной шевелюрой привлекал их, как улыбка безбровой Джоконды привлекает любителей искусства со всего мира. Возможно, кому-то из этих юных прелестниц хотелось почувствовать себя героиней фильма «Титаник», ставшей натурщицей для влюбленного художника. И Коля давал им такую возможность. Но как только работа над портретом завершалась, его горячее сердце моментально охладевало, превращаясь в айсберг, который проделывал огромную пробоину в сталкивающемся с ним женском самолюбии.

И пока его вчерашние возлюбленные тонули в пучине обиды и ревности, Коля продолжал невозмутимо дрейфовать в направлении своей мечты. А мечта у него была совершенно конкретная и четко сформулированная: всемирное признание.

Но на момент окончания Академии великим художником его считали лишь два человека: его мать и он сам.

III

Я случайно встретил его на улице примерно через год после окончания Академии. К тому моменту я уже получил звание старшего лейтенанта, командование пророчило мне блестящую военную карьеру, а мой отец мог мной гордиться, что он, собственно, и делал.

Сырым сентябрьским вечером я возвращался домой со службы и чуть не столкнулся с Колей лоб в лоб. Он шагал по тротуару, слегка пошатываясь и уронив взгляд прямо перед собой. Его я узнал не сразу. До этого мы не виделись с ним года два. И без того худощавый сутулый парень похудел и скрючился еще больше. Он имел вид хронически не высыпающегося человека. Если бы не его выдающаяся шевелюра и очки на ястребином носу, я бы, скорее всего, прошел мимо.

— О, Коля, привет, — сказал я делано непринужденным тоном, пытаясь скрыть свое удивление от его неважного вида.

— Привет, — устало улыбнулся он мне. Его улыбка показалась мне вполне искренней.

— Как ты поживаешь? Что у тебя нового?

— Да нормально все. Рисую потихоньку, — он произносил эти слова так, будто говорить о своей жизни ему было неловко и даже немного стыдно. — Как сам?

— Все хорошо. Слушай, может, зайдем в кафе, перекусим и поделимся друг с другом новостями? Вон в то — через дорогу.

Он рефлекторно пощупал свои карманы.

— Слушай, я бы с удовольствием, но очень спешу. Может, в другой раз?

Я понял, что он на мели.

— Да брось. Неизвестно, когда в следующий раз еще увидимся. Я угощаю!

Коля колебался.

— Послушай, — продолжал я, — нельзя упускать такой шанс, раз сама судьба нас с тобой столкнула.

— Вот уж не думал, что люди, запускающие ракеты, верят в судьбу, — сказал Коля, и мы оба рассмеялись.

В кафе я заказал большую пиццу и под предлогом того, что мне одному с ней никак не справиться, вынудил Колю поесть. Сначала он протестовал, но запах этого кулинарного шедевра на круглом пшеничном полотне сломил его ослабленное голодом сопротивление. Коля быстро жевал и глотал большими кусками. Было видно, что он давно не ел. Признаюсь, мне было удивительно видеть в таком состоянии человека, который никогда ни в чем не нуждался и чья семья с детства была для меня образцом достатка и благополучия.

Пока Коля утолял голод, я рассказал ему, как распределился в свою часть, как получил хорошую комнату в общежитии, как продвигаюсь по службе. Коля активно жевал и периодически одобрительно кивал. Насытившись, он откинулся на спинку стула. Настроение его явно улучшилось. Пришел его черед говорить.

— Что у меня нового? Да ничего. Живу там же, занимаюсь тем же — рисую. Сам знаешь, я, кроме этого, ничего не умею. Хотя злые языки утверждают, что я и этого не умею.

— Они все врут, — подбодрил я его, хотя он в этом совершенно не нуждался.

— Конечно, врут. Жалкие завистники.

По его тону я не понял, шутил он сейчас или говорил серьезно. Но уточнять не стал.

— Единственное, что изменилось, — продолжал он, — это то, что родители вернулись в Витебск.

— А как же бизнес твоего отца? — удивился я.

— А нет больше бизнеса, — грустно улыбнулся Коля. — Года два назад начались постоянные проверки: налоговая, санэпидемстанция и так далее. Что-то, конечно же, находили. Выписывали штрафы, прикрывали точки. Отец говорит, что это проделки конкурентов, у которых есть связи в верхах. Мама начала неважно себя чувствовать из-за постоянных стрессов — он же ей все всегда рассказывает. В итоге он продал за бесценок то, что осталось, и они вернулись в Витебск. Там у него есть еще пара-тройка ларьков. Но, сам понимаешь, доход от них уже совсем не тот, что в девяностые.

— Понимаю, — сочувственно вздохнул я, хотя на самом деле ничего в этом не понимал.

— Ну вот, — продолжал он. — Оставили мне здесь квартиру, так что живу один в трешке, как мажор. Но думаю поменять ее на что-нибудь поскромнее с доплатой, если будет совсем туго.

— А ты не пробовал продавать свои картины? — спросил я.

Коля пару секунд смотрел на меня в упор, сдвинув брови.

— Пробовал ли я продавать свои картины? Пробовал ли я их продавать? — зачем-то дважды переспросил Коля. — Да я столько времени и сил трачу на попытки продать свои картины, что я уже скорее не художник, а гребаный продавец!

Он на несколько мгновений замолчал, пытаясь обуздать эмоции, вызванные моим неосторожным вопросом. Наконец он успокоился и продолжил:

— Сейчас несколько моих работ выставлено в галерее по адресу: проспект Независимости, двенадцать. Там их можно купить. Зайди как-нибудь, если будет время. Это я не к тому, чтоб ты их покупал, а к тому, чтоб ты их посмотрел, если интересно. Хотя я не буду возражать, если ты приобретешь одну из них.

После этих слов он подмигнул мне и хихикнул.

— Обязательно зайду, — пообещал я.

— Ну а ты сам-то рисуешь? — неожиданно спросил Коля. — Яблоки в художке у тебя получались лучше всех.

— Нет, не рисую. Кроме яблок, у меня ничего особо не получалось. А одними яблоками сыт не будешь, — попытался отшутиться я.

Но Коля не отреагировал на мой шутливый тон.

— Очень зря! В каждом из нас живет художник, и нужно давать ему возможность себя проявлять, иначе он будет чахнуть, болеть и в конце концов умрет. И ты будешь всю оставшуюся жизнь носить в себе его труп.

— С моей службой мне не до художеств, — заметил я.

— Может случиться так, что однажды ты спохватишься, а твой внутренний художник будет уже мертв, — наступал он. — И как бы ты ни старался, ты не сможешь его воскресить. Тебе останется только горевать над его прахом, как репинскому Ивану Грозному над телом сына. И самым страшным будет осознание того, что ты сам виноват в его смерти.

Я молчал. Я испытывал внутреннее возмущение от того, что хоть привел Колю в это кафе и оплачиваю его ужин, он в полной мере чувствует себя здесь главным. Я ничего не мог ему возразить. Моя офицерская выдержка пасовала перед его уверенностью в своей правоте. И я понимал, что он действительно прав.

Я повернулся к бару и отыскал взглядом официантку:

— Девушка, будьте добры, счет!

IV

Месяц спустя я был по служебным делам на Главпочтамте. Выйдя на улицу, вспомнил, что галерея, о которой говорил мне Коля, находится в соседнем здании. Почему бы мне не взглянуть на его картины? — подумал я. Тем более, ему обещал, а слово офицера надо держать. Я прошагал несколько десятков метров по улице под моросящим октябрьским дождиком и увидел большую стеклянную дверь, над которой красовалась надпись «Галерэя Мастацтва».

Внутри было немноголюдно, но и нельзя сказать, что было пусто. Войдя внутрь, я на некоторое время поймал на себе удивленные взгляды нескольких женщин, чью профессию можно было определить как смотритель-продавец. Видимо, не часто их галерею посещали люди в военной форме. Через несколько секунд все они вернулись к своим делам, и теперь на меня с любопытством взирали лишь персонажи многочисленных полотен.

Картин здесь было действительно много. Все стены и колонны были увешаны в четыре-пять рядов. Один зал, другой, третий, какие-то закутки, коридорчики, лестничные клетки — все свободное пространство было покрыто работами многочисленных живописцев, мечтавших о признании.

Портреты, пейзажи, натюрморты, изображения животных, архитектуры, бытовых сцен. На некоторых картинах — просто абстракции. На других — обнаженные женщины в претенциозных позах. Работы были развешаны без какой-либо структуры или логики: они не были объединены в группы ни по стилю, ни по жанру, ни по автору. В уголке каждой из них была прикреплена маленькая бумажка с ценой. Чтобы купить среднюю по цене картину, мне пришлось бы откладывать всю мою зарплату несколько месяцев. Но затем я вспомнил, что над некоторыми картинами художники могут работать годами, и тогда их стоимость стала казаться мне не такой уж завышенной.

Побродив по галерее несколько минут, я окончательно осознал, что самостоятельно мне не отыскать картин Старкова в этом арт-хаосе, тем более, кроме цен, никакой информации о картинах не было. Фамилию художника можно было узнать, лишь разобрав авторскую подпись в правом нижнем углу полотна.

Я призвал на помощь одну из смотрительниц. Строго одетая женщина лет сорока с минимальной косметикой на лице что-то посмотрела в компьютере, а затем провела меня в небольшой закуток, отгороженный от основного зала стеклянной перегородкой.

— У нас здесь выставлены две картины Николая Старкова. Одна, — она указала на большое яркое полотно, затем развернулась и указала на еще одно на противоположной стене, — и вторая.

Я поблагодарил ее, и она удалилась, оставив меня наедине с картинами, которые сегодня стоят дороже, чем вся эта галерея вместе с ее смотрительницами.

На обеих картинах были изображены глаза. По глазу на каждой. Среди пестроты всех окружающих картин работы Старкова выделялись еще большей яркостью, насыщенностью. Обе были написаны на больших квадратных холстах. Если смотреть на картину издалека, то она выглядит как большой яркий глаз. Но если подойти поближе, то можно рассмотреть совсем иные вещи.

В самом центре картины был нарисован черный зрачок, который совершенно отчетливо напоминал объектив фотокамеры. А вокруг зрачка было изображено множество предметов одного цвета, закручивающихся в вихрь и таким образом образующих яркую радужную оболочку. Радужку первого глаза составляли десятки ярко-красных предметов. Клубника. Зонт. Автомобиль «Феррари». Перец. Рояль. Кресло Морфеуса. Елочная игрушка. Помидор. Флаг СССР. Гербера. Минский костел. Женская туфля. Роза. Лик Дьявола. Конь с картины Петрова-Водкина. Божья коровка. И еще много других алых, бордовых, гранатовых, пунцовых, багровых и вишневых предметов.

Каждый элемент этой красной мозаики был размером всего несколько сантиметров, но прорисован был очень тщательно, аккуратно, мелкими мазками.

Глаз обрамляли веки: верхнее и нижнее. В них я не нашел ничего необычного. Просто веки с ресничками и складками кожи. Но они были прописаны более грубо, крупными мазками, как бы фокусируя внимание зрителя на центре глаза.

Вторая картина повторяла композицию первой. Только радужка и предметы, из которых она состояла, здесь были синими. Больше всего меня позабавил затесавшийся между гроздью винограда, васильком и синей птицей — видимо, на удачу, — трактор «Беларус».

На обеих картинах, как и на всех остальных в галерее, был прикреплен ценник — порядка тысячи долларов. Это, пожалуй, ниже среднего по галерее. Чем определялась стоимость полотен, выставленных здесь, для меня было загадкой. Она точно не зависела ни от размера, ни от сложности работы. Я предположил, что цена могла определяться известностью художника, но вряд ли я что-то знал о ком-то, кто выставлялся здесь кроме Старкова.

V

Разглядывая картины, краем глаза я заметил, как с улицы в галерею вошел пожилой человек. Вид он имел весьма импозантный. Седые волосы были аккуратно зачесаны назад. Подбородок покрывала такая же седая бородка,

сужающаяся книзу. На загорелом лице красовались очки с круглыми стеклами в тонкой оправе. Старик был одет в настоящий макинтош и держал в руках настоящую трость. По крайней мере, выглядело все настоящим. Как будто пришелец из прошлого оказался на улицах Минска и решил посетить картинную галерею. Для полноты картины не хватало только цилиндра на его голове.

Он что-то спросил у опешившей от такого экспоната смотрительницы, и она, запинаясь, устремилась впереди него в моем направлении. Старик шагал очень бодро и твердо — трость явно была ему нужна лишь для придания важности и в какой-то мере эпатажа. Я бы не удивился, если б узнал, что у него идеальное зрение и в его очках нет диоптрий.

Я сделал вид, что изучаю картины. Они вошли ко мне, миновав стеклянную перегородку, и смотрительница указала прямо на Колины картины.

— Вот здесь у нас выставлены две работы художника Николая Старкова.

Затем, покосившись на меня, добавила, непонятно к кому обращаясь:

— Почему-то сегодня к этим картинам повышенный интерес.

Старик широко улыбнулся, оголив белоснежные зубы, и потер ладони.

— Это потому, что картины превосходные! У этого парня большое будущее — вот увидите! Я беру обе. Быть может, у вас есть другие его работы?

Растерянная смотрительница развела руками.

— Я сейчас проверю в компьютере.

— Сделайте милость, красавица, — вновь блеснул зубами незнакомец.

Смотрительница смущенно улыбнулась и удалилась плывущей походкой, стараясь держать осанку, как на светском балу.

Старик приветственно кивнул мне.

— Любите живопись? — спросил он.

— Так точно.

— Отрадно, что любовь к искусству не чужда представителям нашей доблестной армии, — сказал он, с улыбкой покосившись на мои погоны.

Я улыбнулся в ответ.

Голос, тон и вид незнакомца были весьма приятны. Он был просто наполнен обаянием до самых кончиков своих переливающихся серебром волос. Но все же я чуял в нем какую-то неуловимую фальшь, как фокстерьер чует лису в глубокой норе. Внешне старик был абсолютно спокоен, лишь только указательный палец его правой руки то и дело постукивал по резной рукоятке деревянной трости.

— Вы, я вижу, тоже любите живопись, — с иронией заметил я.

— О, еще как! С тех пор как мое влечение к женщинам стало угасать, искусство сделалось моей главной страстью. Прежде оно было на втором месте, — он по-хулигански подмигнул мне.

— И большая у вас коллекция?

— Женщин или картин? — продолжал разбрасываться остротами седой Казанова. И не дожидаясь моего ответа, продолжил: — Не такая большая, как была у Третьякова, но любопытные экспонаты имеются.

— А почему вы из множества картин в этой галерее выбрали именно эти две? — поинтересовался я. — Что именно вас привлекло?

Палец правой руки старика ускорил ритм. Левой рукой он несколько раз погладил свою бородку сверху вниз.

— Видите ли, — потянул он, — я…

— Я посмотрела в базе — у нас только две картины Николая Старкова, — прервала наш разговор смотрительница. — Если вы готовы оплатить, пройдемте, пожалуйста, на кассу.

— За вами — хоть на край света, красавица, — ответил старик, снова вынудив женщину покраснеть.

Он отвесил мне прощальный поклон и вальяжной походкой направился вслед за смотрительницей, звонко отстукивая каждый шаг по керамике пола своей тростью.

Дождавшись, пока старик выйдет из галереи с Колиными картинами, я подошел к обслуживавшей его смотрительнице с вопросом:

— Скажите, а давно у вас выставлены картины Николая Старкова?

— Около года, — ответила она.

— И часто их покупают?

— Это был первый раз.

Продать две картины за год — не так-то и много. Помню, я тогда с иронией подумал про себя, что мне выпала честь стать свидетелем исторического момента: у Николая Старкова впервые купили картины. Теперь я знаю, что это действительно был исторический момент. Но думаю об этом уже без иронии. Скорее даже жалею, что не опередил этого старика и не купил хотя бы одно из тех глазастых полотен.

VI

В следующий раз я услышал о Старкове два года спустя. Вернувшись вечером домой со службы и поужинав, я отдыхал, удобно устроившись на диване со своей молодой женой. За эти два года я успел не только жениться и получить ведомственную квартиру, но и дослужиться до капитана. Неплохо для человека, которому недавно исполнилось двадцать шесть. Не то чтобы я кичился своими успехами, но, признаюсь, неприкрытая зависть моих менее удачливых одноклассников и сокурсников порой мне льстила. Стоит ли говорить, что я всего на одну ступеньку был ниже в звании, чем мой отец, который уже вышел на пенсию.

По телевизору шел выпуск новостей. Показали сюжет о том, что американцы впервые избрали темнокожего президента. Затем о том, что королем Бутана стал двадцативосьмилетний парень с украинской фамилией Вангчук. Помню, я тогда еще подумал, что карьера этого Вангчука развивается куда более стремительно, чем моя.

— А теперь к новостям культуры, — вещала миловидная дикторша в строгом костюме. — В Нью-Йоркском музее современного искусства открылась персональная выставка картин уроженца Беларуси Николаса Старковича.

Следующим кадром я увидел знакомое лицо с очками на крючковатом носу. Это был Коля. Тот самый Коля, который шестнадцать лет назад сидел по левую руку от меня в художке и вместе с остальными рисовал натюрморт с яблоками в деревянной миске.

Он заметно изменился с момента последней нашей встречи. Всегда растрепанные его волосы были аккуратно уложены гелем. На загорелом округлившемся лице — модные очки в красной оправе. Он выглядел, как настоящий успешный американец: держался уверенно, много улыбался, демонстрируя безупречную, как репутация Авраама Линкольна, белизну зубов. Казалось, даже его привычная сутулость куда-то испарилась.

Далее начались новости спорта, а у меня перед глазами все еще стояло загорелое белозубое Колино лицо. Два года назад, когда я видел его в последний раз, это был исхудавший парень с фиолетовыми мешками под

глазами, не знающий, как заработать себе на кусок хлеба. Его жизнь в тот момент держалась лишь на непоколебимой силе духа и твердой вере в успех. Но кто мог гарантировать, что этот успех наступит? Сколько талантливых художников умерло в нищете, так и не получив заслуженного признания. Как можно было быть уверенным, что в один прекрасный день в галерею забредет этот чудаковатый старик-коллекционер и купит его картины. А как произошел квантовый скачок от продажи двух картин, выставленных среди сотен других в минской галерее «Мастацтва», до персональной выставки в одном из крупнейших музеев мира, для меня было загадкой. И я решил ее разгадать.

VII

К 2008 году интернет уже плотно вошел в мою жизнь и закрепился в ней, что существенно облегчало мне задачу. Расспросив нескольких общих знакомых и прошерстив дюжину сайтов о современном искусстве, я таки собрал кое-какую информацию. Оказывается, старик-ловелас из галереи всего через полгода после нашей с ним встречи выставил одну из картин Старкова на аукционе «Филлипс» в Женеве.

Купив картину за тысячу долларов, этот старый пройдоха непостижимым образом умудрился продать ее за сто тысяч. Какой-то миллионер из Израиля и толстосум из Объединенных Арабских Эмиратов не на шутку схлестнулись в бесконтактном бою, желая заполучить «Красный глаз», и повышали ставки до тех пор, пока участник с берегов Персидского залива, скрепя сердце, не сдался. Принимая во внимание извечное арабо-израильское противостояние, можно предположить, что для каждого из них уделать соперника являлось делом чести. Но выиграл еврей. Впрочем, как обычно.

Однако главным выигравшим евреем оказался Николай Старков. Такой резкий взлет цены на его картину не остался незамеченным в сообществе коллекционеров и дельцов, зарабатывающих на перепродаже предметов искусства. Через две недели старик из галереи продал на том же аукционе «Синий глаз» за восемьдесят тысяч, заработав таким образом на двух картинах малоизвестного художника сто семьдесят восемь тысяч долларов.

Заметки об этом событии появились в нескольких крупных международных изданиях, и можно сказать, Николай проснулся знаменитостью. Все его картины, которые он согласился продать, мигом размели по очень высоким ценам. К тому же, он получил предзаказы от нескольких коллекционеров на последующие работы.

За короткое время Старков стал не только знаменитым, но и богатым. Недолго думая, он переехал в город миллионеров Нью-Йорк и сменил имя на более привычный американскому уху вариант «Николас». Также он вернул себе родовую фамилию Старкович, которую его дед, опасаясь гонений, в конце сороковых годов обрезал до безопасной «Старков».

VIII

Следующие семь лет я периодически натыкался на новости о Николасе. В основном они были связаны с его персональными выставками: Нью-Йорк, Рим, Париж, Москва, Токио. Иногда появлялась информация об очередной

неприличной сумме, за которую была продана его картина. К 2015 году эти суммы возросли до миллионов долларов.

В этом же году мне исполнилось тридцать три. Достигнув возраста Христа, религию я, увы, не создал, да и учениками не обзавелся. Разве что стал наставником для двух своих сыновей. Хотя ими больше занималась жена, чем я. По крайней мере, у нее на это было гораздо больше времени.

Годом ранее я получил звание полковника. Василию Джугашвили для этого понадобилось на одиннадцать лет меньше. С другой стороны, мой отец — майор, а не генералиссимус.

Я был одним из самых молодых полковников Вооруженных сил Беларуси. А Коля Старков — всего лишь самым молодым генералом мировой живописи.

Интерес к себе он подогревал не только новыми картинами, но и новыми высказываниями. Удивительное дело, но как только вы добиваетесь серьезного успеха в какой-либо области, журналисты почему-то начинают считать вас экспертом во всех областях человеческой деятельности. И, соответственно, беря у вас интервью, начинают задавать вопросы, никак не связанные с вашим основным занятием.

Именно благодаря этому Николас Старкович заработал себе репутацию человека с активной гражданской позицией — непримиримого борца с войнами, конфликтами и любым кровопролитием. То и дело в своих интервью он не без красноречия обвинял правителей различных государств в неумении и нежелании вести переговоры, в эгоизме и личных амбициях, из-за которых гибнут невинные люди. Даже жонглировал какими-то цифрами о военных расходах крупнейших стран, утверждая, что этих денег хватило бы не только, чтоб накормить Африку, но и чтобы довести ее до ожирения.

На Западе любят людей искусства, музыки и кино с четкой гражданской позицией. Порой их даже избирают в президенты. Острополитические высказывания Старковича активно тиражировались в СМИ. Интерес к его персоне рос, а вместе с ним росла и стоимость его картин.

Видимо, чтобы окончательно закрепить за собой звание главного рупора пацифизма в искусстве, Старкович создал серию картин на антивоенную тематику. На картинах этой серии были изображены главные злодеи, тираны и захватчики мировой истории, занимающиеся совершенно мирным делом.

Чингисхан, играющий на моринхуре[1].

Наполеон, выступающий на сцене театра в образе Фигаро.

Усама бен Ладен, расшивающий молитвенный коврик золотой нитью.

Центральной работой стало полотно с изображением молодого художника, с умиротворенным лицом работающего над картиной. В чертах этого живописца с юношеским румянцем на щеках без труда угадывается Адольф Гитлер. А знатоки искусства даже рассмотрели в картине, над которой он трудится, настоящую работу Гитлера, где он изобразил так любимую им венскую архитектуру.

Цикл картин получил название «MakeArt, notWar»[2].

---

[1] Моринхур — струнно-смычковый музыкальный инструмент, распространенный в Монголии и некоторых районах России и Китая.

[2] Занимайтесь искусством, а не войной (*англ.*).

IX

В конце осени я ехал на машине по городу и увидел над проспектом рекламную растяжку, которая гласила, что со второго по восьмое ноября в Национальном художественном музее Беларуси впервые пройдет персональная выставка Николаса Старковича в рамках его мирового турне. Придя домой, я зашел в интернет и нашел там подтверждение этой информации. К тому же, там было сказано, что в последний день выставки — восьмого ноября — ожидается присутствие самого автора. По этой причине и без того недешевые билеты на выставку в этот день продавались по двойной цене.

Я оплатил два билета на последний день и распечатал присланные мне на электронную почту квитки.

Я посчитал — с момента нашей с Колей последней встречи прошло девять лет. Я о нем много слышал за эти годы. Он обо мне, скорее всего, ничего. Я не был даже уверен, что он меня узнает. Хотя за эти девять лет я изменился куда меньше, чем он.

Наконец тот день настал. Я надел свой лучший гражданский костюм. Жена идеально отутюжила мою белую рубашку. Сама нарядилась в красное коктейльное платье, чтобы не затеряться среди богемы на этой выставке. Это платье, купленное еще в прошлом году, она надела чуть ли не впервые, поскольку мероприятия, на которых мы обычно бывали, предполагали более строгий тон в одежде. Но сегодня нам предстояло быть не полковником и его женой, а просто любителями живописи.

Выставка открылась в двенадцать часов дня и должна была продолжаться до шести вечера. Ожидая, что Старков не появится с самого начала, мы с женой прибыли в музей к двум часам. Наши ожидания подтвердились — Старкова еще не было. Более того, никто не мог точно сказать, во сколько он будет и будет ли вообще. Оставалось только ждать.

На выставке было представлено всего двенадцать картин Николаса Старковича. Еще столько же — работы его учеников. Мы с женой изучили все картины, затем уселись на диван и, попивая подаваемое здесь шампанское, принялись изучать наряды посетителей выставки.

Наконец, ближе к четырем часам, появился и сам герой вечера. Он вошел в зал в белом костюме из мягкой ткани, расшитом золотыми нитками, и сразу же заполнил собой все пространство, мгновенно притянув к себе внимание всех присутствующих. Заскучавшие уже было дамы в нарядных платьях встретили его приход восторженными аплодисментами. Глазами они пожирали его, как битломанки Пола Маккартни. Я ожидал, что вот-вот кто-то упадет в обморок. Но славянки оказались выносливее англичанок.

Старкович был со всеми чрезвычайно любезен. Отрабатывая вырученные от продажи билетов деньги, он поприветствовал рукопожатием каждого мужчину в зале и поцеловал руку каждой женщине. Барышни, которые пришли без пары, норовили поцеловать его в щеку. Николас не сопротивлялся. Насколько мне было известно, он был до сих пор не женат, чем усиливал интерес к себе со стороны прекрасного пола.

Наконец очередь дошла и до нас. Он протянул мне руку и начал было произносить дежурную фразу о том, что он рад нас приветствовать на своей выставке, как вдруг его лицо переменилось: брови поплыли вверх, а пластмассовая улыбка ожила.

— Знакомые лица! — воскликнул он. — Вот так сюрприз!

Я улыбнулся и представил ему свою жену.

— Мой муж очень много о вас рассказывал, — выдала меня жена.

— Увы, не могу похвастаться тем же, — ответил Старкович, наклоняясь к ее кисти. — Однако же надеюсь, что ваш муж сегодня поведает мне, где он отыскал такой бриллиант.

Кокетство Николаса с моей женой показалось мне несколько чрезмерным, однако я не подал виду. По крайней мере, постарался.

— Ребята, простите, но я должен быть с гостями. В конце концов, они заплатили за билеты, — Николас едва заметно улыбнулся. — Но я очень хотел бы поужинать с вами по окончании выставки. Дождитесь меня, хорошо?

Я пообещал, что мы дождемся, и он вернулся в объятия влюбленной в него богемы.

X

Свое обещание мы сдержали лишь наполовину. Жена начала беспокоиться о детях, которые остались с бабушкой. Мои доводы о том, что с ними ничего не может случиться, ее, разумеется, не убедили, и я вызвал ей такси. Сам же я не мог упустить такой шанс пообщаться со Старковым, тем более, он сам предложил поужинать.

В шесть вечера, как и было запланировано, выставка подошла к концу. Николас попрощался персонально со всеми гостями, вновь пожав или поцеловав руку каждому посетителю в зависимости от гендерной принадлежности. За вечер Старков насобирал неплохой урожай не только номеров женских телефонов, но и дорогих букетов, которые были бережно расставлены помощниками в заранее приготовленные большие вазы по углам зала.

Наконец последняя брюнетка была расцелована и, цепко сжимая ярко-красным маникюром визитку мастера, покинула зал, оставив как напоминание о себе угасающий шлейф дерзко-пряного аромата. Николас подошел ко мне с выражением напускной усталости на лице:

— А где же твоя прекрасная супруга?

— Она поехала к детям.

— О, у тебя есть дети, — улыбнулся он.

— Да, два мальчика. Два сына.

— Поздравляю! Ну, что же. В таком случае, отужинаем без дам! Давненько я не ужинал в чисто мужской компании, да еще с офицером. Ты, кстати, в каком звании?

— Полковник.

Он изобразил испуг.

— Товарищ полковник, простите, что обращался к вам на «ты»! Теперь только на «вы» и по имени-отчеству.

— Коля, прекрати. Это скорее я должен обращаться к тебе на «вы». Ты-то вон какой — величина, знаменитость, светило мировой живописи…

— Продолжай, — он довольно заулыбался. — Ладно, шучу. Все. Поехали в ресторан.

XI

Взятый напрокат лимузин доставил нас к ресторану с нетривиальным названием «Гоголь». Ресторан не специализировался на украинской кухне, как можно было предположить из названия. Он специализировался на неприлично высоких ценах.

Я никогда не был здесь прежде, но был наслышан о его ценовой политике. На всякий случай я достал кошелек и пересчитал его содержимое. Заметив это, Коля сказал:

— О, не беспокойся, сегодня я угощаю! В конце концов, я же должен вернуть тебе должок десятилетней давности, когда ты спас бедного художника от голодной смерти!

— Девяти, — поправил я.

— Что?

— Девятилетней давности.

— Да вы педант, товарищ полковник! — рассмеялся Коля.

Я был немного удивлен, что Коля помнит о том случае, когда я кормил его пиццей в том дешевом кафе. Но было приятно.

Распорядитель усадил нас за лучший, по его словам, столик. Полагаю, он всем гостям говорит, что их столик — лучший, чтобы они чувствовали себя особенными. Однако нас он еще и взялся обслуживать лично.

Интерьер ресторана «Гоголь» скорее напоминал дворец, чем место, где едят. Поначалу было ощущение, что вот-вот появится кузнец Вакула и станет требовать черевички.

Я заказал стейк из говядины и бокал красного вина. «Прекрасный выбор», — похвалил меня распорядитель. Можно подумать, я мог бы заказать здесь что-то, на что бы он сказал: «Если честно, вкус у вас так себе».

Старкович заказал рыбу и белое вино.

— Я так понимаю, фирменное блюдо у вас — гоголь-моголь? — пошутил он.

Как оказалось, своей шуткой он попал в самую точку.

— Совершенно верно! — ответил распорядитель. — У нас подается более десяти разновидностей гоголя-моголя: с медом, ягодами, фруктами, соком, какао, вином, ромом.

— О, мы непременно отведаем этой вкуснятины на десерт, — обрадовался, как ребенок, Коля.

Распорядитель услужливо поклонился и ушел передавать наш заказ на кухню.

Коля был в прекрасном настроении, шутил и то и дело подмигивал трем хихикающим барышням за соседним столиком. Для него это был обычный ужин, какие он наверняка устраивает каждую неделю в разных городах мира. Для меня же это была возможность впервые в жизни вот так, с глазу на глаз, в неформальной обстановке поговорить с человеком, который многого достиг в жизни. Намного больше, чем я.

— Слушай, Коля, — начал я. — А ты веришь в удачу?

— Нисколько, — улыбнулся он. — А ты?

— Офицеру положено рассчитывать на свои силы, а не на удачу, — ответил я.

Он снова улыбнулся, откинувшись на спинку дивана, но ничего не ответил. Тогда я продолжил:

— А ты не считаешь, что именно удача во многом способствовала твоему успеху?

— Нет. Я так не считаю, — все еще улыбаясь, но с твердостью в голосе ответил он.

— Но ведь если бы не стечение обстоятельств, ты мог бы и не стать тем, кто ты есть. Я не пытаюсь сейчас говорить, что ты плохой художник, — ты выдающийся художник. Но если бы тот старик не купил твои картины и не

продал их за невообразимую для неизвестного художника сумму на том аукционе, широкая публика могла о тебе и вовсе не узнать.

Коля взял бокал и медленно сделал глоток. Он сидел неподвижно несколько секунд, ожидая, пока вино теплой струей опустится по его пищеводу. Затем он так же медленно выдохнул.

— Ты заблуждаешься, друг мой. Я не выдающийся художник. Как художник я ничем не лучше тебя, ничем не лучше любого из нашей художественной школы. Мои картины стоят больших денег не потому, что я хороший художник. Правильнее будет сказать, что меня называют хорошим художником, потому что мои картины стоят больших денег. Но никакого везения в этом нет.

— Что-то я тебя не совсем понимаю.

— Что ты не понимаешь? Любая моя картина теперь будет стоить дорого только потому, что это я ее написал. Даже если я просто выдавлю тюбик краски и небрежно размажу по холсту.

— Пусть так. Но ты же как-то сумел сделать себе имя. А без удачи здесь явно не обошлось: тот старик в галерее, то арабо-израильское противостояние на аукционе.

Он наклонился вперед и оперся локтями на стол. Лицо его было теперь абсолютно серьезным.

— А что, если я скажу тебе, друг мой, что импозантный старик в макинтоше с тростью — это актер Витебского драматического театра и хороший знакомый моего отца?

Я был озадачен. Это наверняка было видно по моему лицу, и Николас это читал. Он продолжил:

— А что, если я скажу тебе, что миллионер, первым купивший мою картину на аукционе, — это никакой не миллионер, а мой дядя Яша, уехавший в Израиль еще в девяносто первом? А араб, который с ним торговался, — это ряженый армянин, которого я встретил в кафе в Женеве и уговорил за сто евро сыграть роль шейха. Ты вообще знал, что армян можно встретить где угодно? Ты знал, кстати, что Айвазовский был армянином?

— Подожди! — прервал я его, пытаясь собрать общую картину из мозаики его фраз. — Ты хочешь сказать, что продал картины знакомому своего отца, который потом перепродал их твоему дяде?

— Не совсем так. Вернее, совсем не так. Я продал картины самому себе, чтобы потом одну из них еще раз перепродать самому себе. Старик из драмтеатра и дядя Яша — это просто актеры.

— Но зачем?!

Старкович улыбнулся и выдержал паузу, как человек, готовящийся рассказать о вещах, которые неминуемо поменяют мировоззрение слушателя.

— Ты же знаешь, что мой отец всю жизнь занимался торговлей. Как я ни сопротивлялся, но гены взяли свое, и я сам в конечном итоге стал торговцем. Только продаю я не копеечный ширпотреб, как мой отец, а свои картины. Я сам придумал этот план и пришел с ним к отцу. Мне нужны были две тысячи, чтоб выкупить две свои работы, которые были выставлены в галерее. Отцу в тот момент самому было тяжело с финансами, но когда он услышал мой план, то сразу загорелся. Он не был до конца уверен, что все срастется, но его радовал сам факт того, что его сын придумал хоть какой-то бизнес-план, что он не просто бестолковый хронический художник, а еще и предприниматель, пусть даже начинающий. Он продал один из трех своих оставшихся ларьков и отдал мне две тысячи. Также он облегчил мне задачу с поиском человека на роль

покупателя, представив мне того актера. Неплохой актер, кстати. Рассказывал даже, что играл короля Лира и получил хорошие отзывы.

— Но я все равно не понимаю, для чего ты сам у себя купил свои картины, да еще через подставного человека.

— Чтобы продать одну из них самому себе еще раз, — он рассмеялся, видя мое недоумение. — Понимаешь, продажа моей никому не известной картины за сто тысяч, да еще и это шоу с арабо-израильским противостоянием, наделали много шуму в прессе. В этом и состоял мой план — привлечь внимание СМИ.

— И ты действительно заплатил сто тысяч за свою картину?

— Конечно. Это же серьезный аукционный дом. Все должно было быть по-настоящему. Именно поэтому роль покупателя и сыграл мой дядя — я бы не доверил сто тысяч постороннему человеку. Но и это не мог быть мой отец, потому что меня могли бы раскрыть.

— А где ты взял деньги?

— Продал минскую квартиру. Несколько месяцев снимал комнату, пока происходили все эти проволочки с денежными переводами. Но вторую картину купил уже настоящий коллекционер. После уплаты всех пошлин, налогов, комиссий и оплаты всех расходов моей команды я еще остался в небольшом плюсе. Но главное, что я получил, это мое имя. Оно теперь на слуху.

Я понемногу начинал понимать его план, но все еще не мог поверить, что он сработал. Старкович видел мое замешательство и, видимо, решил помочь уверовать.

— Как ты думаешь, — спросил он, — чем определяется стоимость той или иной картины?

— В первую очередь, именем художника, я думаю, — неуверенно ответил я.

— Ты прав. Но чем же, в таком случае, определяется стоимость имени художника?

Я затруднялся ответить. Я уже понял, что точно не его талантом и мастерством. Видя, что у меня нет ответа, Николас ответил сам:

— Стоимость имени художника определяется тем, как часто о нем упоминают. Ты знал, что количество упоминаний в прессе влияет на стоимость акций компаний? То есть, если кто-то даже между делом пишет где-то слово «айфон», акции «Эппл» тут же растут, пусть и ничтожно. А когда этих упоминаний тысячи, десятки тысяч, миллионы? Когда о тебе выходит маленькая заметочка в «Таймс», ее тут же перепечатывают тысячи более мелких изданий. Понимаешь, о чем я?

— Начинаю понимать, — ответил я. — Но ведь картина — это не смартфон. Ее же нельзя просто так втюхать.

— Ха! Втюхать картину гораздо проще, чем втюхать смартфон. Потому что никто не знает даже приблизительно, чем хорошая картина отличается от плохой.

— Ну как же! А критики?

Старкович захохотал на весь «Гоголь», заставив посетителей обернуться на нас.

— Кто? Критики? — говорил он сквозь смех. — Я тебя умоляю! Когда картина прямо со старта продается за сто тысяч, любой критик найдет в ней признаки гениальности, я тебя уверяю. Нашли же они что-то в «Голубой

звезде»[1], хотя это больше похоже на детские каракули. Или возьмем того же Ротко[2]: этот проходимец просто брал валик и красил холст сначала красным, потом поверх этого — фиолетовым, и еще кривую зеленую полоску рисовал для полноты композиции. Ему даже лень было название придумывать. Он называл картину просто по номеру — Номер шесть. Или по цветам — Фиолетовое, зеленое и красное. В прошлом году эту картину продали за сто восемьдесят шесть миллионов. И критики ей просто восхищаются. Называется — живопись цветового поля. Какое, к черту, цветовое поле? Он просто валиком холст закрасил, олухи!

Его лицо вновь наполнилось спокойствием. Он сделал знак распорядителю налить ему еще вина.

— Ну, а ты никогда не думал поменять что-то в жизни? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Меня все устраивает. Почти все.

— Почти… — потянул он. — А не хотел бы почувствовать себя свободным человеком?

— Я и так свободный человек.

— Живущий по Уставу и беспрекословно выполняющий приказы старшего по званию?

— Послушай, — раздраженно ответил я, — служба в Вооруженных Силах, конечно, накладывает определенные ограничения, но это не значит, что я живу по Уставу, как по инструкции.

— Что же, рад за тебя, — ухмыльнулся Старкович и глянул на часы. — Думаю, наш ужин подошел к концу.

Он расплатился за двоих, несмотря на мои протесты, и мы вышли на крыльцо.

— Черт возьми! — сказал он и резко остановился.

— Что случилось?

— Мы ведь так и не попробовали гоголь-моголь! — Он с досадой обернулся на дверь ресторана. — Ну да ладно — не последний день живем.

Старкович предложил меня подвезти, но я сказал, что лучше возьму такси. Не хватало еще, чтоб мои соседи-сослуживцы видели меня выходящим из лимузина.

На прощание он протянул мне свою визитку:

— Если вдруг надумаешь изменить свою жизнь — набирай. Помогу, чем смогу.

Я спрятал визитку в карман. Мы пожали друг другу руки, и он уехал.

XII

Когда я вернулся домой, в квартире было темно и тихо. Я зажег свет в коридоре и заглянул в детскую — мальчики мирно посапывали. Я осторожно прошагал в спальню и сел на кровать рядом со спящей женой.

— Ты почему так долго? — спросила она сонным голосом, не открывая глаз.

---

[1] «Голубая звезда» (1927) — картина художника-абстракциониста Жоана Миро. В 2012 году была продана на аукционе за 36,9 млн долларов.

[2] Марк Ротко (1903—1970) — американский художник, ведущий представитель абстрактного экспрессионизма, один из создателей живописи цветового поля. Уроженец Витебской губернии Российской империи.

— Так получилось, — ответил я.

— Ложись спать.

— Мне еще нужно в часть.

— Зачем?

— Срочные дела.

— Когда уже закончатся твои срочные дела?

— Скоро. Очень скоро. Спи.

Я поправил на ней одеяло, тихо переоделся в офицерскую форму и вышел.

Спустившись вниз, я сел в машину, завел двигатель и посмотрел на окна своей квартиры. Через окно на кухне был виден свет, который я оставил включенным в коридоре. Мне не хотелось покидать квартиру в полной темноте.

Быстро добравшись до части по разреженным ночным дорогам, я застал врасплох задремавшего сержанта на КПП. Приказав ему вызвать мне прапорщика, который сегодня заступил в ночной наряд, я отправился в свой кабинет. Погасил верхний свет, оставив гореть лишь настольную лампу, вынул из шкафчика бутылку коньяка, сиротски стоявшую там еще со времен моего майорства, откупорил и плеснул в стакан.

Едва унялось тепло в моей груди от первого глотка, как в дверь постучали. Вошел прапорщик — лысеющий полноватый мужчина с рыжими усами и красным лицом.

— Вызывали, товарищ полковник? — взволнованно спросил он.

— Почему у вас люди на КПП спят? — гаркнул я.

— Разберемся, товарищ полковник, накажем! — суетясь и заикаясь, ответил прапорщик.

— Я сейчас сам разберусь. А вы — табельное оружие сдать, и можете быть свободны до завтра.

— Но так не положено, товарищ полковник, — пытался возразить он. — Это не по Уставу.

— Пистолет на стол, я сказал! — заорал я на него. — Я здесь Устав!

Он смиренно отстегнул кобуру и дрожащей рукой положил пистолет на мой стол.

— Свободен, — сказал я.

Он покорно опустил голову и зашагал к двери.

Я плеснул себе еще. Алкоголь постепенно очищал мой мозг от лишних мыслей и страхов. В том числе от страха смерти. Я расстегнул кобуру и вынул пистолет. Холодный кусок металла, способный за доли секунды выплюнуть раскаленного свинцового посланника смерти. Он приятной тяжестью лежал в моей руке.

Каждый взрослый человек хотя бы раз в жизни думал о самоубийстве. Хотя не каждый в этом признается. А когда проводишь ночь в рабочем кабинете за бутылкой крепкого алкоголя и твоим единственным собеседником здесь является молчаливый макаров, эта мысль может стать навязчивой.

Я взял бутылку и налил еще. Рука утратила свою трезвую твердость, и часть выпивки расплескалась по поверхности стола. Привыкший к чистоте и порядку, я не мог смотреть на эту коньячную лужицу у меня на столе и стал шарить по карманам в поисках того, чем бы мог ее убрать. Вместе с платком из кармана вытащил кое-что еще. Небольшой прямоугольник плотной бумаги, на котором красовалась лаконичная надпись: «NicolasStarkovich. Artist. Mobile[1]:1-212-169-8500». Фоном визитки служило изображение того самого «Красного глаза», с помощью которого мир смог увидеть художника

[1] Николас Старкович. Художник. Мобильный (*англ.*).

Николаса Старковича. Номер на визитке был американским, но я подумал, что, учитывая Колины регулярные поездки по миру, он наверняка должен быть в роуминге.

Я достал свой мобильный и набрал номер. Пошли гудки.

— Hello? — донесся из трубки знакомый голос.

— Коля, это я.

— А, привет. Чего не спишь в такое время? Ты же, в отличие от меня, женатый человек.

— Я решил, что хочу изменить свою жизнь. Мы можем встретиться?

— Сейчас?

— Да.

На несколько секунд повисла пауза. Затем он сказал:

— Хорошо, приезжай ко мне в отель. Номер девятьсот два. Я позвоню на ресепшн, чтоб тебя пропустили.

XIII

Через полчаса я вышел из лифта на девятом этаже и бесшумно прошагал по мягкому ковру в самый конец коридора, пока, наконец, не остановился у двери с цифрами 902.

Постучал. «Открыто», — донесся голос из номера. Я медленно толкнул дверь и вошел.

Гостиничный номер по размеру превосходил мою квартиру, а его интерьер был намного богаче. На огромной кровати полулежа расположился Старкович, одетый в белый гостиничный халат, и поедал нарезанные фрукты со стоящего рядом подноса, вытянув свои длинные худые ноги. На прикроватной тумбе стояла открытая бутылка шампанского в ведерке со льдом. Рядом — два бокала. На одном из бокалов остался след ярко-красной помады. Едва зайдя в номер, я уловил знакомый пряный аромат женских духов. Как у той брюнетки, которая последней покидала сегодняшнюю выставку.

— Проходи, располагайся, — Старкович указал мне на огромное кожаное кресло, по виду напоминавшее присевшего на корточки темнокожего сумоиста.

Я снял обувь у двери и прошагал в кресло.

— Ты один? — спросил я, усевшись.

— Да, Алеся уже ушла, — ответил он. — Налей себе выпить, если хочешь.

— Думаю, мне на сегодня уже достаточно.

Старкович одобрительно улыбнулся.

— Так о чем ты хотел поговорить?

— Я понял, что тоже хочу вписать свое имя в историю живописи, — сказал я.

— Надо же, — ухмыльнулся он. — Ну что же, ты можешь написать несколько картин, а я помогу тебе продемонстрировать их публике, включив их в экспозицию своей выставки вместе с картинами своих учеников. Но для начала тебе следовало бы немного позаниматься с учителем, чтоб восстановить утраченные навыки. Я сведу тебя с хорошим преподавателем из Академии.

— Я слишком стар, чтобы учиться.

— Брось, нельзя быть старым для любви, для счастья и для учебы, — возразил он. — А как по-другому ты собрался прославиться?

— Я придумал быстрый способ, — ответил я и вынул из кармана пистолет.

Старкович удивленно посмотрел на оружие, направленное на него, затем на мое лицо. Когда наши взгляды встретились, я нажал на курок. Пуля попала ему в правый бок. По белизне халата растеклось круглое алое пятно. Прямо как красный глаз на его визитной карточке.

Он продолжал сидеть неподвижно, как будто ничего не чувствовал. Только наблюдал взглядом за тем, как медленно растекается кровавое пятно по его белоснежному халату.

Я встал с кресла и подошел к нему. Он посмотрел на меня снизу вверх. Даже за минуту до смерти, когда истекал кровью и тяжело дышал, в его взгляде ощущалось превосходство, которое я так ненавидел.

Я выстрелил еще дважды. Пули пробили ему грудь. Он опустил голову на подушку, захрипел, как бы силясь что-то сказать, но уже не смог. Медленно выдохнул в последний раз и больше не шевелился. Величайший художник современности Николас Старкович был мертв.

Он лежал неподвижно, направив погасшие глаза в потолок и сжимая в руке небольшое яблоко.

Я достал телефон и набрал короткий номер.

— Алло, милиция? Я только что убил человека. Отель «Хилтон», номер девятьсот два.

Затем уселся обратно в остывшее кожаное кресло и стал ждать.

Эпилог

Хотите стать величайшим художником? Таланта живописца и таланта торговца вам будет недостаточно. Нужен более серьезный план. Озаботьтесь твердой гражданской позицией. Она должна выражать мнение масс и идти вразрез с непопулярными решениями правителей.

Станьте популистом. Например, можете стать ярым противником повышения налогов, повышения пенсионного возраста, проведения реформ системы образования. Можно, конечно, ратовать не только «против», но и «за». Например, за повышение зарплат, за ужесточение миграционной политики, за отмену виз, за независимость Каталонии и так далее.

Проявите гражданскую позицию в своем творчестве. Пишите картины на остросоциальные темы. Так они приобретут вирусную популярность. Если вас, конечно, не смущает, что ваши картины будут постить в Twitter с короткими псевдоинтеллектуальными комментариями. Таковы реалии сегодняшнего дня.

Но самое главное — будьте готовы принять мученическую смерть от руки убийцы, который просто захотел таким образом прославиться. Поверьте, это большой плюс для вашего величия. Это сделает вас Джоном Ленноном искусства.

Но если же вами движет не тщеславие и алчность, а только лишь любовь к творчеству, как к проявлению божественной сути в человеке, то у вас только один путь — творить. Создавайте новые миры на своих полотнах. Не важно, уйдет на это семь дней или семь лет. Не оглядывайтесь на критиков. Это ваш мир, и он совершенен, в отличие от мышления критика. Получайте удовольствие от самого процесса созидания. Ибо главное не результат, а процесс. Результат любой жизни — это смерть, но ведь важно не как человек умер, а как он жил.

Полюбите то, что вы создаете, и однажды мир тоже полюбит это. А вместе с этим полюбит и вас.

Валерий МАКСИМОВИЧ

Симфония вечной любви

* * *

Послушай,
у меня есть одно желание —
Немного странное,
немного чудаковатое:
Давай сыграем с тобой симфонию —
не вечной жизни,
А ту, что просится в сердце, —
симфонию вечной любви.

И пусть, пусть брезжут
розовые восходы и закаты,
И пусть струится чистая
родниковая вода, —
Не в жизни вечной,
вечным покоем объятой,
А в вечной любви,
не умирающей никогда.

Я так хочу тебе невзначай
улыбнуться
И слово —
даже не вымолвить —
слышно чуть
прошептать,
Твоей руки —
восхищенно и нежно —
коснуться,
И в легком дрожании
голос любви распознать.

Не надо загадывать,
что будет с нами
в будущем, —

Будет все по-другому,
иначе, не так,
как сейчас…
Так давай же вдвоем
слушать симфонию чудную —
Симфонию вечной любви, —
она — здесь.
Она — в нас.

В плену видений

Пусть все пути переплелись
И невзначай перемешались,
Но только мы вдвоем с тобой —
Непокоренные судьбой —
В ненастьи дней не потерялись.

Нетронутыми с давних пор
Остались вера и надежда…
А чувства пламенно горят,
О многом сердцу говорят
И вновь волнуются, как прежде.

Влекомые виденьем грез
И с нетерпеньем неизменным
Сквозь пелену далеких лет
Они летят на яркий свет —
На встречу с юностью нетленной.

На миг лишь стоит замереть,
Как сердце снова встрепенется,
И неприметно в тот же час
Сиянье лучезарных глаз
Его пленительно коснется.

Живу и помню

Я поверить не мог в упоение счастьем —
Мне казалось, оно безвозвратно ушло.
Только что-то в пути не давало упасть мне,
Только что-то дарило мне свет и тепло.

В ожиданьи застывшем, с незыблемой верой
Я хранил свои чувства в себе глубоко,
Оставляя открытыми окна и двери,
Чтобы жизнь продолжалась и время текло.

И противилась вся моя сущность земная,
И мой ангел-хранитель не мог допустить,
Чтобы я свое прошлое, напрочь отчаясь,
Смог безжалостно, враз от себя отпустить;

Чтобы я несравненные, чудные лица,
Не колеблясь, предать бы забвению смог,
С тем, кто дорог и мил, пожелал бы проститься,
Не оставив в душе его след, его вздох.

Потому я от прошлого не отрекаюсь —
И живу им, и помню, и в сердце храню,
И свой путь среди рифов и скал освещаю, —
И прощаю себя, и себя я виню…

…Слышу голос желанный — и чувства ликуют,
Вижу образ родной — и нельзя устоять,
Чтобы не освятить этот миг поцелуем,
Чтобы важное что-то сейчас не сказать.

. . . .

Как прекрасно оно, упоение счастьем,
Что нам дарит немыслимое волшебство,
И в рапсодии жизни живое участье,
И ни с чем не сравнимые свет и тепло.

Я вбираю в себя этот праздник пречудный
И судьбу никогда не устану просить —
Как бы ни было горько, прискорбно и трудно —
Этот праздник волшебный на бис повторить.

Открыть небо

Слова открыли небо мне опять
И голосом любви заговорили, —
Не в силах чувств накал в себе сдержать,
О новой эре сердце возвестили.

Так долго длилось время в забытьи,
И тишина предательски молчала,
Одна лишь гроздь живительной любви
Меня от одиночества спасала.

Она горела искоркой в ночи —
То ярче становясь, то угасая,
Как будто на столе огонь свечи,
Что дарит тихо свет не вопрошая.

Случилось чудо — ожили они,
Слова, что были точно в заточеньи,
И в сердце снова музыка звенит,
Предвосхищая чудное мгновенье.

О счастье! — света луч взошел на трон,
И воцарилось в мире единенье
Сердец и душ, и канул в Лету сон,
Послав всему свое благословенье.

Стена молчанья пала навсегда —
И луч незримый стал тому причиной.
Ах, так легко теперь мне разгадать
Смысл слов, что в песне слышу, сердцу милой!

Всегда все можно заново начать —
Теперь, как никогда, я это знаю, —
Слова открыли небо мне опять —
Я словно бы в раю, я вновь летаю.

Признание

И вот мы снова вместе — слава Богу!..
Я рад, я очень рад тебе, поверь…
Прошу судьбу, чтоб дальнюю дорогу
Никто не смог пророчить нам теперь.

Я долго ждал, о Боже мой, как долго
Я ждал тебя и, кажется, не жил, —
Я ждал тебя всю жизнь — и только —
И всем, что есть во мне, любил.

И вот мы вместе… Сердце не печаля,
Целую руки, наклонясь, твои…
Пусть мы ни слова даже не сказали —
Бессилье слов понятно нам двоим.

Смотрю в глаза твои — какое счастье! —
Я вижу их, я вижу жизнь свою…
Благодарю тебя за все участье,
За то, что есть, тебя благодарю.

Нет никого на свете мне дороже…
О каждом дне ушедшем не скорбя,
Все принимаю потому, похоже,
Что в каждом дне приветствую тебя.

Александр НОВИКОВ

«Я вернусь в этот мир…»[*]

Биографическая повесть

Дед мой, Георгий Иванович Новиков, был ученым-химиком абсолютно европейского уровня. Одновременно он являлся «титановым» стержнем для нашей довольно разветвленной, сложной, интересной и во многом раздробленной нынче семьи. Плюс ко всему это — абсолютно самобытный, самостоятельно сделавший себя человек, который вполне почувствовал справедливость китайского афоризма: не дай вам бог жить в эпоху перемен.

Ему пришлось пережить и войну, и застой, и безумную горбачевскую эпоху, и последующий развал Советского Союза, и семейные дрязги, и неприятную ему пенсию «по возрасту», хоть и персональную. Плюс не самые простые отношения с отдельными коллегами, учениками, родственниками. Но это уже — мелочи.

Как пел его однофамилец, свердловский бард Александр Новиков:

О мой хребет сломали столько палок
И сколько, сколько вывезли воды.
Но все равно не крив он и не жалок…
У нас во всем с ним полные лады.

Не хочется про Деда писать по-научному фундаментально, объективно, серьезно и длинно. Для этого потребуются современный Лев Толстой и сертифицированный исследователь химии — в одном лице. Таких пока не наблюдается, несмотря на ко многому обязывающий Год науки-2017.

А вот попытаться объединить в одном тексте возвышенное и земное, науку и жизнь, драматическое и комическое — почему бы и нет?

Недаром же дед шутил, что неформальным гимном химиков считались строчки из романса на стихи великого князя Константина Романова: «Растворил я окно…»

Пусть эта скромная повесть-посвящение будет такой же легкой, ироничной и в то же время — логичной и серьезной, как и ее главный герой.

Сложная, конечно, задача…

Вместо биографии, или Старая история про то, как судьба играет человеком

Вскоре после похорон деда в ящике его стола мы нашли запечатанный конверт. Там были, в частности, прощальные стихи — эмоциональная литературная автобиография. Но к стихам мы обратимся попозже, а начинать лучше с прозы, скупых биографических фактов.

---

[*] Журнальный вариант.

Георгий Иванович Новиков

Родился он в Саратове в 1924 году, там отучился в школе, оттуда же ушел на фронт. Не могу сказать, что подробно посвящен в эти страницы его жизни. Дед не любил и не умел жаловаться. А в его детстве и юности было очень много тяжелого и страшного.

Что тут скажешь? Голодное Поволжье… Мать, учительница, умерла, когда сыну было всего семь лет.

Недолго пробывший вдовцом отец, Иван Григорьевич, с новой женой и маленьким сыном метался по стране в поисках лучшей жизни. Но все равно возвращался назад — в «осточертевший, но родной» Саратов.

Наконец, подрастающий парнишка как-то незаметно стал лишним в семье. Воспитывала, кормила и следила за развитием его с десятилетнего возраста родная незамужняя тетя, полностью заменившая обоих родителей.

О своей тете Вале он всегда отзывался с огромной теплотой. Что неудивительно. Я ее никогда не видел, но дед прямо светился, когда про нее вспоминал. Уже незадолго до его смерти выяснилось, что была она очень даже непростым человеком; приходилась близкой родственницей саратовскому губернатору.

Сегодня эта тетя Валя могла бы стать героиней сериала — на тему 30-х годов. Ее, белую кость, явного «врага народа», каким-то образом проглядели и... взяли работать секретарем-машинисткой в местное отделение НКВД. Там она, видать, многого насмотрелась. Думается, списки с именем гениального ученого Николая Вавилова, который погиб в саратовской тюрьме, она тоже печатала. И знала, кого они там убили.

Дед как-то рассказал такую историю. Когда тетя провожала его, добровольца, на фронт, то сказала странную фразу: «Ты, Юрочка, все правильно делаешь, по-другому сейчас никак. Но я бы на твоем месте еще немного подумала…»

Между тем дед уже в 1941 году, семнадцатилетним, начал рваться на фронт. И несмотря на определенные проблемы со здоровьем, добился своего… Годом позже уже был на передовой.

О войне он в семейном кругу практически ничего не рассказывал. Хотя рассказать очень даже было что: он был тяжело ранен на Курской дуге, принимал участие в освобождении Беларуси, Витебска и Бобруйска — в частности, заканчивал войну в Прибалтике… А глубокий шрам под левой лопаткой от осколка немецкой мины, полученный под Курском, остался у него навсегда.

Но вместо пространных военных историй дед лишь несколько раз скупо ронял, что ничего хорошего об ужасе, крови и грязи сообщить не в состоянии. А плохого и без того в жизни хватает…

(В общем, его короткие военные истории — это уже тема для иных произведений, в духе жесткой фронтовой прозы.)

Показательно, что дед при всем этом частенько называл себя счастливцем. Наверное, потому, что удалось выжить, остаться человеком, заняться любимым делом — наконец.

Его еще совсем зеленым пацаном тянуло к изобретательству. Вот и в действующей армии пытался внедрить миномет собственной конструкции.

Правда, миномет благополучно взорвался при первом же испытании. И счастье, что еще никто не пострадал…

В общем, когда ефрейтор Новиков дослуживал срочную в Прибалтике летом 1945-го, ему снова повезло. Командир полка подшучивал-подшучивал над своим горе-Левшой, но помог оперативно демобилизоваться и дал направление для поступления в Ленинградский государственный университет.

Приехал новоиспеченный «дембель-абитуриент» в Ленинград, когда прием в ВУЗы уже закончился. Но «рекомендательное письмо из войск» сыграло свою роль. Так одним студентом-химиком в Ленинградском государственном университете стало больше.

Почему именно химфак ЛГУ? Просто этот университет в 1941 году был эвакуирован в Саратов. И интересующийся наукой Юра (именно так, а не Жора и не Георгий, его звали в семье и среди близких людей) Новиков несколько раз оказывался на лекциях корифеев химической науки из Ленинграда. В частности, на «выступлении» своего будущего научного руководителя, академика Щукарева, которым был тогда натурально очарован.

Выбор был сделан, оставалось войну перейти. В смысле пережить.

Удалось. Дальше пошли сумасшедшая, как и у всего тогдашнего поколения, учеба и работа. Свой курс вместо положенных 5 лет вчерашний солдат-срочник Новиков закончил за 4 года.

Это можно назвать еще одним подарком судьбы.

Через год весь его курс — целиком, бросили на решение очередной секретной проблемы, то бишь на создание новой, усовершенствованной бомбы. О какой-то защите и опасности для молодых людей никто тогда не думал.

И вчерашние студенты после такой деятельности долго на этом свете не задерживались.

А дед, сэкономивший на учебе один год, вместо урановых и прочих разработок завоевал внимание ученого ленинградского ареопага и прямиком попал в аспирантуру.

Кстати, имел ведь возможность еще раз сменить свою дорогу. Судьба его словно испытывала на прочность.

Дед рассказывал, что его, без пяти минут аспиранта, как-то пригласили в кабинет декана химфака. Там сидел человек в сером костюме, стандартной наружности. При этом сам декан имел бледный вид и жался на стуле в своем кабинете, как обычный посетитель. Восседавший за массивным столом человек в сером быстро показал удостоверение сотрудника МГБ и завел стандартный разговор:

— Молодой человек, мы наводили о вас справки. У вас замечательная биография. Фронтовик. Коммунист. Лидер по натуре. Талантливый специалист в своем деле. Органам и стране чрезвычайно нужны такие люди. Я предлагаю вам подумать над моим предложением. Вы понимаете, о чем я?

А что тут можно было думать, спрашивается? За отказ от такого «приятного предложения» можно было поплатиться жизнью. Запросто. А свободой — так просто на три-пятнадцать.

К тому же в городе на Неве как раз раскручивалось печально знаменитое сегодня «ленинградское дело», стоившее тогда жизни многим высокопоставленным ленинградцам, в университете в том числе.

Дед нервно сказал, что польщен, но свою жизнь до сей поры видел прежде всего в науке. Товарищ в сером отечески попросил его не торопиться с выводами и предложил встретиться через неделю.

Могу весьма отдаленно представить, что чувствовал двадцатипятилетний парень, когда шел на эту новую встречу с воплощенной судьбой.

Однако «серый человек» в деканском кабинете одобрительно похлопал «претендента» по плечу и сказал:

— Знаете, молодой человек, все бы хорошо. Вы нам очень интересны. Но мы посоветовались… Понимаете, внешность у вас совершенно неподходящая. Вы прямо красавец, могли бы актером стать. Яркие глаза, военная выправка, рост, волосы роскошные. Мечта для барышень, театральных подмостков и кино. Но для нас как-то предпочтительнее, чтобы сотрудники были не такими заметными. Так что идите занимайтесь своей наукой, если она так уж вам дорога.

Что ж, история доказала, что в послевоенном Ленинграде хватало амбициозных юношей незаметной наружности, чрезвычайно полезных органам и стране, даже без Г. И. Новикова.

А Дед в итоге стал тем, кем и мечтал быть, — Ученым.

Сотрудник из МГБ был определенно прав в одном. Женщинам он (Дед в смысле) всегда нравился, но как-то не умел извлекать для себя большой практической выгоды.

По легальной семейной легенде, до появления на горизонте будущей законной жены Клары Васильевны у него случился жгучий студенческий роман с одной замечательной во всех смыслах ленинградской барышней. То ли из блестящей профессорской, то ли из еще более блестящей академической семьи.

Подающего надежды молодого человека там принимали уже как родного и составляли планы для его карьерного роста… Но девушка как-то расслабилась, не поняв до конца, с кем имела дело. Она произнесла в его присутствии примерно такой томный монолог: «Ах, Юрочка, блокада — это было так отвратительно... К нам никто не ходил. А один раз я просто чудовищно заболела: объелась шоколадом. Представляешь?»

Ее роскошный возлюбленный-фронтовик как раз представлял, что такое ленинградская блокада и вообще многое знал про голод. Поэтому он встал, по-солдатски быстро собрался и вышел в просторное ленинградское парадное. Больше в том элитном доме его не видели.

Возможно, потенциальный тесть мог даже какие-то пакости ему творить. Не суть. Деда было невозможно ни запугать, ни тем более купить. Он не искал простых, приятных, общепринятых путей. Ни в жизни, ни в науке.

В его научной карьере ведь тоже случалось всякое. Особенно сначала. Из-за неудачного, непродуманного эксперимента с ртутью, одобренного и санкционированного его научным руководителем, обожаемым академиком Щукаревым, дед в одночасье лишился своей роскошной каштановой шевелюры, которой позавидовал бы любой современный киногерой.

Занятие такой деятельностью определенно било по здоровью. Но на такие «мелочи», как отравление ртутью или работу с опаснейшим торием, он не обращал серьезного внимания.

В 42-го года дед уже стал доктором наук (что весьма и весьма рано для ученого, занятого фундаментальными научными исследованиями). В то же время в Питере дела у него шли «не так чтобы очень»…

Всем известно, что талантливым, незаурядным людям всегда есть кому мешать и завидовать.

Все по классике:

На короткой незаметной шее
Голове удобнее сидеть.
И душить значительно труднее,
И арканом не за что задеть.

Мешали, насколько можно было понять по скупым репликам, и ему. Задерживали надолго защиту кандидатской, а потом докторской, закрывали выстраданные научные проекты, наушничали и просто пакостили по мелочам.

В итоге от работы в Ленинградском госуниверситете он отказался — в пользу кафедры общей и неорганической химии Белорусского технологического института.

При этом афористично попрощался с городом на Неве: «Ленинград, конечно, великий город-музей. Но кто сказал, что всю жизнь нужно прожить в музее?»

Так что именно в Беларуси, в Минске, он создал серьезную научную школу, взрыхлил почву (пользуясь агрономическими терминами), осуществил посадки зерен-идей. Но настоящего урожая — того, на который мог реально рассчитывать, так и не дождался.

И вот эту тему нереализованных идей (надеюсь, *пока* нереализованных) хотелось бы затронуть подробнее, пусть даже отойдя от фигуры главного героя.

Водород и мирный атом. Из семидесятых — с приветом в наше время

В числе первостепенных задач белорусской энергетики Президент Беларуси Александр Лукашенко еще в конце 90-х годов определил поиск и внедрение альтернативных источников энергии, снижение зависимости республики от импорта энергоносителей и т. д.

Каким образом Беларусь могла выполнять такие пожелания? Ведь до сего времени история создания и использования альтернативного топлива в независимой Беларуси, БССР, да и во всем СССР, — это прежде всего история упущенных возможностей и трагедия подлинных ученых-одиночек.

Почему?.. Очень хороший вопрос.

Напомним несколько фактов. В семидесятые годы прошлого века *водородная энергетика* была самой модной темой в научном мире. Началось все с того, что фирма «Вестингауз» сумела убедить весь мир в том, что начинается энергетический кризис. И спасение «человеков и человечества» заключается в ускоренном создании энергетических ядерных реакторов.

Как афористично на эту тему высказывался превратившийся ныне в легенду академик Легасов: для капитализма характерно умение *организовывать потребности* людей.

Сказано — сделано. В мире тогда посчитали, что нефти хватит только на 20 ближайших лет, не более. И засуетились.

Президент Академии наук СССР А. П. Александров, будучи уже в 70-е годы человеком весьма опытным и мудрым, иронизировал: «Когда я был молод, говорили, что нефти хватит не более чем на 20 лет. А теперь, когда я уже совсем не молод, говорят все то же: через 20 лет нефть кончится!»

И все же 70-е были эпохой *оптимизма и эйфории доверия* к атомной энергетике.

Ясно, что атомные станции представлялись тогда той панацеей, которая гарантировала бы Sustainable Development — устойчивое развитие — цивилизации на планете Земля. Так любят и по сей день выражаться эксперты, заседавшие и заседающие в ООН, МАГАТЭ и во многих других престижных международных организациях.

Но разумные подсчеты показывали: атомная энергетика может обеспечить только 25 % энергетических потребностей человечества. Вот тут и появился на авансцене альтернативный энергоноситель — водород. Он всем казался хорош, беда была только в одном: для получения его в чистом виде требовалось затратить много энергии. Сразу вставала во весь рост *водородная экономика,* которую в СССР начали называть водородной энергетикой.

Про экономику же советскому народу Леонид Ильич Брежнев лишь успел сообщить-прошамкать, что она должна быть экономной. Все очень веселились, помнится. А напрасно.

Как бы там ни было, процесс работы с водородом оказался запущен, и вот уже посыпались технические идеи, предложения, технико-экономические обоснования, возникли новые масштабные направления прикладной науки и т. д.

И эта — чрезвычайно перспективная — область привлекла внимание деда. Водород ему казался универсальным топливом будущего. На нем, сжиженном, могли летать самолеты, двигаться автомобильный транспорт и т. д. Теоретически все выглядело весьма привлекательно. Но получить водород в чистом виде и в нужных количествах оказалось необычайно сложно.

Его пробовали извлечь из *воды*, однако в воде атомы водорода и кислорода соединены удивительно крепко. Чтобы расщепить их связь, тратились невероятные затраты энергии, и водород становился «золотым». Требовались принципиально новые ходы.

В начале 80-х годов прошлого века в Минске, при Белорусском технологическом институте (ныне БГТУ) была создана лаборатория, которая одной из первых в СССР начала заниматься решением этой насущной мировой проблемы.

Лаборатория вошла в мощную союзную систему, занятую вопросами водородной энергетики: Институт машиностроения и Институт атомной энергии (ИАЭ) в Москве, институты в Новосибирске и Свердловске и т. д.

В это же время у научного руководителя минской лаборатории, профессора Новикова, появилась оригинальная идея. У воды в химическом плане был своеобразный брат-близнец: сероводород. При расщеплении этого вещества, побочного продукта добычи нефти и газа, можно было получить и ценный водород, и довольно полезную серу.

Данная идея получила горячую поддержку у руководства союзной Академии наук. И в 70—80-е годы прошлого века знаменитый академик Легасов очень часто бывал в Беларуси, постоянно останавливался у нас дома (не сочтите уж за пустое бахвальство).

Дед был реально мощной, магнетической фигурой. На моей детской памяти, в нашей минской квартире за несколько лет побывали десятки ученых из Запорожья и Казани, Москвы и Иваново, Душанбе и Ленинграда и т. д.

Большая гостиная для них легко переоборудовалась из конференц-зала и столовой — в спальню. Дед сам продумал и внедрил конструкцию, благодаря которой диван с гостем «отгораживался» зеленой панбархатной портьерой. Как шутили знакомые на сей счет: «В гостиной у Георгия Ивановича каждую ночь с дивана торчали разные ученые ноги, составлявшие цвет советской химической науки».

Торчали с него не раз и ноги академика Легасова. Он тогда курировал в стране атомно-водородную тематику, был настоящим любимцем и негласным наследником директора Института атомной энергии, президента академии наук Советского Союза Александрова.

Несмотря на специфику своей работы, Валерий Алексеевич прямо был заинтересован в развитии альтернативной «мирному атому» энергетики.

Нет, не так. Нужно уточнить как минимум один важный практический момент. У атомных электростанций есть свои особенности. У потребителей в течение суток, времени года и т. д. необходимость в электроэнергии колеблется: электричества днем нужно больше, чем ночью, а зимой больше, чем летом. В результате таких перепадов появляется так называемая провальная, невостребованная энергия. Атомный реактор ведь не горелка: захотел — подкрутил побольше, стало слишком ярко — открутил обратно.

Логично, что источником энергии для производства вожделенного водорода из воды или сероводорода могла стать… энергия от атомных электростанций в тот самый, «провальный» период. Например, ночью. Так «убивались» сразу два, если не три, зайца.

Кстати, именно поэтому по всему СССР термин «водородная энергетика» заменили на другое устойчивое выражение: «атомно-водородная энергетика».

Таким образом, Легасов — химик и физик-атомщик в одном лице, оказался в нужное время в нужном месте. Однако дьявол, как всегда, прятался в деталях, мелочах. На тему мелочей мы поговорим в главе «Система, которую нужно было менять».

А сейчас важно отметить еще одну особенность советских АЭС: в них использовались реакторы с так называемой положительной реактивностью. (По секрету скажем, что реакторов с «отрицательной реактивностью» на АЭС в принципе существовать не может.)

Это означало: после отключения защитной автоматической системы реактор мог пойти «вразнос». Разумеется, никому и в страшном сне не могла присниться ситуация, когда реактор работает при отключенной защите. Но именно так и произошло в Чернобыле в 1986 году. Там провели преступно глупый эксперимент: зачем-то отключили всю автоматику реактора; не «сбросили» вовремя специальные стержни, притягивающие нейтроны и способные в случае опасности погасить цепную реакцию.

Когда «экспериментаторы» очнулись, реактор уже вышел из-под контроля… Последствия известны.

В рамках этого затертого сюжета хочется отвлечься от персоны Деда еще раз и вместе с вами поспорить с принципом: «Незаменимых людей нет»…

Человеческий фактор-1. Легасов

Эта трагическая нелепость 26 апреля 1986 года смертельно ударила по академику Легасову и их проекту. Так всегда считал дед. За полгода до Чернобыля «академик Валера» (так его звали близкие друзья) как раз был поставлен куратором над всеми АЭС Советского Союза, но в курс дела, разумеется, вошел не до конца.

Будем так считать.

Когда Чернобыль рванул, Валерий Алексеевич был там на следующий день, получил сильнейшую дозу облучения, но… сделать ничего уже было невозможно.

В итоге все, начиная от тогдашнего президента академии наук Александрова и заканчивая президентом страны Горбачевым, сделали «крайним» именно его. Ровно через два года после Чернобыльской трагедии, 27 апреля 1988 года, академик Легасов покончил с собой, повесился в своей квартире.

Там были и какие-то проблемы с сыном — криминального плана, и остро прогрессирующая лучевая болезнь самого академика, и твердое ощущение, что его банально предали люди, от которых он такого не ждал.

С дедом они созванивались незадолго до страшного решения Валерия Алексеевича. О чем говорили — неизвестно, выдумывать — неуместно. Тогда начнется то, что в плохих романах принято называть «волей судьбы, роковым стечением обстоятельств» и т. д.

Дед факт разговора признавал, а деталей не раскрыл.

Если конкретно, то без идейного руководителя в Москве, обладавшего невероятными связями на уровне союзного правительства и ЦК КПСС, с последовавшим вскоре распадом республиканских связей водородная тематика закрылась, а уникальная лаборатория в Минске самораспустилась.

Не произойди всех этих чудовищных совпадений, интереснейшая научная задача, связанная с рентабельным получением водорода в промышленных объемах (из воды или из сероводорода, не суть), наверняка была бы решена в СССР, но…

История сослагательных наклонений не знает. Впрочем, на эту «оригинальную» мысль есть смысл взглянуть под другим углом. Но пока сделаем еще одну важную, системную остановку.

«Система, которую нужно было менять»

Советская и постсоветская наука заслуживает сатирического романа. «Сказка о тройке» братьев Стругацких уже есть, конечно. Но суть нового произведения вкратце может быть такова.

Да, были честные, идейные ученые, которые горели, думали о реализации своих научных планов и о том, чтобы принести пользу Отечеству. Таких было, кстати, не так и много. Имена их чаще всего благополучно забыты. Знаменитыми становились прежде всего вельможи от науки, эдакие министры-администраторы, умевшие обслуживать стареющих королей, — вот вам навскидку гениальный образ в исполнении Андрея Миронова в фильме «Обыкновенное чудо». Неудивительно, что дед этот фильм пересматривал по ТВ с завидным постоянством.

Такие ушлые ученые-администраторы умели добывать невероятные деньги под какие-то громкие проекты. При этом они понимали, что проект этот — пшик, фикция.

Но государственные мужи, выделявшие деньги, разбирались в физике и химии часто на уровне средней школы… И то крайне плохо. При этом они боялись показаться ретроградами. (Вот вам еще и вариация на тему сказки Андерсена «Новое платье короля»…)

И деньги для нужд громко заявивших о себе ученых сыпались как из рога изобилия.

Вот лишь один скромный пример.

Где-то в начале нулевых белорусский подвижник заявил об оригинальном изобретении. Он на крыше своего типового дома соорудил подобие фотонных батарей и заявил, что новое слово в науке — за ним. Мол, за счет солнечного

тепла комната всегда может быть теплой. Это дело тогда даже по ТВ показывали. Дед, посмотрев телесюжет, задумчиво сказал: «А что этому товарищу дадут солнечные батареи на крыше, даже если они будут работать? Мы же не в Ташкенте живем. Зимой солнце слабое, он замерзнет. А летом в его комнате на пятом этаже “хрущевки” и так жарко».

Отрадно лишь, что этот товарищ денег из бюджета выбить никак не смог. Во всяком случае, такой информации нет.

Но это — мелкомасштабная история. А что делать с теми эпопеями советской эпохи, когда люди заявляли: с нашей помощью будет обеспечена безопасность и благосостояние миллионов людей, срочно нужно госфинансирование. И оно часто появлялось. А ради чего?

Вот у академика Красина, последние годы своей жизни проведшего в Минске и занимавшегося вопросами водородной энергетики, а в пятидесятые годы руководившего Физико-энергетическим институтом (ФЭИ) в Обнинске, осталась нереализованной мечта: создание сети тепловых АЭС по всему СССР.

Красин получил за разработки первой в мире тепловой АЭС Ленинскую премию еще в 1957 году.

Но вот как этот «прорыв» оценивал Г. И. Марчук, ставший в итоге последним президентом Академии наук СССР, а в пятидесятые годы занимавшийся в ФЭИ численными методами расчета атомных реакторов. Горькие, хотя и довольно дипломатичные слова: «*Жизнь в Обнинске не была безоблачной. В Физико-энергетическом институте образовалось два научных направления — реакторные системы на тепловых нейтронах и системы с более «жесткими» спектрами, на промежуточных нейтронах. Руководителем первого направления был директор института Андрей Капитонович Красин. К сожалению, он не вникал в глубину проблемы, столь сложной для того времени. Группа приближенных к нему ученых, достаточно компетентных, экспериментировала, считала, проектировала. Конечно, кругозор А. К. Красина был достаточен, чтобы видеть проблему в целом, но глубокого следа в науке он так и не оставил. Однако он обладал большими амбициями и довольно ревниво относился к другим направлениям*».

Но если говорить про Красина, то это — искренняя, пусть и системная, ошибка, на которую имеет право любой ученый, большой и не очень.

У деда они тоже были, кстати говоря. В то же время его отличали энциклопедичность знаний и категорическое непонимание того, как можно сознательно ловчить на занятии самым святым — Наукой. Это для него было… как в храм явиться пьяным вдрызг, помочиться на алтарь, попутно устроив драку со священником.

Сам дед, по словам одного из его учеников, *никогда* не переставал учиться, не стеснялся начинать разбираться в проблеме, отталкиваясь от самых простых описаний и учебников. И при этом всегда добирался до серьезных монографий, с которыми частенько спорил.

Многие его коллеги ставили деда на первые места в белорусской химии в 70-х и 80-х годах прошлого века. И это тот случай, когда спорить с умными людьми не хочется.

А если серьезно, то если какие-то практические решения им предлагались, они были детально продуманы. К сожалению, не всегда они доводились до конца. Чего стоит все та же водородная проблематика.

Человеческий фактор-2. Легасов

Да, дед умел искать и «соблазнять» людей для воплощения в жизнь самых перспективных идей. При этом выскажем очередную крамольную мысль: большой вопрос, кто кому был полезнее, академик Легасов профессору Новикову или наоборот.

Их взаимоотношения — очень интересная тема. Вот только о Легасове в такой канве сложно будет сказать как об идеальном руководителе.

Как оценивают близко знакомые с работой их тандема люди, Георгий Иванович заряжал Валерия Алексеевича энергией общего Дела и заряжался от него сам. Но они жили в разных городах и республиках. Слишком большой заряд на протяжении длительного времени обеспечить было невозможно.

Вокруг Легасова, к тому же, было полно других людей — с иным, зачастую сугубо потребительским отношением к науке.

Думается, это как раз они, увидев, что Валерий Алексеевич после апреля 1986 года начал стремительно терять свои позиции, голосовали против избрания фактического директора института атомной энергии… в его же ученый совет. Тем самым они подставили подножку вчерашнему кумиру, с визгливыми шакальими криками: «Акела промахнулся!»

Как после такого жить?..

Но до 1986 года было много событий, которые позволяют утверждать: Легасов взял на себя роль очень большого босса, организатора и «решальщика» вопросов водородной энергетики в СССР. Однако у него эта роль в результате не слишком задалась.

А можно ли было научную задачу, достойную Нобелевской премии, реально, причем оперативно, решить? И да, и нет.

Нет — потому, что в этой истории определенные товарищи из Академии наук СССР вели себя, как Лебедь, Рак и Щука. Тянули каждый в свою сторону.

Нужен был свой Курчатов, единый жесткий центр.

Объективно говоря, сам-то Игорь Васильевич ничего принципиально нового не открыл при реализации атомного проекта. Но он гениально связал воедино массу полученной разнородной информации со всего мира, предложенных коллегами, заимствованных и просто похищенных идей, чтобы обогнать время в СССР — и получить в итоге атомную бомбу. Причем за фантастически короткий срок.

Вот вам уникальная способность складывать единый пазл из массы мелких деталей.

Его циклопический, бронированный сейф с бумагами и разведданными по атомной проблематике был полон бумаг. Этот сейф круглосуточно охраняли бравые автоматчики. И в этих экстремальных условиях решить сложнейшую теоретическую научную задачу сугубо практически, довести ее до конца было нереально сложно.

Помогло то, что гениальный организатор Игорь Васильевич Курчатов оказался при всем том прекрасно образован и очень умен. Обмануть его было невозможно по определению. (Почитайте любопытные воспоминания генерала Павла Судоплатова — его во времена перестройки за прежние подвиги, в том числе и на ниве атомного проекта, стали величать «Терминатором Сталина».)

К сожалению, у Валерия Легасова не получилось стать вторым Игорем Курчатовым. В цель били не кулаком, а растопыренными пальцами.

Объективно говоря, оригинальных идей в СССР 70-х годов было мало. То есть, они имелись, но... Почему-то проще и интереснее казалось воровать чужие, с «проклятого Запада». Лучшая в мире советская разведка ведь не зря работала и отрабатывала свои деньги.

На Западе, к примеру, в 70-е годы велись работы по сернокислотным циклам, полимерным электролизерам. Полученные по ним данные в итоге легли в основу мощных всесоюзных программ. У нас эта «горбатая гора» в итоге родила мышь, дед приобрел головную боль и ощущение, «как будто наелся чего-то эдакого».

Но об этом позже. А пока нужно сделать еще одно, отстраненное от основной линии, обобщение… Персонифицированное.

Менделеевская линия

Говорят, короля играет свита, а великие ученые продолжают жить в своих учениках.

Все может быть. Хотя чрезвычайно уважаемый дедом профессор Менделеев запомнился потомкам отнюдь не гениальными научными исследованиями.

Менделеева сильно беспокоили судьба и будущее родной страны, поэтому он занимался не только наукой, но и общественной деятельностью, а также практической работой во всех сферах — военной, продовольственной, культурной.

Однажды в знак протеста против зажима студентов навсегда отказался от преподавательской деятельности в университете, где проработал аккурат 33 года. В благодарность за проявление характера и широту взглядов Россия его так и не сделала академиком, хотя попыток было две.

Один раз его забаллотировали коллеги. Академики-земляки сочли труды Менделеева недостаточно фундаментальными, слишком близкими к сиюминутным практическим нуждам.

Во второй раз, получив соответствующее предложение и будучи известным всему миру, он принципиально отказался сам. «При чем здесь Менделеев, и с какой стати ему столько уделяется времени в истории о профессоре Новикове?» — вправе спросить меня любой читатель.

А вот при чем. Во-первых, дед около 15 лет жил и работал на Менделеевской линии Васильевского острова города Ленинграда. Во-вторых, его квартира плавно перетекала в лабораторию, и этот «жилищно-научный комплекс» был буквально стенка в стенку с кабинетом самого Дмитрия Ивановича.

В-третьих… У нас дома хранится письмо, адресованное академиком АН СССР В. А. Легасовым президенту академии наук БССР Н. А. Борисевичу. В нем предлагалось профессора Новикова Г. И. избрать действительным членом академии наук БССР по отделению химии и геологии.

Результат — отрицательный. В ходе тайного голосования Новикова Г. И. забаллотировали.

Есть еще одна история. На Астраханском газовом комплексе была создана установка, призванная на практике реализовать оригинальную идею деда: получать водород и драгоценную серу из сероводорода.

Ожидаемый эффект от этого полновесного внедрения должен был составить 30 млрд. советских рублей — в масштабах СССР. Это — не домыслы, а строки из письма академика А. П. Александрова, директора Института атом-

ной энергии, президента Академии наук СССР. Письмо датировано 18 июля 1986 года и обращено опять же к президенту Академии наук БССР Н. А. Борисевичу.

Александров от лица своего института и себя лично поддерживает выдвижение Новикова Г. И. в члены-корреспонденты АН БССР.

Кстати, во второй половине 1986 года ИАЭ и его руководству очень даже было чем заниматься. После Чернобыля против них была развернута война и системная травля. Тем не менее, время на такое письмо в Минск нашлось.

Однако никакого эффекта оно не произвело. Деда вновь прокатили, делая ставку на свои, проверенные кадры. Тайное голосование позволяло творить на этих выборах любые чудеса.

Маститые академики в Москве были сильно удивлены столь оригинальным выбором белорусских коллег. У деда за плечами было то, что можно и нужно называть своей научной школой.

Разумеется, его подобное отношение к себе «по национальному признаку» обидело. Хоть он и не подавал внешне виду. Сказал лишь резко: больше я в эти игры «в темную» не играю.

Так что определенные параллели в судьбах двух ученых имеются. Конечно, у Менделеева налицо просто планетарная слава. И она объяснима многими факторами. Открытия — да. При этом самым вредным человеческим качеством Дмитрий Иванович считал… скромность. Поэтому он умело выбивал деньги из правительства для своей лаборатории, получал и искал возможности становиться первопроходцем в самых разных научных направлениях. В частности, наблюдал солнечное затмение с воздушного шара и т. д. и т. п. Но возвращаясь к началу этой частной истории, констатирую… Как учитель Менделеев не создал и не оставил после себя пресловутой школы (в отличие от другого химика, А. М. Бутлерова — не столь раскрученного ученого, выражаясь современным сленгом). Несмотря на этот очевидный факт, целые поколения химиков всего мира в 20 и 21-м веках могут мечтать о том, чтобы считаться именно менделеевскими учениками. Так сказать, постфактум.

И что? А то, что у деда на рабочем столе (и дома, и на кафедре) под стеклом всегда хранилась маленькая периодическая система химических элементов с изображением Менделеева. (Он в раннем детстве казался мне, на портрете, Карлом Марксом и вызывал удивление в связи с отсутствием рядом других товарищей — Энгельса и Ленина.)

Так что с учителем, гуру для Г. И. Новикова, все относительно понятно. Но при этом у него была целая армия реальных, очень серьезных учеников. И про них нужно обязательно говорить.

Ученики — коллеги — друзья…

Каждый крупный исследователь, ученый, педагог — это особый мир, который сложно мерить при помощи обычных стандартов. Более того, часто большие ученые слишком заняты собой, своим положением, чтобы их не обошли молодые и не сбросили с парохода современности.

Они придумывают опасности для себя любимых и при этом становятся похожи на ревнивых стареющих жен. Или на знаменитого Охотника из фильма «Обыкновенное чудо», — человека, не занятого своим непосредственным делом, зато озабоченного сбором справок о собственном величии, а учеников откровенно презирающего.

Дед выбрал путь принципиально иной. Пожалуй, сократовский. Он со своими учениками готов был вести многочасовые увлекательные беседы, философские и культурологические в том числе. Многие из его аспирантов и докторантов стали ему истинными друзьями. К счастью, деду опять же повезло несколько больше, чем Сократу. Последнего, как известно, третировали и довели до рокового суда люди из числа тех, с кем он некогда прохаживался в Ликейских садах. Но когда в Афинах изменилась политическая ситуация, кем-то пришлось жертвовать, а заодно объяснять, почему все так плохо. И Сократ оказался наиболее подходящей кандидатурой на роль жертвенного козла…

Деда на этом фоне можно, опять-таки, считать человеком счастливым. Он создал в БССР буквально с чистого листа серьезную научную базу, современную школу в части общей и неорганической химии. Вот лишь несколько направлений, где он выступал во многом первопроходцем и маяком в БССР, да и во всем СССР: высокотемпературная химия, термодинамика, кинетика и строение парообразных многоатомных, полимерных и комплексных соединений.

Про его оригинальные, революционные для того времени, идеи по получению водорода было уже довольно сказано.

К сожалению, его тоже предавали, разочаровывали собственные ученики. Но это были все же случаи единичные — скорее, исключения из правил.

Проблема не в отдельных персоналиях, а в том, что ему сильно не повезло с временем. Эйфория научных свершений 70-х сменилась постперестроечной апатией и депрессией. Да и ученым элементарно перестали обеспечивать сносную жизнь.

Как там было в истории про лебедей с подрезанными крыльями, которую использовали в телерекламе в 90-е годы? «Кормить надо лучше, они и не улетят никуда…»

Кому-то из очень талантливых постсоветских ученых в девяностые годы пришлось уезжать из страны; кто-то менял род деятельности, начинал заниматься бизнесом и еще бог знает чем.

Кстати, учеников деда это коснулось в меньшей степени.

Его гордостью была и навсегда останется целая россыпь последователей. Согласно статистике, которая, как известно, знает все, дед выпустил в этот мир 69 кандидатов химических наук, 9 докторов и профессоров.

Впечатляющая география получается. Его ученики работали и работают в Беларуси, России, Украине, Таджикистане, Азербайджане, Китае и т. д.

Многие из них сами стали маститыми учителями, крупными фигурами на ниве науки и образования, встали во главе новых направлений. Достаточно назвать экс-ректоров Белорусского государственного технологического университета Ивана Михайловича Жарского и Могилевского технологического университета Олега Георгиевича Полячонка. Первого дед стал «пестовать», когда тот еще был его студентом, второго буквально «заманил» в БССР из Ленинградского университета.

Про Ивана Михайловича он часто с восторгом говорил: «Да мы с Ванечкой…»

Нельзя замолчать и такой простой факт: дед получил возможность работать в родном институте до последних дней, чувствовать себя востребованным и защищенным уже в весьма преклонном возрасте.

Бывало всякое. Когда в начале 90-х в республике на полном серьезе зашла речь о переводе преподавания сугубо на белорусский язык, он понимал, что

«не перестроится» и вынужден будет что-то предпринимать. Никакой ректор не заставил бы его, русского семидесятилетнего человека, изучать «мову нанова».

Он более чем серьезно говорил потом: если бы это произошло, я бы пошел в стеклодувы и вряд ли бы потерял в деньгах. Данным ремеслом дед филигранно владел еще с юности…

При этом ему было о ком заботиться, кого кормить и поддерживать — вплоть до самых последних дней.

Любопытная история связана также с его китайскими учениками. Еще во время работы в Ленинграде у деда было два аспиранта из Поднебесной. Но случился конфликт между Мао и Хрущевым, завершившийся военным противостоянием.

В итоге обоих молодых людей изгнали из страны победившего социализма в Поднебесную — буквально в 24 часа. Они только и успели, что оставить своему учителю четыре картины — удивительные вышивки по шелку. Называется эта серия философски — «Времена года» и учит тому, что все в жизни и природе меняется, но в итоге возвращается на круги своя. Они, эти картины, и сейчас висят у нас дома…

А уже в начале 90-х годов его китайские ученики, ставшие крупными учеными у себя в стране, нашли деда и пригласили его в Поднебесную, взяв на себя все расходы по приему… Он был неподдельно счастлив тогда. Ведь рассыпающаяся на глазах Родина способна была обеспечить лишь прожиточный минимум.

Итогом того дружеского взаимодействия с обретенными учениками, профессорами Ли Шао Чжуном и Суй Юй Линем, стал выход в Китае фундаментальной книги Г. И. Новикова и И. М. Жарского — по физическим методам исследований. Разумеется, авторам ничего не заплатили. Такова оборотная сторона китайского экономического чуда. Но дело тут не в деньгах, а в нашем международном признании. Оно вот юанями и рублями точно не исчисляется.

Кстати, всего у деда при жизни вышло семь книг и учебников: на русском, белорусском и, соответственно, китайском языках. Они издаются и переиздаются и поныне.

На счету его порядка 600 научных печатных публикаций, около 60 официально запатентованных изобретений…

При этом сам дед относился к себе сурово, в духе великого Леонардо да Винчи, каявшегося незадолго до смерти, что так ничего не успел в своей грешной жизни.

Сам Г. И. Новиков в исповедальные минуты мог называть себя очень «хреновым» химиком. Но это перебор даже для подлинного человека Возрождения.

Если переходить на язык элементарной математики и взять его (деда) жизненную суть за 100 %, то 90 % жизни придется на работу… А все остальное — интриги вокруг него, женщины, дети, дача, литература, стихи, юмор и т. д. легко уложится в 10 %. При том, что на долю научной работы в этом «ученом пироге» — приходилась примерно половина. А вторая половина — это уже педагогическая деятельность: студенты, аспиранты, докторанты, учебники…

Скажу откровенно — о его подлинной, стопроцентной роли в науке полноценно рассказать в этой повести не удастся. Тут бы разобраться слегка с этими десятью процентами…

Дед обладал колоссальной эрудицией, разбирался в подлинных основах не только химии, но и математики, физики, материаловедения. И умел

довольно оригинально пользоваться этим аппаратом, решая абсолютно конкретные задачи.

В то же время он прекрасно видел, с какими персоналиями ему зачастую приходилось работать. А ведь это были маститые академики. Один, к примеру, на полном серьезе продвигал проект добычи сероводорода из Черного моря, с закачкой озона для его переработки из озонового слоя. Был даже подготовлен расчет прокачки морской воды с глубины в 100 м (сравнимый со стоком Дуная)… И весь этот циклопический объем планировалось качать через *трубу* высотой более 10 км, с диаметром у основания более 10 м…

Куда там проекты по повороту сибирских рек, это так — семечки. Были деятели, администраторы от науки, и помельче, но не менее одиозные. Дед многих из них раскусил, но не роптал…

Других ведь зачастую не было. И он работал с тем человеческим материалом, который имелся. Причем добивался результатов; пусть и не всегда тех, на которые подлинно рассчитывал. Обмануть Природу оказалось невозможно. А в этом грехе (точнее, попытке согрешить) были повинны очень многие естественники.

И дед на их фоне, с его незыблемым кодексом чести и почитания Науки, выглядел несколько наивно, как Дон Кихот Ламанчский. Или же просто банально раздражал большинство.

Московские «баловни судьбы»

Вот был когда-то такой известный российский академик, Владимир Дмитриевич Р., ныне уже покойный. На его могиле высится монумент с красивой эпитафией: «Все силы ума и души отданы науке».

Так вот, при жизни он смог со всей своей «силой ума и души» получить серьезное госфинансирование на реализацию плазмо-химической идеи получения водорода.

Суть этого метода: целенаправленно «вкладывается» ВЧ-энергия в ту связь молекулы воды, которая отвечает за Н-ОН, и молекула тут же рассыпается на кислород и водород. Изначально было понятно: энергия может уйти на разрыв связи, а может — просто на нагрев, давая на выходе так называемую VT-релаксацию. Разработчики говорили, что последняя будет в любом случае минимальна.

А потом стало совсем интересно: результаты, полученные при проведении элементарного статического эксперимента, «наложили» на результаты, полученные в динамике. Вообще-то, во всем мире это называется подлогом.

Но госфинансирование на решение заведомо провальной задачи было получено. Более того, за ВЧ-плазму академику Р. успели дать Государственную премию СССР, обласкать на всех уровнях.

А, извините за выражение, при Сталине ему бы, скорее всего, задали вопрос: «Вы преступник или дурак?» И отдали бы под суд.

Вместо этого в Гродно на ГПО «Азот» на стыке 70-х и 80-х годов построили новую плазменную установку. Когда запустили, получили реальный выход на уровне 12%. Абсолютно плачевный результат. Сколько денег было вложено в эту «музыку», страшно представить.

Сегодня можно спокойно рассуждать. Деда, принимавшего участие в развитии этапа данной программы в Беларуси, банально обманули и использовали в такой, довольно мутной, схеме. Вот стояла опытная установка в инсти-

туте Курчатова. А что там внутри — непонятно. Да, химический уровень, за который уже в Гродно отвечал тот же Г. И. Новиков, был на уровне, извините за такой каламбур. Однако вопросы плазмы — это скорее уже физика.

И есть тут одна большая беда. Система физико-химической науки в СССР 80-х годов (и если бы только она) была зачастую порочна, фальшива. Карьеры и судьбы исследователей запросто ломались, если они были честны и отказывались написать: задача решена… в то время как ее решение на самом-то деле выглядело бесперспективно, и программу нужно было закрывать.

Но на кону стояли невероятные деньги, а с диссидентами-правдолюбами от науки «ученые-администраторы» церемонились еще меньше, чем с диссидентами от политики.

А диссидентом, ниспровергателем кумиров, дед никогда не был. Он при подобном развитии сюжета мог просто пожать плечами и отойти в сторону.

И был у него еще один зафиксированный «грех». Профессор Новиков какое-то время продвигал в жизнь сернокислотный цикл получения водорода. Не самая удачная была программа, что уж тут.

Говорят, его тогда еще раз ввели в заблуждение. Для начала в «Курчатнике» (название института Курчатова «для своих») поставили небольшую опытную установку на 100 литров. И начали деда искушать внедрением данной методы в БССР. Это была идея создания мощного сернокислотного монстра минимум на три тонны. В том же Гродно, кажется. Однако дед, обладавший быстрым аналитическим умом, элементарно просчитал: одна лишь термолизная часть (нагревание серной кислоты до 400 градусов и выше) создаст колоссальные экологические проблемы для целого региона. С одной стороны. С другой, можно было получить невероятное финансирование, а потом, на выходе, развести руками и сказать в духе Зощенко: «Пардон, мы, кажется, ошиблись».

Разумеется, Г. И. Новиков выступил против реализации этого убийственного проекта. И уже за это заслуживает уважения.

Вообще, он роль настоящего ученого «измерял» одной афористичной формулой: «Мудрец отличен от глупца тем, что мыслит до конца».

В чистой химии, по отзывам коллег, Георгий Иванович легко и быстро ориентировался. И обмануть его было нереально. Очевидно, многим это не нравилось и в результате могло стоить ему каких-то званий, наград, денег и т. д.

А знаете, что неправильного в этой главе? Вроде рассказываем историю и жизнь ученого, которого «обмануть нереально»… И тут же сетуем на то, как его регулярно «надували». На самом деле это — не противоречие, а своеобразная такая диалектика. Время объясниться.

К сожалению, интеллигентный, тонкий дед не подозревал, что в храме науки могли обретаться не только серьезные ученые или квалифицированные инженеры, но и профессиональные «наперсточники», чья профессия — элементарный обман.

Простой пример такого шулерства приводил еще один его ученик, ставший свидетелем вопиющего околонаучного безобразия. Когда при реализации электрохимической части сернокислотного цикла ничего не получалось (а до этого уже отчитались, что все готово), то на соответствующей установке в Москве просто-напросто запустили водород: из заранее заготовленного баллона — на выход, через тончайшую трубочку. И отчитались о блестящем практическом результате. (Выглядело все примерно как ловля рыбы в фильме «Бриллиантовая рука», организованная героем Папанова — Лёликом.)

Дед при этом эксперименте присутствовал, но подлога не распознал. Такого откровенного хамства он просто не ждал в храме науки, которым считался Курчатовский институт.

Но в конце восьмидесятых туда вовсю полезли всевозможные торговцы и менялы — с баулами наперевес. Выгонять их оттуда, из этого храма советской науки, было практически некому.

Наступало крушение системы, которое все эти проходимцы и подготовили — с необыкновенной энергией.

Впрочем, в конце 80-х и особенно в 90-е годы у Деда хватало других проблем, в том числе и личного характера. Например, по возрасту он был освобожден от заведования кафедрой общей и неорганической химии Белорусского государственного технологического университета. Правда, сохранил должность профессора: занимался преподавательской и научной деятельностью. У многих его коллег этой возможности не было, вертелись кто как мог.

Лихие девяностые и очень личное

Для деда это было ужасное время. Рухнули идеалы, за которые он реально проливал кровь во времена Великой Отечественной. Как-то он задумчиво и горько сказал в сторону, получив очередную «порцию правды» про советскую эпоху из журнала «Огонёк» в 1988 году: «Наверное, я зря прожил свою жизнь».

Но когда Советская власть рухнула, под своими останками похоронив многие судьбы и всевозможные начинания в науке, культуре и просто жизни, дед яростно возненавидел всех этих «прорабов перестройки».

Любимой его присказкой было то, как он с удовольствием приедет в Москву и будет аплодировать хотя бы гражданской казни на Красной площади Ельцина и Горбачева, разрушивших великую страну. Однако мечты так и остались мечтами.

Видимо, в то время дед собрал в себе много негативной энергии, которая стала спусковым крючком для появления его онкологического заболевания.

Можно провести, конечно, неуклюжие параллели между ним и Суворовым, обожавшим горячий чай и в итоге скончавшимся от рака желудка. Дед, кстати, именно такой, огненный чай тоже любил. Но при чем тут кипяток, к шутам?

У фельдмаршала было свое «постперестроечное время», когда его — при Павле I, вышибли из армии и отправили в пожалованное еще Екатериной кобринское имение. Никакие последующие успехи на закате карьеры, итальянские кампании, Чертов мост и прочее уже не смогли вернуть старому военачальнику одного — здоровья.

А у деда и успехов в преклонном возрасте было «несколько» поменьше, и возможностей для реализации своих грандиозных планов — тоже. Хотя…

Человеческий фактор-3. Нулевые-оптимистичные, или Научное завещание

Несмотря на то, что в одну реку дважды не входят, в нашей стране в начале нулевых годов попытались опровергнуть этот древний принцип.

Решение водородной проблемы в масштабах независимой Беларуси опять стало актуально. И профессор Новиков, переваливший уже 75-летний рубеж

и продолжавший заниматься наукой, преподавательской работой, домом и всем-всем, от чего бы голова пошла кругом у здорового молодого мужика, опять включился в работу. Такого жара от него уже мало кто ждал. Он реально помолодел, выпрямился, генерировал новые идеи. И работал, работал, работал.

К несчастью, решать сложнейшую проблему мирового масштаба без прежней материальной и научно-технической базы пожилому белорусскому ученому российского происхождения оказалось уже не под силу.

Хотя боролся он до последнего, феноменально мужественно. Когда окончательно слег и ему начали делать обезболивающие уколы «по часам», все равно продолжал писать ровным почерком на бесконечных листах формулы, которые показывал коллегам и ученикам, навещавшим его.

Самым тяжелым оказался момент, когда он уже не смог держать в руках любимую шариковую ручку. Тогда нам стало очевидно: ничего ужаснее, глупее и нелепее, чем бессилие перед своим Я, для человека, готового и способного перевернуть мир, нет.

Понятно, мы беседовали с ним в то время. Хотелось бы обобщить все услышанное тогда от деда и произвольно записанное.

Итак, в Беларуси нет своего сероводорода, получать сжиженный водород из воды сложно и дорого. И это потребует еще много времени, усилий и средств. Более того, не факт, что все эти затраты дадут отдачу. Вывод очевиден. Этой стране необходима *своя атомная электростанция.* Об этом дед говорил и пятнадцать, и двадцать лет тому назад.

Он настаивал на том, что нужно забыть все разговоры о возможности сотрудничества с Игналинской АЭС. По его мнению, «у литовцев их АЭС свой ресурс уже отработала, ее нужно перестраивать и тратить неоправданно большие суммы».

То, что в Беларуси сегодня строится своя АЭС, его бы сильно обрадовало.

Далее. В республике — огромные *запасы древесины*. «Производители буквально мечутся и просто не знают, куда девать тонны опилок. Их сжигают, закапывают. И это при том, что древесина — прекрасное сырье для производства синтетического бензина, на котором могут работать двигатели», — говорил дед. Можно, по его мнению, поступать еще проще: делать из древесины спирт и использовать его в качестве топлива. Так решают вопрос в Южной Америке, но не у нас…

У нас все уперлось в менталитет. Мол, если так называемым винным спиртом заправить технику, топливо будет немедленно выпито, а движение транспорта парализовано. А если использовать в качестве топлива древесный спирт, то это приведет к увеличению смертности в стране в разы.

Между тем получаемый в процессе переработки древесины на гидролизных заводах республики *лигнин* — не столько отход, сколько еще один альтернативный топливный ресурс. Все это — своеобразное завещание профессора Новикова, ждущее своего полноценного исполнения.

Удастся его реализовать или нет — это уже зависит от современной естественной науки, в которой я лично слишком слабо разбираюсь, чтобы давать какие-то оценки.

Да, у республики есть еще *рапсовое масло* — очень любопытное начинание в сфере альтернативных энергоносителей. Но, насколько известно, этого масла не хватает в полном объеме даже для продовольственной сферы. Вернее, оно до сих пор не так востребовано, как могло бы.

Рассуждая рационально, становится ясно, что Беларусь не особо приспособлена для масштабного создания ГЭС, ветряных мельниц и солнечных батарей. Климат и ландшафт не позволяют, у нас по большей части — равнинная страна. И если на Немане сделать искусственные запруды (а такие планы были), то очень скоро он затопит все окрестные плодородные земли, а сам превратится в огромное болото. По такому пути пошли некогда в России, когда взялись за Волгу. В итоге Поволжье, родное для деда место, стало зоной экологического бедствия. Так что наращивать экспорт белорусской речной электроэнергии на Запад вряд ли удастся.

Что касается солнца и ветра, также рассматриваемых в виде альтернатив нефти и газу, то очевидно, что для масштабного получения энергии они не подходят. Республика Беларусь — отнюдь не жаркая, обдуваемая всеми ветрами пустыня. Можно реализовать пару локальных проектов, не более того…

Разумеется, он бы весьма горячо обсуждал актуальную нынче тему строительства АЭС в столь любимом им Гродненском регионе. Наверняка бы туда ездил и предлагал что-то от себя на перспективу. Думаю, тема атомно-водородной энергетики была бы им непременно поднята на щит. Но для реализации этой стратегии найдутся специалисты. Если не в нашей стране, то за ее пределами — точно. Политическая воля, и очень приличная, имеется… А это то, чего так часто не хватало профессору Новикову.

В масштабе СССР ему приходилось часто доказывать чиновникам от науки, что альтернативные источники энергии рано или поздно стране понадобятся, а нефть не вечно будет стоить, как газировка. Фундамент для решения задачи с получением альтернативной энергии такие люди, как мой дед, заложили, и очень даже серьезный. Так что все в итоге должно быть красиво…

Иногда я думаю с тоской, что ему катастрофически и совсем чуть-чуть не хватило времени. Он не раз, уже умирая, говорил: мне нужен хотя бы еще год.

Однако года ему никто не дал. Остается лишь верить в его подлинных учеников и последователей (пусть и не знакомых с ним лично), их способности и таланты в деле получения альтернативных источников энергии для Беларуси. Наверное, это было бы лучшим памятником профессору Новикову.

Юмор и слезы, куда без них

В романе Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» есть такая мысль. Самый замечательный, трижды распрекрасный человек без чувства юмора все равно будет выглядеть неестественно и глупо, как табуретка на трех ножках.

Поэтому для меня ценно выглядит воспоминание ведущего научного специалиста Курчатовского института Отто Григорьевича Лебедева: «*Георгий Иванович приезжал в Москву всегда рано утром. Он сразу шествовал к нам в крохотный кабинет, который занимали вдвоем — начальник лаборатории В. П. Бочин и я. Понимая, что после дальней дороги гостю надо подкрепиться, я хватал электрочайник, бежал к раковине, которая была в коридорчике, наливал в чайник воду и возвращался в комнату. У нас всегда хранился стратегический запас сахара, чая, печенья и пр.*

Г. И. уже сидел на моем стуле за моим столом и оживленно, в своей неповторимой полушутливой манере беседовал с Бочиным. Все было пре-

красно, но торс Г. И. совершенно закрывал от меня штепсельные розетки. Я дождался паузы в разговоре, взял в руки вилку с проводом, протянул Георгию Ивановичу и сказал: “Все, что от вас требуется, — это воткнуть вилку в розетку”. Георгий Иванович мгновенно парировал: “За что я вас люблю, Отто Григорьевич, так это за то, что вы умеете давать мне посильные поручения”.

Когда он находился в комнате, легкий юмор всегда витал вокруг нас».

Помнится, дед был замечательным тамадой на всех семейных посиделках. Эта его роль никогда даже не обсуждалась.

Он был в центре внимания на деловых банкетах, фуршетах, а также заседаниях, симпозиумах и т. д. При этом чрезвычайно быстро реагировал на все, юмором мог как обласкать, так и уничтожить любого.

Дед как-то рассказывал, что в очередной День знаний 1 сентября взошел на кафедру БГТУ, возвысился над группой только что поступивших первокурсников и поздоровался. В ответ ему что-то невнятно буркнули, не приподняв «седалища» над своими скамейками даже на миллиметр.

Дальше дед произнес примерно такую речь: «Если вас приветствует преподаватель, вы должны встать и громко с ним поздороваться. Для вас это должно быть так же естественно, как мгновенно обделаться от ужаса, когда вас накроет смертельная опасность».

На своем дне рождения, когда ему исполнялось 79 лет, дед обрядился в роскошную профессорскую мантию, которой его удостоили в университете… И прочел слегка видоизмененные стихи уважаемого им поэта И. Иртеньева:

Меня зовут Георг Иваныч,
Мне скоро восемьдесят лет…
Я не снимаю брюки на ночь
И не тушу в уборной свет.

Получилось эффектно…

А если учесть, что доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки БССР и заслуженный изобретатель СССР Г. И. Новиков блестяще знал Ильфа и Петрова, цитировал по памяти Салтыкова-Щедрина и Тургенева, стихи Пушкина, Блока и Апухтина (о последнем вам вряд ли скажут что-то путное 90% выпускников филфака — хоть Минска, хоть Москвы)…

Даже когда ему назначили курс химиотерапии в Боровлянах, он, понимая, что стоит у края бездны, бодро шутил с врачами: «Я всю свою жизнь занимался химией. Вот и у вас займусь».

Но этот курс химии его, по сути, добил. Из онкоцентра деда стремительно выписали домой, умирать на руках у нас, родственников.

Закат

Дед мой невольно прожил всю жизнь так, как это было предначертано в романе Михаила Булгакова: «Никогда ничего не просите, особенно у тех, кто сильнее вас. Придут и сами все дадут». Сегодня можно уверенно сказать, что все это были красивые слова, в которые вряд ли сам Булгаков серьезно верил.

Сейчас не хочется по-мещански жаловаться на тему, чего недодали деду как ученому и человеку при жизни и после смерти — про академические звания, премии, звезды, доски, улицы и прочее.

Да и не был он таким уж обделенным: доктор наук, профессор, завкафедрой на протяжении практически четверти века; Почетная грамота Верховного Совета, Заслуженный деятель науки БССР, Заслуженный Соросовский профессор, и т. д. и т. п.

Но иногда кажется странным вот что: неужели Беларусь так богата подлинными талантами и крупными учеными, что столь неординарный человек остается нынче в памяти лишь узкой группы специалистов?..

Заглядывая внимательно в прошлое, я неожиданно опять ощутил его счастливым человеком. Он ведь и сам на семейном торжестве, посвященном его 80-летию, сказал вполне отчетливо: «Я был счастлив всю жизнь хотя бы потому, что со мной рядом была моя любимая, которая никогда меня не предавала, и имя ей…»

Тут, правда, случился небольшой конфуз: бабушка важно подбоченилась, а дед не заметил этого и после красивой паузы выдохнул… Нет, не имя Клара, а столь важное для него слово — Наука. «Она стала для меня всем в жизни», — хорошо поставленным лекторским голосом резюмировал он. Бабушка буквально осела.

Мы с братом прыснули, глядя на эту пафосно-комичную мизансцену… и едва не вылетели из-за стола, почище пробки из бутылки хорошо охлажденного шампанского.

Вместо финала

Как уже было сказано, после смерти деда в его бумагах мы нашли конверт со стихами. Так он попрощался с нами.

Одно стихотворение, как выяснилось потом, оказалось не его. Оно принадлежит барду Г. Шангину-Березовскому, и дед его просто списал откуда-то.

Прощайте!
Зовет дорога!
Налево — в горы,
Направо — в порт.

Прощайте!
Еще немного —
Подымет крылья
Попутный норд!

Да будет
Над вами радость
И солнце
Весь путь светить!

А парус,
Мой белый парус,
Он будет следом
За вами плыть!..

Кстати, в силу своего невежества я эти строчки несколько лет считал оригинальным творческим завещанием деда. Поэтому на могиле у него стоит неотесанный камень из карельского гранита, с тыльной стороны имеющий форму паруса. На идею памятника натолкнули именно эти строчки.

Кстати, он в поэзии разбирался весьма и весьма прилично. Судите сами:

Откуда я? Оттуда, где Урал
Глядит угрюмо в Северное море?
Где финский предок на меня орал,
Что я вахлак, подлец, живу для всех на горе?

Иль я с медальной польской стороны,
Из той фартовой «Жечи Посполитой»,
Что три раздела, тридцать три войны
Пережила — и стала знаменитой.

А если чуть раскосые глаза —
Татарин предок, тоже славный парень.
А может, раньше был казах,
Что пел в степи о конях и отаре?..

А может, я Есенина сосед,
Рязанский парень, бойкий и не трус?.
И все ж я русский, мой в России след,
Хотя не только русский, но и белорусский…

Буквально за неделю до ухода, с явным нетерпением ожидающий конца своих страданий, дед сказал, обращаясь к любимой дочери Лиде, да в общем-то, ко всем нам, Новиковым: «Знаешь, если ТАМ что-то такое в самом деле есть, то я буду обязательно там заниматься химией и попрошу… Ты понимаешь... за вас всех… Я вас очень и очень люблю».

После таких слов продолжение этой повести уже как-то неактуально. Хочется лишь ее закруглить — с помощью удивительного писателя Нодара Думбадзе. Не так давно случайно попалась на глаза его цитата, пронзительная и прозрачная, подходящая здесь… Ну как свежее холодное пиво для похмельной головы: «*Я вернусь в этот мир, вернусь в другом обличье — деревом, травой, птицей, собакой... И всегда я буду с тобой!... Я никогда не оставлю тебя одного! Знай, что бы тебе ни доставило тепло и радость, — будь то даже простой камень, — это буду я, твой старый дед*».

Собственно, все... Летопись закончена моя, как говорилось в другом, очень достойном тексте.

P. S. Отдельно и от всей души хочу поблагодарить за помощь в обуздании специфической и недоступной для меня присутствующей в тексте химической части сотрудников Курчатовского института — учеников, единомышленников и друзей деда — Д. Ю. Харитонова и Е. И. Гуцевича; а также О. Г. Лебедева, с которым Г. И. Новиков часто контактировал в научной работе в 70-е и 80-е годы прошлого века. Надеюсь, я не сильно переврал ваши мысли?..

Татьяна МУШИНСКАЯ

Вена пахнет кофе свежим…

Летняя ночь

Заплутал рогатый месяц
Меж ветвями древ,
И возник в июньском мраке
Соловья напев.

Тихо-тихо пролетают
Садом светляки.
Веет легкою прохладой
С берега реки.

По извилистой тропинке
Будешь ты шагать.
Между бликов синей ночи
Счастье вновь искать.

Заиграет в свете лунном
Капелька росы.
Никогда днем не увидишь
Этакой красы!

Трепет чувства, шелест листьев,
Песня соловья.
К звездам вместе с ней взлетает
И душа моя.

* * *

Пространство ликует,
Сверкает, танцует —
То брызгами моря,
То солнца лучом.

И дышится вольно,
И слышится ясно.
И кажется, счастье
Совсем ни при чем.

Пространство взвихрится,
Завоет, застонет,
Чудовищно-странные
Примет черты.

И вспомнив о море,
Небесном просторе,
Невольно вздохнешь —
Как же счастлив был ты!

Ни к чему мне без тебя рай

А в долине у реки —
Лог.
Сена свежего стоит
Стог.
И попав в кольцо твоих
Рук,
Я найду в себе любовь
Вдруг.

Единенье жарких тех
Уст.
Без тебя мне целый мир
Пуст.
Как награда будет твой
Смех.
Кто сказал мне, что любовь
Грех?

Рябь пойдет по зеркалу
Вод.
Мне нашепчут небеса
Код.
Солнцем уж горит небес
Край.
Ни к чему мне без тебя
Рай.

Предчувствие стиха

Ритм он мне настучал
Спорым летним дождем.
Заглянул мне в глаза
Звонким солнца лучом.

О себе мне напомнил
Легким взмахом крыла.

Чтобы ночью и днем
Его в гости ждала.

* * *

Мне странно, что мы связаны с тобой
Невидимой душевной прочной нитью.
Не в силах ничего переменить я,
Мы связаны восторгом и тоской.

Мне странно от огромности любви,
Которая со мною не сравнима.
Года несутся мимо, мимо, мимо…
Мне странно от огромности любви.

Мне странно, что мы связаны с тобой
И взглядом, и реальностью, и снами.
Два белых ангела парят над нами…
Незримый образ твой всегда со мной.

Нежданно так связуют нас с тобой
Созвучья чувств и наших дум созвучья —
На сердце ясно или бродят тучи.
И это называется судьбой.

Вена. Моцарт

Вена пахнет кофе свежим,
Марципаном ароматным.
Как он близок, как он нежен —
Век далекий, век галантный!

Слышишь песню Керубино
Из открытого окна?
Духом Моцарта волшебным,
Вена им одним полна!

Звуки скрипки, женский голос,
Пена белая манжет…
Он без устали играет,
Он играет столько лет!

Вена пахнет кофе свежим,
Марципаном ароматным.
Как велик он, как он нежен —
Век далекий, век галантный!

Лучший друг мой, юный Моцарт —
Как он счастлив, как он молод!

Джон Диксон КАРР

Два рассказа

От переводчика

Джон Диксон Карр (англ. John Dickson Carr) (1906—1977) — широко известный и популярный писатель в жанре классического направления детектива. Публиковался также под псевдонимом «Картер Диксон». Он жил и писал как в Америке, так и в Англии, поэтому его иногда называют «англо-американским писателем». Один из лучших представителей «золотого века детектива». Известна даже крылатая фраза, введенная литературоведами: «В царстве детективов, где королевой признана Агата Кристи, премьер-министром, пожалуй, можно считать Джона Диксона Карра».

Джон Диксон Карр считается самым крупным специалистом в истории детектива по «невероятным убийствам» и по «убийствам в закрытой комнате», как называли их критики.

Серебристый занавес

Запястье крупье двигалось с такой плавной легкостью, что казалось без костей. Над зеленым сукном его змеиная активность никогда не колебалась, не волновалась и никогда не была спокойной. Лопаточка крупье, как большое блюдечко для масла, подтягивала карты, встряхивала их, жонглировала ими и спускала непрерывным потоком через щель в столе.

Ни один голос не нарушал тишины казино в Ла-Банделет. Случались исключения, но только не смех. Высокие красные шторы и мягкие красные полы создавали атмосферу праздной сосредоточенности при дюжине столов.

У одного из них, номера шесть, крупье монотонно бубнил:

— Шесть тысяч. Банко? Шесть тысяч. Банко? Банко?

— Банко, — сказал молодой англичанин.

Карты, белая и серая, плавно скользнули к его туфлям. Молодой человек снова проиграл.

У крупье не было времени замечать многое. Тысячи людей, проходившие мимо него за сезон, вряд ли были для него вообще людьми. Голова его была подобна калькулятору. Он слышал щелчки, следил за движением номеров, и это все, на что у него хватало времени. Однако так остро были развиты его чувства, что он мог сказать до ста франков, сколько денег остается у игроков за столом. Молодой человек, что сидел напротив, был почти без денег.

(Лучше быть осторожным. Это может означать неприятности.)

Крупье бросил случайный взгляд на людей за столом. Пять игроков, все англичане, как и следовало ожидать. Светловолосая девушка с пожилым муж-

чиной, очевидно, отцом. Он был лысым и выглядел больным. Дышал с задержкой. Крупный, похожий на военного человек, к которому кто-то обратился «полковник Марч». Полный, прилизанный, смуглый молодой человек с изогнутыми бровями (сомнительный англичанин?), чье самодовольство росло вместе с полосой удачи и чей бумажник, набитый тысячными банкнотами, лежал у его локтя. И наконец, молодой человек, который так много проиграл.

Молодой человек встал из-стола. Бесстрастным его лицо назвать было нельзя. Настолько сильно оно выражало смущение, что светловолосая девушка не выдержала.

— Уходите, мистер Уинтон? — поинтересовалась она.

— Э-э, да, — пробормотал молодой человек.

Он казался благодарным за эту маленькую помощь, брошенную во время его смятения. Ухватился за нее и улыбнулся в ответ.

— Не везет, пока. Время, чтобы выпить и вознести молитвы для следующей сессии.

«Послушай, — думал про себя Джерри Уинтон, — почему ты стоишь здесь и что-то объясняешь? Это несерьезно. Тебе надо убираться отсюда. Даже если это означает небольшие неприятности. Все они знают, что ты проигрался. Остановиться, рассмеявшись, как простофиля, и отойти от стола?»

Он посмотрел в глаза светловолосой девушке и решил, что не стоит быть таким дурнем.

— Надо выпить, — повторил молодой человек.

Он зашагал от стола, преследуемый, как ему казалось, воображаемым смехом. Прилизанный молодой человек поднял свое лунообразное лицо и просто посмотрел на него, что вызвало ярость у Джерри Уинтона. Проклятый Ла-Банделет, проклятая «баккара» и все остальное.

«Еще один молодой человек, — размышлял крупье, — у которого будут проблемы с отелем».

— Банко? Семь тысяч. Банко?

В баре, который примыкал к комнатам казино, Джерри Уинтон забрался на один из высоких стульев, именуемых «Арманьяк», и толкнул последнюю сотенную банкноту через прилавок. Его голова была забита рядом цифр, написанных в тонком французском стиле. Придет счет из отеля за неделю… Сколько? Четыре, пять, шесть тысяч франков? Счет будет предъявлен ему завтра, а все, что у него было сегодня, — это обратный билет на самолет до Лондона.

В зеркале за баром появился из толпы новый образ. Это был тот толстый, прилизанный молодой человек с жирным лицом, который сорвал большой куш за столом. И который даже сейчас любовно прикоснулся к своему бумажнику, прежде чем убрать его. Он взобрался на стул рядом с Джерри. Заказал минеральной воды. Какие проницательные, разборчивые и хитрые были эти азартные игроки! Пришедший зажег обрубок сигары в углу рта и заговорил.

— Проигрались? — небрежно осведомился он.

Джерри Уинтон впился взглядом в его отражение в зеркале.

— Мне кажется, — процедил он сквозь зубы, убийственно медленно подбирая слова, — что это мое дело и никого другого не касается.

— О, это правильно, — согласился незнакомец в той же неприятной и небрежной манере. Он сделал несколько затяжек. Выпил немного минеральной воды. И добавил: — Полагаю даже, что довольно серьезно? А?

— Если этот вопрос, — сказал Джерри, оборачиваясь, — имеет такой большой интерес для вас, то, нет не серьезно. У меня дома полно денег.

Проблема заключается в том, что сейчас лишь вечер пятницы, и я не могу вступить в контакт с банком до понедельника.

Хотя это была истинная правда, он видел, что выражение сомнения у его собеседника все более возрастает.

— Это просто проклятая неприятность, потому что в этом отеле меня не знают. Но только лишь неприятность и все. Если вы думаете, что я лгу, выйдем в сад. Там застрелите меня не раздумывая.

Собеседник улыбнулся печально и недоверчиво. Покачал головой.

— Да ну! Думаете, я могу в такое поверить?

— А мне все равно, верите вы или нет.

— Вам надо быть осторожней, — посоветовал собеседник невозмутимо. Так как Джерри соскользнул со стула, он потянулся и перехватил его за руку. — Не надо так спешить. Лучше произнесите: вы мальчик Крез. Хорошо? Вы мальчик Крез. Я не буду спорить с вами. Но скажите, как ваши нервы?

— Мои что?

— Ваши нервы. Ваш кураж, — объяснил собеседник с некой долей насмешки.

Джерри оглянулся на равнодушное, самоуверенное лицо, парящее над стаканом с минеральной водой. Ноги собеседника перепутались с ножками стула. Короткая верхняя губа самонадеянно приподнялась. Издевательский взгляд.

— Я хотел вас спросить, — настаивал он. — Мое имя Дэйвос. Ферди Дэйвос. Меня все знают. — Он показал рукой в сторону толпы. — Не хотели бы вы заработать десять тысяч франков?

— Хотел бы. И много. Уйму. Но я не знаю, захотел бы заработать их таким бизнесом, как ваш.

Дэйвос был невозмутим.

— Нехорошо сравнивать ваше достоинство с моим. Это не впечатляет меня и не поможет вам. Я еще раз спрашиваю: хотели бы вы заработать десять тысяч франков? Это более чем покроет то, что вы должны или, возможно, то, что имеете, не правда ли? Я думаю, да. Так хотите вы или не хотите заработать десять тысяч франков?

— Да, хочу, — огрызнулся Джерри через плечо.

— Хорошо. Обратитесь к доктору.

— Что?

— Обратитесь к доктору, — спокойно повторил Дэйвос. — Скажите, что вы хотите тонизирующее для укрепления нервов. Таблетки. Нет, я не шучу.

Он посмотрел на часы. Стрелки показывали без пяти минут одиннадцать.

— Пойдете по этому адресу. Выслушайте внимательно то, что я вам скажу. И там будут для вас десять тысяч франков. Номер два, площадь Сан-Жан, Авеню де Фар, в час ночи. Не раньше и не позже. Сделаете работу хорошо — и получите на месте, может быть, больше десяти тысяч. Увидим тогда, какие у вас нервы.

Местечко Ла-Банделет — это филле, полоска серебристого пляжа вдоль канала, заполненная странно окрашенными домами с плоскими крышами, которые придают городу вид из фильма Уолта Диснея. Но сам город имеет и еще одну достопримечательность. Английская колония, которая, из-за традиционной фешенебельности, лежит за большими деревьями. Рядом с казино находятся три больших отеля, нарядные, с тентами и поддельными готическими башенками, устремленными в небо. Воздух насыщен арома-

тами, позвякиванием открытых экипажей и цоканьем копыт вдоль широких авеню. Искусство извлекать деньги из гостей здесь так совершенно, что кажется, будто руки ваши лезут в карман даже во сне.

Этот сон овладевает вами днем. По ночам, когда все в Ла-Банделет закрыто, за исключением казино, только луч большого островного маяка пробегает по улицам. Он ослепляет, а затем замирает. И так — каждые двадцать секунд. Когда Джерри Уинтон шагал под деревьями к Авеню Маяков, этот самый луч начинал расплываться под дождем.

Площадь Сан-Жан, Авеню де Фар. Где? Почему?

Если бы Дэйвос обратился к нему при других обстоятельствах, признался себе Джерри, он бы не обратил на него никакого внимания. Но молодой человек был раздосадован и любопытен. Кроме того, если это не какой-нибудь трюк, он бы мог использовать десять тысяч франков. Возможно, здесь и был какой-то обман. Но не все ли равно?

Его заставил поколебаться дождь. Он уже слышал, как капли стучат по деревьям и переходят в более сильное шуршание, когда увидел вывеску, указывающую направление к Авеню де Фар. Джерри был без шляпы и пальто. Но в то же время он намеревался посмотреть, что будет дальше.

Впереди него находилась улица с фешенебельными виллами, освещенная лишь искрами газовых фонарей. Адски темная улица. Что-то странное, более чем странное в этом. Не всякие незнакомцы спрашивают вас, насколько сильны ваши нервы, а затем, сверх того, предлагают десять тысяч франков, чтобы пройти таможню. Какая, все-таки, была причина, почему…

И тут он увидел Дэйвоса.

Дэйвос не заметил его. Он был впереди Уинтона, шел быстро и маленькими шажками вдоль тусклой улицы. Белый свет от маяка промелькнул над головой, превратив дождь в серебро, и Джерри мог видеть блеск его гладких черных волос и желто-коричневое пальто на нем. Подняв воротник смокинга, Джерри последовал за ним.

В нескольких ярдах впереди Дэйвос замедлил шаг. Он посмотрел вокруг и наверх. Слева от него был вход во внутренний двор, очевидно, на площадь Сан-Жан. Но назвать этот «квадрат» площадью было благородным преувеличением. Это всего лишь тупик, около двадцати футов в ширину и сорока в глубину.

Две из трех сторон были простыми высокими стенами из белого кирпича. Третья сторона, справа, была сформирована из высокого жилого дома, все окна которого плотно закрыты ставнями. Однако признаки жизни в доме все-таки имелись. Над его дверью горел тусклым светом белый шар, освещая рядом латунную дощечку с именем доктора. Степенный дом, жалюзи с голубой росписью. Пустой тупик, и в нем — Дэйвос.

Все это Джерри увидел сразу. Затем он двинулся назад из тупика. Дождь обрушился на него потоком воды, размывая тусклый белый шар тенью и блеском. Дэйвос почти достиг двери доктора. Он остановился, будто обдумывая или рассматривая что-то, а затем…

Джерри Уинтон позже клялся, что отвел взгляд от Дэйвоса лишь на секунду. Это была правда. Джерри на самом деле оглянулся на Авеню де Фар и ободрился, увидев на некотором расстоянии фигуру полицейского. То, что заставило его вернуться взглядом назад, был шум из тупика. Нечто среднее между кашлем и криком, булькающим под дождем. И после этого стук тела об асфальт.

Мгновение назад Дэйвос был на ногах. В следующее мгновение он уже лежал боком на асфальте в агонии.

Над головой снова прокатился луч маяка. Джерри, достигнув Дэйвоса всего за полдюжину широких шагов, увидел всю сцену, выхваченную этим

моментальным светом. Пальцы Дэйвоса все еще сжимали или пытались сжимать туго набитый бумажник, который Джерри видел у него в казино. Желто-коричневое пальто потемнело от дождя. Каблуки Дэйвоса царапали мостовую, так как он был заколот ударом в тыльную часть шеи тяжелым ножом с полированной металлической ручкой, не более четырех дюймов. Затем бумажник выскользнул из его рук и шлепнулся в лужу, ибо человек умер. Джерри смотрел и не верил своим глазам. Механически он протянул руку, поднял из лужи бумажник и потряс его. Тут же попятился, так как услышал стук тяжелых шагов в тупике и увидел развевающийся дождевик полицейского.

— Стоять! — выкрикнул служитель закона по-французски. Полицейский резко остановился и уставился на тело. Увидев, что лежало на мостовой, он произвел шум, будто его ударили в живот.

Джерри напряг ум, связывая свой французский в надлежащие фразы.

— Его... этот бумажник, — сказал он, протягивая его.

— Да, я вижу.

— Он умер.

— Это кажется очевидным, — согласился полисмен, издав похожий на фырканье звук. — Ну-ка! Дайте его мне. Быстро, быстро, быстро! Его бумажник. — Полицейский протянул руку, ухватив бумажник пальцами. И добавил: — Никаких глупостей! Я готов выслушать вас.

— Но я не убивал его.

— Это еще предстоит выяснить.

— Приятель, не думаете ли вы…

Он замолчал. Беда была в том, что все произошло слишком быстро. У Джерри было чувство, будто он из тех, кто встречается с продавцом из супермаркета и под ураганным предложением соглашается купить огромную и ненужную вещь, прежде чем поймет, о чем шла речь.

Так и здесь произошло необъяснимое. Он видел, как на его глазах был заколот человек по имени Дэйвос. Заколот прямым ударом сзади. Тяжелый нож вошел в затылок по прямой линии с небольшим наклоном, будто удар был нанесен со стороны мостовой. Но в это время Дэйвос был один в безлюдном тупике, пустом, как коробка от печенья.

— Это не мое дело — думать, — коротко обрезал полицейский. — Я сделаю свои записи и доложу комиссару. Ну! — Он отступил под навес слабоосвещенного дверного проема и, напряженно поглядывая на Джерри, вытащил записную книжку. — Давайте без глупостей. Вы убили этого человека и пытались ограбить его. Я видел вас.

— Нет!

— Вы были с ним одни во дворе. Я видел это собственными глазами.

— Да, это правда.

— Хорошо, что признаете. Видели кого-нибудь еще во дворе?

— Нет.

— А если честно, мог ли убийца подойти незамеченным?

Джерри, даже понимая, что под суровым взглядом он вырос почти до клятвопреступника, вынужден был признать, что это невозможно. С двух сторон были высокие кирпичные стены. С третьей стороны — дом, дверь и окна которого не были даже приоткрыты. В тот промежуток времени, когда он оглядывался, никакой убийца не мог приблизиться, заколоть Дэйвоса и снова отступить и скрыться. Не имелось никакого укрытия. Было очевидно, что Джерри даже подумать не мог о разумной лжи. Он просто был в замешательстве.

— Не знаю, что случилось, — настаивал он. — Одну минуту он там находился, а потом упал. Я никого не видел. — И потом проблеск света

мелькнул в его уме. — Подождите. Этот нож там… Его же кто-то воткнул в него.

С широкой сардонической усмешкой смотрел на него из дверного проема полицейский.

— Воткнул, вы говорите? Воткнул, откуда?

— Я не знаю, — признался Джерри. Проблеск света в уме пропал. Он снова посмотрел на белые кирпичные стены и на дом, передняя часть которого была закрыта. Неоткуда взяться ножу.

— Рассмотрим положение ножа, — предположил собеседник, пытаясь применить логику. — Этот джентльмен шел перед вами, спиной к вам?

— Да.

— Хорошо. У нас прогресс, — подчеркнул он. — Нож входит в затылок по прямой линии. Он входит по направлению с той стороны, где вы стояли. Могли бы его воткнуть после того, как вы вошли во двор?

— Нет, это невозможно.

— Нет, это очевидно! — вскричал полицейский. — Я не могу больше слушать всякие глупости. Я был снисходительным к вам, потому что вы англичанин, а у нас инструкция быть снисходительным к англичанам. Но это выходит за рамки разумного! Вы пройдете со мной в мэрию. Посмотрите на бумажник в его руке. Он предлагает его вам и говорит: месье, окажите честь, примите мой бумажник.

— Нет. Бумажник был у него в руке.

— Вы говорите, бумажник был у него в руке. Почему?

— Я не знаю.

Джерри замолчал. Потому что теперь история его проигрыша в казино приобретала трагическое значение. И потому, что послышался звук отпираемой двери. Дверь дома доктора открылась, и вышла светловолосая девушка, которую в прошлый раз он видел в казино. Рядом с дверью латунная табличка гласила: «Доктор Эдуард Хеберт». Под именем указаны часы приема и решительное: «Говорите по-английски». За девушкой, вытягивая шею, стоял щетинистый мужчина средних лет с большим чувством собственного достоинства. Его вызывающие очки имели широкую черную ленту, которая, казалось, образует электрическую цепь с концами его подкрученных вверх усов.

Но Джерри Уинтон не смотрел на доктора Хеберта. Он смотрел на девушку. Вдобавок к легкой шубке она надела шарф кремового цвета, обернув его вокруг головы. В руках у нее была крошечная коробочка, завернутая в белую бумагу. На ее гладком встревоженном лице с удлиненными голубыми глазами, казалось, отразилось выражение покойника, уставившегося на нее с мостовой. Девушка дернулась назад, наткнувшись на полицейского. Потом, оперлась одной рукой на руку доктора Хеберта, а другой резко указала на Дэйвоса.

— Это тот человек! — воскликнула она.

Месье Горон, префект полиции, был спокойным, по-кошачьи дружелюбным человеком, известным своими манерами. Преступление, редкое в Ла-Банделет, огорчило его. Но он был также и компетентным полицейским. В час ночи он сидел в своем кабинете в мэрии, изучая ногти и качаясь взад-вперед в скрипучем кресле, чей звук уже начал действовать Джерри Уинтону на нервы. Девушка, которая уже в десятый раз назвала свое имя как Элеонора Худ, была настойчива.

— Месье Горон!

— Мадемуазель? — вежливо произнес префект, казалось, очнувшись от дремоты.

Элеонора Худ обернулась и бросила на Джерри Уинтона отчаянный взгляд.

— Я только желаю знать, — настаивала она на прекрасном французском, — почему мы здесь, доктор Хеберт и я. И мистер Уинтон, если уж на то пошло. — На этот раз взгляд, который она кинула на Джерри, был улыбчивым и дружеским. Тот тип человеческого взгляда, который растопит даже душу злодея. — Но что касается нас… почему? Мы даже не являемся свидетелями. Я ведь рассказала вам, почему была в доме доктора Хеберта.

— Ваш отец, мадемуазель, — пробормотал префект.

— Да, он болен. Доктор Хеберт в течение нескольких дней лечил его. Сегодня вечером у него случился еще один приступ в казино. Мистер Уинтон может подтвердить это.

Джерри кивнул. Старик за столом, подумал он, конечно же, выглядел больным.

— Я отвела отца назад в отель «Бретань» в половину двенадцатого, — продолжала девушка с большой интенсивностью. — Пыталась связаться с доктором Хебертом по телефону, но не смогла дозвониться. Тогда пошла к нему домой. Это недалеко от отеля. На своем пути я видела этого человека… Того, которого вы называете Дэйвос. Я подумала, что он преследует меня. Мне казалось, что он смотрит на меня из-за каждого дерева. Вот почему я сказала: «Вот тот человек», когда увидела его, лежащим на тротуаре с открытыми глазами. Его глаза даже не мигали, несмотря на дождь. Это было ужасное зрелище. Я была расстроена. Вы обвиняете меня?

Месье Горон удовлетворительно хмыкнул.

— Я подошла к дому доктора Хеберта, возможно, без двадцати двенадцать. Он уже собирался отдыхать, но согласился пойти со мной. Я подождала, пока он оденется. Мы вышли и на пороге обнаружили… то, что вы уже знаете. Пожалуйста, поверьте, это все, что я знаю.

Она была необычной личностью с необыкновенно выразительным голосом. Предпочитая резкие слоги, она пыталась убедить префекта. Затем она добавила резко по-английски, глядя на Джерри:

— Он был малоприятной скотиной, но я и на йоту не верю, что вы его убили.

— Спасибо. Но почему?

— Не знаю, — искренне ответила Элеонора. — Вы просто не могли.

— В этом есть логика! — воскликнул месье Горон, с силой стукнув по столу. Вращающееся кресло скрипнуло от удовольствия. От многих ламп в офисе пахло креозотом. На столе перед префектом лежал промокший бумажник Дэйвоса, и что любопытно, крошечная круглая коробочка, завернутая в жгут из бумаги. Ее несла мисс Элеонора Худ, когда выходила из дома доктора. Месье Горон ни разу не обмолвился с Джерри, ни разу не посмотрел на него, вежливо игнорируя молодого человека. Будто его здесь нет.

— Ну, — произнес он, возвращая свою прежнюю сдержанность. — Вы простите меня, мадемуазель, но я продолжаю дело дальше. Вы говорите, что доктор Хеберт занимался лечением вашего отца?

— Да.

Месье Горон указал на маленькую коробочку на столе.

— Таблетками, вероятно?

— О, боже мой! — вставил Хеберт и трагически хлопнул себя по лбу.

В течение нескольких минут Джерри боялся, что доброго доктора может хватить апоплексический удар. Доктор Хеберт дал понять о своем достойном положении в обществе. Он отметил, что врачи не выходят на улицу в середине ночи даже для оказания медицинской помощи, а тем

более, их не тащат в полицейские участки. Это плохо для их дела. Его очки и усы топорщились вызывающие. Он прекратил мерять шагами комнату только для того, чтобы подойти к префекту и посмотреть ему в глаза.

— Я хочу объясниться, — холодно произнес он, глубоко вздохнув.

— Как желаете, месье.

— Ну, все так, как говорит эта леди! Почему мы здесь? Почему? Мы — не свидетели. — Он замолчал и ударил по плечам своего пальто, будто освобождаясь от насекомых. — Этот молодой человек здесь рассказывает нам историю, которая может или не может быть правдой. Если это правда, я не понимаю, почему человек по имени Дэйвос должен был дать ему мой адрес. И я не понимаю, почему Дэйвоса должны были заколоть у моего порога. Человека по имени Дэйвос я знал исключительно как моего пациента.

— А! — вмешался префект. — Вы давали ему таблетки, наверное?

Доктор Хеберт сел.

— Вы что, помешались с этими «таблетками»? — спросил он сдержанно. — Из-за того, что этот молодой человек, — он снова посмотрел на Джерри с неприязнью, — говорит, что Дэйвос сделал какое-то пьяное упоминание о «таблетках» этим вечером в казино, вы развиваете эту тему?

— Возможно.

— Это смешно, — заявил доктор Хеберт. — Вы даже задали вопрос, мои ли таблетки там на столе? Они — для отца мисс Худ. Это обычные сердечные таблетки с дигиталином. Вы думаете, они содержат яд? Если так, почему вы не проверите их?

— Это идея, — признался месье Горон.

Он взял коробочку и развернул бумагу. Коробочка содержала полдюжины гранул с сахарным покрытием. С большой серьезностью месье Горон положил одну из таблеток в рот, продегустировал ее, раскусил и, наконец, кажется, проглотил.

— Нет яда? — не унимался доктор.

— Яда нет, — подтвердил префект. На его столе зазвонил телефон. Он поднял трубку, слушал некоторое время с мечтательной улыбкой, затем вернул трубку на место. — Вот это действительно прекрасно. — Он сиял, потирая руки. — Мой добрый друг, полковник Марч, из английской полиции, проводит расследование. Его послали сюда, когда определенный вид деятельности в казино Ла-Банделет заинтересовал как французские, так и английские власти. Все вы, наверное, заметили его в казино вчера вечером?

— Я помню, — воскликнул вдруг Джерри. — Огромный малый. Спокойный, как слон.

— Точное описание, — улыбнулся префект.

— Но… — начал доктор Хеберт.

— Я сказал «все вы», доктор Хеберт, — настаивал префект. — Маленький вопрос, разрешите? Благодарю вас. Когда мадемуазель звонила вам домой, без двадцати двенадцать, вас там не было. Может быть, вы были в казино?

Доктор уставился на него.

— Возможно. Но…

— Наверное, вы видели там мистера Дэйвоса?

— Возможно, — доктор Хеберт продолжал смотреть на месье Горона с отвратительной усмешкой. — Но, месье Горон, будьте любезны объясниться? Вы, конечно, не подозреваете, что мадемуазель или я имеем какое-то отношение к этому делу? Не думаете ли вы, что мадемуазель или я выходили из дома во время этого убийства?

— Я уверен, что вы этого не делали.

— Не думаете ли вы, что мадемуазель или я подходили к двери или к окну, чтобы добраться до этого проклятого Дэйвоса?

— Я уверен, что вы этого не делали, — сиял префект.

— Ну, тогда?

— Но здесь, видите ли, — акцентируя свои слова, месье Горон поднял палец, — мы сталкиваемся с трудностью. Мы в мучительном состоянии. Это может означать, что мистер Уинтон должен был совершить убийство. И что, — добавил он, посмотрев на Джерри, — это абсурд. Мы никогда, ни на минуту не верили, что мистер Уинтон имеет что-то общее с этим убийством, и мой друг полковник Марч расскажет вам почему.

Джерри откинулся назад и посмотрел в лицо префекту, удивляясь, не ослышался ли он. Он чувствовал себя боксерской грушей. Но с большой серьезностью ответил на кивок префекта. В это время сержант мэрии открыл дверь офиса.

— Мы будем говорить по-английски, — объявил месье Горон, вскакивая с кресла. — Это мой друг, полковник Марч.

— Добрый вечер, — приветствовал всех полковник. Его широкое, веснушчатое лицо было такое же добродушное, как и у месье Горона. Кулаки он держал на бедрах. Посмотрел сначала на Элеонору, потом на Джерри, а затем на доктора Хеберта. — Жаль, что вы были поставлены в столь неудобное положение, мисс Худ. Но я видел вашего отца, и все будет хорошо. Что касается вас, мистер Уинтон, надеюсь, они избавят вас от страданий.

— Страданий?

— Я имел в виду, что вас не отправят на какой-нибудь остров Дьявола или еще куда-то, такого же типа? У нас были три очень веские причины полагать, что у вас нет ничего общего с этим. Вот первая причина.

Порывшись в кармане смокинга, он вытащил какой-то предмет и показал присутствующим. Это был черный кожаный бумажник, в точности похожий на тот, что уже лежал на столе месье Горона. Но в то время как первый был набит тысячными банкнотами, в этом было всего лишь несколько сотен франков.

— Мы нашли этот второй бумажник в кармане Дэйвоса, — сказал полковник Марч.

Казалось, он ждал комментариев, но их не было.

— Ну и что с того? — не выдержал Джерри, после паузы.

— Ой, да ладно! Два бумажника! Зачем Дэйвосу носить два бумажника? Зачем человеку носить два бумажника? Это первая причина. Вот вторая.

Из внутреннего кармана своего пальто, с видом фокусника, он вытащил нож, которым был заколот Дэйвос.

Это был очищенный от крови длинный, тонкий, тяжелый нож с рукояткой из легкого металла и с крестовиной. Когда полковник Марч повернул этот сверкающий при свете предмет, Джерри Уинтон почувствовал, что блеск затронул какую-то струну в его мозгу. Что сцена из прошлого почти вернулась к нему. Что в течение быстрой и манящей секунды он почти ухватил смысл всей проблемы.

— А теперь переходим к третьей причине, — проговорил полковник Марч. — Третья причина — это Ферди Дэйвос. Ферди был гостиничным вором. Слишком умным для нас, бедных полицейских. Да, Горон? Хотя я всегда говорил ему, что он плохой знаток мужчин. В разгар летнего сезона в таких отелях, как «Бретань» и «Донжон», Дэйвос мог хорошо поживиться. Он специализировался на ожерельях, особенно жемчужных. Пожалуйста, обратите внимание на это.

Понимающий взгляд появился на лице Элеоноры Худ. Она открыла было рот, чтобы сказать, но потом спохватилась.

— Его проблема, — продолжал полковник Марч, — была в том, как переправить украденные вещи в Англию, где у него был сбыт. Он не мог держать их при себе. В маленьком местечке, как Ла-Банделет, Горон вывернул бы его наизнанку, если бы он с награбленным сделал шаг в сторону Булони. Таким образом, он должен был иметь сообщников. Я имею в виду из орды молодых людей, которые приезжают сюда каждый сезон. Найти какого-нибудь молодого дурака, который проиграл за столом больше, чем мог себе позволить. И который может ухватиться за возможность заработать несколько тысяч франков на маленьком безобидном таможенном мошенничестве. Вы следите за мной, мистер Уинтон?

— Вы имеете в виду, что я был выбран?..

— Да.

— Но, боже мой, как? Как я мог пронести жемчужное ожерелье через таможню, если от этого зависела моя жизнь?

— Вы могли бы, если бы нуждались в тонизирующем средстве, — указал полковник Марч. — Так вам и Дэйвос говорил. Во-первых, ожерелье было бы приготовлено для вас частями. Каждой жемчужине было бы сделано тонкое сахарное покрытие, превращая ее в аккуратную лекарственную таблетку. Затем их засыпают в чистую бутылочку или коробочку по рецепту известного врача. Из-за большого наплыва туристов таможня не может осмотреть каждого. Они искали бы жемчужного контрабандиста, а не явно респектабельного молодого туриста с болезнью желудка.

Элеонора с удивлением посмотрела на коробочку с таблетками на столе Горона.

— Так вот почему вы пробовали мои таблетки! — обратилась она к префекту полиции, который сделал протестующий жест. — И держали меня так долго. И…

— Мадемуазель, уверяю вас! — оправдывался месье Горон. — Мы были уверены, что нет ничего плохого в этих таблетках! — Он несколько испортил эффект галантности, добавив: — С другой стороны, этого недостаточно. Так как вы получили таблетки от доктора Хеберта после рабочих часов, мы обязаны были вас допросить. Ловкий трюк, да? Боюсь, что фирма Хеберта и Дэйвос работала так в течение некоторого времени.

Все повернулись, чтобы посмотреть на доктора Хеберта.

Он сидел выпрямившись. Подбородок втянулся в воротник, как будто доктор собирался петь. На его лице было выражение, которое можно назвать только испуганным скептицизмом. Даже его рот был приоткрыт с этим эффектом или с непроизносимыми звуками насмешки.

— Мы также должны были задержать вас, — продолжал месье Горон, — пока наши люди не найдут жемчуг мадам Флей, украденный неделю назад и спрятанный у доктора Хеберта в хирургии. Повторяю, это был ловкий трюк. Мы могли бы ничего не знать об этом, если бы Дэйвос не намекнул нечаянно мистеру Уинтону. Позволил себе больше, чем нужно. И стал опасен. — Префект добавил: — Вот почему, считает полковник Марч, доктор Хеберт решил убить его.

Доктор Хеберт по-прежнему не проронил ни слова.

Зато заговорил Джерри Уинтон:

— Сэр, я не выступаю в защиту этого парня. Я должен бы думать, что вы правы. Но как он мог убить Дэйвоса? Он не мог этого сделать!

— Вы забываете, — возразил полковник Марч, так весело, будто эмоциональная температура в помещении поднялась на несколько градусов. — Вы забываете о двух бумажниках. Почему у Дэйвоса было два бумажника?

— Ну?

— У него не было двух бумажников, — сказал полковник Марч, остановив взгляд на докторе Хеберте. — Наш добрый доктор был, конечно, мозгами партнерства. Он поставлял ресурсы Дэйвосу для внушительного представительства. Когда Дэйвос играл в «баккара» в казино, он расплачивался деньгами Хеберта. Сегодня вечером доктор встретился с Ферди в казино и предусмотрительно забрал у него большую сумму, которую вы видели в бумажнике Ферди на игральном столе. Когда Ферди пришел в дом врача в полночь, у него было всего лишь несколько сотен франков комиссионных в его собственном бумажнике в кармане.

Видите ли, доктору Хеберту нужна была эта большая сумма в его плане убить Ферди. Он знал, когда Ферди позвонит в его дом. Он знал, что мистер Уинтон будет близко позади Ферди. Мистер Уинтон будет вовлечен в убийство и обвинен. Все что нужно было доктору Хеберту — это взять пачку тысячных банкнот, засунуть их в бумажник, похожий на тот, что был у Дэйвоса в казино, и использовать его как ловушку.

— Ловушку? — удивилась Элеонора.

— Ловушку, — повторил Марч и продолжил: — Ваше присутствие, мисс Худ, дало доктору Хеберту неожиданное алиби. Он оставил вас внизу в своем доме. Сам поднялся наверх, «чтобы одеться». За несколько минут до того, как должен был прибыть Дэйвос, он тихо поднялся на крышу своего дома. Крыша плоская, как и у большинства домов в Ла-Банделет. Он посмотрел вниз через парапет на тупик с высоты сорок футов и увидел порог своего дома с горящей над ним лампой. Бросил бумажник через парапет так, чтобы тот упал на мостовую прямо у порога дома.

— Ну? — задал вопрос полковник Марч. — Что сделал Дэйвос? Он сделал то, что сделали бы вы, если бы шли и увидели на мостовой бумажник, набитый сотенными банкнотами, лежащий прямо перед вами.

Снова Джерри Уинтон увидел тускло освещенный тупик. Он услышал, как плещется дождь, и увидел нечто пролетевшее и сверкнувшее у лампы над дверью. И мимо луча маяка над головой. И увидел фигуру Дэйвоса, резко остановившуюся и смотревшую на что-то.

— Я полагаю, — продолжил Джерри, — что он остановился и подобрал бумажник.

— Да, — подтвердил полковник Марч. — Вот и вся грустная история. Вы бы наклонились так, что ваше тело стало бы параллельно земле. Ваш затылок был бы отличной мишенью для того, кто стоял сорока футами выше с острым как игла ножом, лезвие которого намного тяжелее ручки. Убийце оставалось только просто опустить свой нож. Разжать пальцы и уронить его. Гравитация сделала все остальное.

Друг мой, вы смотрели прямо на это убийство и ничего не видели. Вы не увидели потому, что движущая поблескивающая стена дождя — это своего рода серебристый занавес, который опустился перед дверной лампой и лучом маяка. Он прикрыл падение тонкого, длинного лезвия, сделанного из блестящего металла. За этим занавесом незримо передвигался наш гениальный друг доктор Хеберт, который мог бы рассказать, если бы его можно было уговорить…

Но доктора Хеберта невозможно было уговорить, даже когда его забрали. А Джерри Уинтон и Элеонора Худ пошли домой сквозь летний рассвет, под серебристым небом. И к тому времени, когда добрались до отеля, обнаружили, что у них есть определенное количество общих знакомых.

След ноги в небе

Она, наконец, высвободилась из своих путаных сновидений. Еще некоторое время лежала, уставившись в белый потолок спальни, прежде чем смогла убедить себя, что это был вовсе не сон.

И тем не менее, это был сон.

Чистый, хрустальный солнечный свет лился через открытое окно. Холодный, хрупкий воздух надувал занавески, шевелил легкий слой снега на подоконнике. Это шевеление вносило оживление в ее маленькую пустую комнатку. Оно должно было восстановить кровообращение. И Дороти Брант глубоко вдохнула морозный воздух.

Все в порядке. Она находилась в деревенском коттедже, куда с папой приехала покататься на коньках по замерзшему озеру. А возможно, и на лыжах, если выпадет достаточно снега, как было обещано по прогнозу погоды. И снег выпал. Она должна бы радоваться этому, но сейчас даже вид его на подоконнике вселял ей ужас.

Дрожа в теплой постели, девушка взглянула на маленькие часики, лежащие рядом. Она проспала! Папа и Гарри, должно быть, ждут ее на завтрак. Дороти снова повторила себе, что все хорошо, хотя сейчас, полностью проснувшись, понимала, что это не так. Вспомнилась вчерашняя неприятность. С соседкой, миссис Тофам, старой мегерой и воровкой, к тому же...

Это было единственное, что могло омрачить их уик-энд. Они уже предвкушали, как будут кататься на коньках. Острые лезвия режут со звоном лед. Стремительный полет. Длинные борозды на льду от торможения при повороте… Черные вязы на фоне ясного холодного неба. И все испортила миссис Тофам из соседнего коттеджа, с ворованными часами и наигранно хорошими манерами. Забыть все! Долой дурные мысли! Выбросить их из головы!

Дороти Брант взяла себя в руки и встала с постели. Потянулась за халатом и комнатными туфлями. Но халата, как обычно брошенного на стул, не было. Вместо него лежала тяжелая меховая шубка. И была пара мокасин из мягкой кожи, украшенных бисером, которые Гарри привез ей из Штатов. Но сейчас их подошвы были холодные, сырые и жесткие, почти замороженные. Ее охватил подсознательный страх, завладел ею и не отпускал.

Закрыв окно, она побрела в ванную. В маленьком коттедже с белыми хрустящими занавесками и запахом старого дерева было так тихо, что она слышала голоса людей внизу. Просто бормотание, в котором слова не различались. Быстрый тенор Гарри, медленный, низкий голос отца, и еще один, который она не могла распознать: спокойный, неторопливый.

Что там случилось? Она поспешно умылась и оделась. Очевидно, они не только встали, но уже сидели за завтраком, так как Дороти слышала запах сваренного кофе. В своих движениях девушка ощущала какую-то вялость. Несмотря на девять часов сна, она чувствовала себя раздраженной и измотанной, будто не спала всю ночь.

Сделав последний взмах расческой по коричневым подстриженным волосам, проигнорировав пудру и губную помаду, Дороти сбежала по лестнице вниз. Но у двери гостиной резко остановилась. В комнате находились ее отец, кузен Гарри и местный суперинтендант.

— Доброе утро, мисс, — поздоровался суперинтендант.

Она никогда не забудет вид этой маленькой комнатки и выражения лиц тех, кто в ней находился. Солнечный свет лился в гостиную, касаясь аляповатых тканых ковров и камина, сложенного из грубого камня. Через боковые окна она могла видеть заснеженную лужайку. Далее, на расстоя-

нии двадцати ярдов, виднелся обшитый досками коттедж миссис Тофам, отделенный от них высокой лавровой изгородью с воротами,

Тревожным знаком для Дороти было то, что при ее появлении разговор резко оборвался. Присутствующие оглянулись, и по выражениям их лиц, быстрым и бледным, будто схваченным фотокамерой, она поняла, что застала их врасплох.

— Доброе утро, мисс, — повторил, приветствуя, суперинтендант Мейсон.

И тут вмешался Гарри Вентнор. Как в отчаянии. Его естественный яркий румянец стал еще ярче. Даже его большие ноги, массивные плечи и маленькие жилистые руки пришли в возбуждение:

— Не говори ничего, Дороти! — настоятельно посоветовал он. — Не говори ничего! Они не смогут ничего тебе сделать, если ты ничего не скажешь. Подожди пока…

— Я определенно считаю… — медленно начал отец. Он перевел взгляд на свой нос, на трубку, потом еще куда-то, но только не в сторону Дороти. — Я определенно считаю, — продолжил он, прочистив горло, — что было бы лучше не говорить поспешно, пока…

— Как вы пожелаете, сэр, — согласился суперинтендант Мейсон. — А сейчас, мисс, я должен задать вам несколько вопросов. Но мой долг предупредить вас, что вы можете не отвечать на них, пока не увидитесь со своим адвокатом.

— Адвокатом? Но мне не нужен адвокат. С какой стати я должна хотеть адвоката?

Суперинтендант Мейсон многозначительно посмотрел на отца и Гарри Вентнора, как будто предлагая им отметить это.

— Речь пойдет о миссис Тофам.

— О!

— Почему вы произнесли «О!»?

— Продолжайте, пожалуйста. Что случилось?

— Я так понял, мисс, что вы и миссис Тофам вчера поговорили на повышенных тонах. Похоже, немного поскандалили?

— Да, можно и так выразиться.

— Могу я спросить, по какому поводу?

— Извините, — ответила Дороти. — Этого сказать не могу. Тогда у старой кошки появился бы удобный случай объявить, что я оклеветала ее. Так в чем дело? Что она вам рассказала?

— Видите ли, мисс, — сказал суперинтендант. Он вытащил карандаш и почесал им челюсть. — Боюсь, она пока не в состоянии что-либо рассказать нам. Она находится в лечебнице в Гилфорде. Довольно сильно разбита голова. Только между нами, состояние тяжелое. И неизвестно, придет ли она в себя.

Дороти вдруг перестала чувствовать биение своего сердца, а потом оно заколотилось в ненормальном ритме. Суперинтендант пристально смотрел на нее. Девушка заставила себя произнести:

— Вы имеете в виду, что с ней произошел несчастный случай?

— Не совсем так, мисс. Доктор говорит, что ее ударили три или четыре раза большим стеклянным пресс-папье, которое вы, может быть, видели на столе в ее коттедже. А?

— Не хотите ли вы сказать… не хотите ли вы сказать, что кто-то совершил такое. Преднамеренно? Но кто это сделал?

— Хорошо, мисс, — произнес суперинтендант, глядя на нее все строже и строже, пока его лицо не стало похоже на пуританское. — Вынужден заявить вам, что из всего нам известного, похоже, сделали это вы.

Этого не было! Этого не могло быть! Впоследствии она вспоминала, как отстраненно изучала их всех. Маленькие морщинки вокруг глаз Гарри, проявившиеся в солнечном свете. В спешке приглаженные волосы. Свободная кожаная куртка с наполовину расстегнутой молнией. Тогда ей почему-то пришла в голову мысль, что, несмотря на свою атлетическую удаль, он выглядит невыразительно и немного глупо. Да и ее собственный отец выглядел ненамного лучше.

Она услышала свой голос:

— Но это абсурд!

— Надеюсь, что так, мисс. Искренне надеюсь. А теперь скажите, куда вы выходили из дома прошлой ночью?

— Когда?

— В любое время.

— Да. Нет. Я не знаю. Да, кажется, выходила.

— Ради бога, Дороти, — бросил отец. — Не говори больше ничего, пока сюда не прибудет адвокат. Я уже позвонил в город. И чтобы заранее не беспокоить, даже не разбудил тебя. Ведь этому есть какое-то объяснение. Должно быть!

Не только она испытывала душевное волнение. Судя по несчастному выражению его лица, отец переживал вместе с ней. Грузный, наполовину лысый, обеспокоенный бизнесом и всем остальным, что есть в этом мире, — вот кто такой Джон Брант. Со страдальческим лицом он стоял в круге солнечного света, прижимая к боку искалеченную левую руку в черной перчатке.

— Я видел ее, — объяснил он. — Не очень приятное зрелище. Да. Правда, я видел и похуже. На войне. — Он притронулся к своей руке. — Но ты маленькая девочка, Дороти. Ты всего лишь маленькая девочка. Ты не могла совершить такое.

Его печальный тон требовал подтверждения.

— Один момент, сэр, — вставил суперинтендант Мейсон. — Итак, мисс! Вы сказали, что выходили из дома прошлой ночью?

— Да.

— В снег?

— Да, да, да!

— Вы помните время?

— Нет. Так мне кажется.

— Скажите, мисс, какого размера туфли вы носите?

— Четвертого.

— Это довольно маленький размер, не так ли?

Когда она молча кивнула, суперинтендант спрятал свою записную книжку.

— Тогда не пройдете ли вы со мной?

Коттедж имел боковую дверь. Не касаясь пальцами ручки, Мейсон повернул шпиндель и открыл ее. Из-за выступа карниза две ступеньки, ведущие вниз, были чистыми. Но далее, между ними и закрытым коттеджем напротив, лежал тонкий слой снега.

Две строчки следов ног отпечатались на этом снегу. Затвердевшие, отчетливо видные. Дороти знала, чьи они. Одна цепочка следов извилисто шла от ступенек, проходила под аркой запорошенной лавровой ограды и заканчивалась перед дверью дома миссис Тофам. Другой рядок тех же самых следов, немного стертых и с более длинными интервалами там, где человек бежал в отчаянии, шел назад от коттеджа до тех же ступенек.

Внезапная паника, охватившая Дороти, пробудила ее память. Значит, это был не сон. Она это сделала. Подсознательно все это она знала. Она

помнила и другие вещи: шуба, надетая поверх пижамы, колкость снега во влажных туфлях, безрассудный бросок в темноту.

— Ваши, мисс? — поинтересовался суперинтендант Мейсон.

— Да. О, да, мои.

— Не спешите, мисс, — пробормотал суперинтендант. — Вы выглядите немного испуганной. Подойдите сюда и присядьте. Я не причиню вам вреда. — Затем тон его голоса возрос до раздражительного. Возможно, строгая простота поведения девушки поколебала его официальную выдержку. — Но почему вы это сделали? Господи, зачем вы это сделали? Неужели вы взломали ее письменный стол только ради того, чтобы достать пригоршню дешевых безделушек, которые не стоят и десяти фунтов за партию? И даже не взяли на себя труд замести за собой следы.

Он закашлялся, оборвав себя. И тут же услышал едкий голос Джона Бранта:

— Хорошо, мой друг. Очень хорошо. Наконец-то первый признак ума. Я полагаю, вы не считаете мою дочь безумной?

— Нет, сэр. Но я слышал, это были безделушки ее матери?

— От кого вы это слышали? Наверное, от тебя, Гарри?

Гарри Вентнор дернул замок молнии вверх, застегивая куртку, как будто к чему-то готовился. Он всегда старался произвести впечатление на тех, кого преследовали, внушая им мысль, что он честный человек. Что он хотел бы дружить со всем миром, если бы ему позволили. При этом такая искренность вспыхивала в мелких чертах лица Гарри, что трудно было сомневаться в его добрых намерениях.

— Ну послушай, папа, старина. Я же должен был рассказать им, не так ли? Ведь нехорошо пытаться скрыть такие вещи, так? Я знаю, потому что читал подобные рассказы.

— Рассказы!

— Разумеется. Говори что хочешь, но они все равно узнали бы. А тогда было бы хуже. — Он остановился, чтобы сказанное проникло в сознание присутствующих, и продолжил: — Скажу тебе, что ты идешь неправильным путем. Предположим, Дороти имела ссору с миссис Тофам по поводу этих драгоценностей. Предположим, она ходила туда прошлой ночью. Предположим, следы принадлежат ей. Но разве все это доказывает, что она стукнула миссис Тофам? Я не хочу сказать, будто государственная служба ничего не делает, но почему это не мог быть грабитель?

Суперинтендант покачал головой.

— Потому что не мог.

— Но почему? Я спрашиваю вас, почему?

— Хорошо, не будет никакого вреда в том, что я вам расскажу, сэр. Если вы будете просто слушать. Возможно, вы помните, что прошлой ночью снег начал идти чуть позже одиннадцати часов.

— Нет, не помню. В это время мы уже все были в постели.

— Ну, можете мне поверить на слово, — терпеливо объяснял Мейсон. — Я половину ночи провел в отделении полиции… Вот так. Снег прекратился около полуночи. И здесь вам также придется поверить мне на слово, но мы легко можем это доказать. Видите ли, сэр, миссис Тофам была жива и находилась в добром здравии до полуночи. Мне это также известно, так как она позвонила и сказала, что проснулась и нервничает. Думает, что у соседей грабители. Поскольку дама проделывает то же самое в среднем три раза в месяц, — пояснил он мрачно, — я не придал этому значения. И скажу вам, что звонок от нее поступил в 12.10. То есть, примерно через десять минут после того, как снегопад прекратился.

Гарри заколебался. А суперинтендант продолжил с тем же самым терпеливым видом:

— Разве вы не понимаете, сэр? На миссис Тофам не было произведено нападение до того, как перестал идти снег. Сейчас вокруг ее коттеджа имеется двадцать ярдов свежего, чистого, нетронутого снега в любом направлении. В снегу только одни отметины. Этими единственными в своем роде знаками являются следы от ног мисс Брант. Которая, впрочем, и сама это признала.

Он поднялся в раздражении.

— Как будто кто-то еще мог оставить эти следы. Я абсолютно уверен в том, что никто, кроме нее, их сделать не мог. Даже если бы мисс Брант не призналась в этом сама. Вы, мистер Вентнор, носите обувь десятого размера. У мистера Бранта девятый размер. Прогулка в четыре рядочка. Ах-ах! И все же, кто-то вошел в коттедж при помощи ключа, хорошенько поколотил старушку, ограбил ее и ушел тем же путем. И если нет других следов или отметин любого рода в снегу, то кто это сделал? Кто?

Теперь Дороти могла обдумать все почти беспристрастно. Она вспомнила пресс-папье, которым ударили миссис Тофам. Оно лежало на столе в маленькой душной гостиной миссис Тофам, тяжелый стеклянный шар с пейзажем в середине. Если потрясти стеклянный шар, внутри поднимается снежная вьюга. От этого воспоминания нападение показалось ей еще более ужасным. Интересно, оставила ли она на нем отпечатки пальцев....

И вдруг над всем этим проступило лицо Ренэ Тофам. Ренэ Тофам, близкой подруги ее матери.

— Я ненавидела ее, — выпалила Дороти и неожиданно заплакала.

Денис Джеймсон из адвокатской конторы «Морис, Фарнсворт энд Джеймсон» с треском закрыл свой портфель. Он надевал шляпу и пальто, когда в офис заглянул Билли Фарнсворт.

— Привет, — сказал он. — Ты едешь в Суррей? По поводу дела Брант?

— Да.

— Гм. Веришь в чудеса, не так ли?

— Нет.

— Девушка виновна, мой мальчик. Ты должен знать это.

— Наше дело сделать для наших клиентов все что можем, — заявил Джеймсон.

Фарнсворт посмотрел на него проницательно.

— Я вижу это по твоей румяной щечке. Дон Кихот снова ожил. Молодой идеалист бросается на помощь красавице в бедственном положении, поклявшись, что…

— Я виделся с ней всего два раза, — отпарировал Джеймсон. — Да, она мне нравится. Но просто используя немного ума, я не вижу, что у них имеется такое уж громкое дело против нее.

— О, мой мальчик.

— Ну послушайте. Какие есть доказательства, что преступление совершила девушка? Миссис Тофам ударили тяжелым стеклянным пресс-папье. Отпечатков пальцев на нем нет. Это может означать, что их стерли. Но предусмотрительно и тщательно уничтожив отпечатки пальцев с пресс-папье, Дороти Брант затем идет назад к своему коттеджу и оставляет за собой два ряда следов, которые можно увидеть, даже поднявшись в воздух на милю. Разве это разумно?

Фарнсворт задумался.

— Они могут сказать, что Дороти не очень умна, — указал он. — Не увлекайся психологией. А вот что тебе надо сделать, так это обойти физи-

ческие факты. Вот таинственная вдова Тофам одна дома. Единственная служанка работает только днем. Вот следы ног некой персоны. Следы могли быть сделаны только этой девушкой. И фактически, она признается в этом. Физически невозможно, чтобы кто-то еще вошел в дом и вышел из него. Как ты предполагаешь объяснить это?

— Не знаю, — произнес Джеймсон безнадежно.— Но в первую очередь я хочу услышать объяснение от нее. Ведь никто, кажется, не слышал, или даже не полюбопытствовал, что же она сама об этом думает.

Однако, когда позже, в тот же день, он встретился с Дороти в коттедже, она выбила у него почву из-под ног.

Уже опустились сумерки, когда он свернул в ворота. Голубоватые сумерки, в которых снег кажется серым. Джеймсон остановился на мгновение в воротах и осмотрел тонкую лавровую изгородь, разделяющую два владения — мистера Бранта и миссис Тофам. Ничего примечательного не было в этой изгороди высотой в шесть футов с прорезанными сквозь нее воротами в виде готической арки. Но прямо перед аркой, вглядываясь в снежный покров у изгороди, стояла большая фигура в кепи и непромокаемом плаще. Она ему показалась знакомой. Рядом другой человек, очевидно, местный суперинтендант полиции, держал камеру. И вдруг на фоне неба ярко сверкнула фотовспышка. Хотя Джеймсон был слишком далеко, но ему показалось, что большой человек громко смеется.

Гарри Вентнор, которого он немного знал, встретил его у дверей.

— Она там, — объяснил Гарри, кивнув в сторону первой комнаты. — Вы уж не расстраивайте ее, ладно? Эй, что, черт возьми, они делают с изгородью?

Он уставился на лужайку.

— Расстраивать ее? — с некоторой резкостью уточнил Джеймсон. — Я здесь для того, чтобы помочь ей насколько возможно. Не могли бы вы или мистер Брант оказать мне некоторую помощь? Вы искренне верите, будто мисс Брант в здравом уме могла совершить то, что, как говорят, она сделала?

— В здравом уме? — повторил Гарри и, кинув на Джеймсона любопытный взгляд, больше ничего не сказал. Он резко развернулся и поспешил через лужайку.

Однако Дороти, когда он встретился с ней, производила впечатление, что находится в здравом рассудке. Это была прямота, которая ему всегда нравилась. Прямота, которая воодушевляла его сейчас. Они сидели в уютной, полутемной комнатке, у камина, на котором размещались серебряные кубки, которые обозначали атлетическое и гимнастическое мастерство Гарри Вентнора и трофеи Джона Бранта ранних дней в Сент-Морице. Сама Дороти была обычной девушкой.

— Чтобы посоветовать мне? — удивилась Дороти. — Вы имеете в виду посоветовать, что говорить, когда меня арестуют?

— Ну, пока еще вас не арестовали, мисс Брант.

Она улыбнулась ему.

— Держу пари, что это «пока еще» удивляет вас, не так ли? Я понимаю, как глубоко я увязла! Думаю, они сейчас занимаются только тем, чтобы добыть как можно больше улик. И к тому же здесь находится новый человек, по имени Марч, из Скотленд-Ярда. Я чувствую себя почти польщенной.

Джеймсон вскрикнул от удивления. Теперь он понял, почему та огромная фигура у изгороди показалась ему знакомой.

— Не полковник ли Марч?

— Да. Довольно приятный человек, как мне показалось, — ответила Дороти, прикрыв глаза рукой. За ее легким тоном он ощутил, как обнажены нервы Дороти. — Затем они снова перерыли мою комнату. Никак не могут найти часы, брошь и кольца. Наверное, те самые, что были украдены у тети Ренэ Тофам. Тети Ренэ!

— Да, я слышал. Но вот в чем вопрос: что им от этого? Часы, брошь и пару колец! Зачем вам нужно было красть их у кого-либо, не говоря уже о ней?

— Потому что они не ее, — сказала девушка. Она вдруг подняла бледное лицо и начала говорить быстро: — Они принадлежали моей матери.

— Уже лучше.

— Моя мать умерла, — начала свой рассказ Дороти. — И для меня они были не просто часы и кольца. Я не оправдываюсь, но именно эти вещи стали причиной нашей ссоры. Моя мать была хорошей подругой миссис Тофам. О! «Тетя Ренэ» была примером во всем. Пока мать была жива, она носилась с ней. Но в то же время мама хотела, чтобы эти украшения остались у меня. А тетя Ренэ хладнокровно присвоила их. Как присвоила все остальное. Все, что смогла. Я до вчерашнего дня не знала, что с ними случилось. Вам, наверное, известны такого рода женщины? Миссис Тофам действительно обаятельная, аристократичная и очаровательная, с холодным шармом, которая берет все, что может получить и рассчитывает продолжать получать. Я точно знаю, что у нее много денег, хотя не представляю, что она с ними делает. И настоящая причина, почему она похоронила себя в сельской местности, состоит в том, что миссис Тофам имеет слишком большие средства, чтобы рисковать, тратя их в городе. Я ее терпеть никогда не могла. Когда умерла мама, тетя Ренэ решила, что я буду угождать ей. Но я и не собиралась этого делать. Тогда она изменилась. Как она любит говорить о нас! О долгах Гарри, о шатком бизнесе моего отца. И обо мне.

Она остановилась, улыбнувшись молодому человеку.

— Извините, что я причиняю вам вред всем этим.

— Вы не причиняет мне никакого вреда.

— Но все это довольно смехотворно, не так ли?

— Смехотворно?! — воскликнул Джеймсон. — Это не то слово, которое применимо в данном случае. Итак, у вас произошла с ней ссора?

— О, великолепная ссора! Прекрасная ссора! Скандал из скандалов!

— Когда?

— Вчера. Когда я увидела, что она надевает часы моей матери.

Она перевела взгляд на камин, над которым мерцали серебряные кубки.

— Может быть, я сказала больше, чем должна была, — вздохнула Дороти. — Но я не имею никакой поддержки ни от отца, ни от Гарри. Я не обвиняю отца, он так озабочен бизнесом. И больная рука иногда очень сильно его беспокоит. Так что все, что он хочет, — это мира и спокойствия. Что касается Гарри, то в действительности она ему не нравится. Но зато она увлеклась им, и это льстит его самолюбию. Он своего рода мужской аналог тети Ренэ. Без работы? Ну, значит, зависит от кого-то. А я посередине всего этого. «Дороти сделай это», «Дороти сделай то» и «А, старушка Дороти, она не против». Но я — против. И когда увидела на этой женщине мамины часы, я решила, что с этим надо кончать. Масла в огонь подлило ее сочувствие, что мы не в состоянии позволить себе иметь прислугу. Вот так, должно быть, я и покончила с этим.

Джеймсон наклонился и взял ее за руки.

— Ну, хорошо, — проговорил он. — Это сделали вы?

— Не знаю. Не могу вспомнить.

— Но наверняка…

— Нет. Но есть еще одно обстоятельство, над которым миссис Тофам всегда подшучивала. Когда гуляешь во сне, ничего не помнишь… — Забавно, не так ли? — продолжала девушка, после некоторой паузы. — Чрезвычайно смешно. Но не для меня! Ничуть. Это случилось, когда я была еще ребенком и оказалась на грани физического и нервного истощения. Однажды во сне я спустилась в гостиную, развела огонь в камине и накрыла стол для еды. Допускаю, что такое со мной случается. Но не часто. И никогда с такими результатами, как этот. — Она попыталась засмеяться. — Но почему, как вы думаете, мой отец и Гарри считают, что так и было? Это хуже всего. Я — кто? Почти убийца или нет?

Все складывалось плохо.

Джеймсон признался в этом сам себе, хотя и вопреки рассудку. Он встал и походил по комнате. А ее карие глаза, не отрываясь, следили за ним. И молодой человек тоже не мог отвести от нее взгляда, видел напряжение в каждой черточке ее лица.

— Послушайте, — тихо произнес он. — Здесь какая-то бессмыслица.

— О, пожалуйста, не говорите так. Это не очень оригинально.

— Неужели вы всерьез считаете, что ходили к этой женщине, но сейчас ничего о том не помните?

— Неужели это было бы труднее, чем разжечь камин?

— Я не о том вас спрашиваю. Вы считаете, что сделали это?

— Нет, — ответила Дороти.

Вопрос был решен. Теперь она доверяла ему. Появились понимание и симпатия между ними, та сила и связь, которая чувствуется так же ощутимо, как тело отдает тепло.

— Глубоко внутри себя я не верю этому. Я думаю, что должна была проснуться. В этом нет ничего хорошего, но вы же знаете, что крови на мне нет. Однако как вы собираетесь обойти факты?

(Факты. Всегда факты.)

— Я действительно ходила туда. Не могу отрицать, что помню, как полусонная, шла обратно. И как стояла в снегу на лужайке. На мне была меховая шубка поверх пижамы. Помню, что ощущала снег на лице и мокрые туфли на ногах. И я дрожала. Помню, как бежала назад. Это все. Но если я не делала это, значит, кто-то еще мог совершить такое?

И тут вмешался новый голос:

— Прошу извинить меня. Вы не возражаете, если я в прямом и переносном смысле включу свет?

Денис Джеймсон знал обладателя этого голоса. Послышался шорох. Кто-то шарил в поисках выключателя. Потом загорелся электрический свет, и появился сияющий и наслаждающийся теплом полковник Марч. Сто семь килограммов полковника Марча были закутаны в непромокаемый плащ, обширный, как палатка. На голове — большое твидовое кепи. Под ним покрасневшее от холода веснушчатое лицо. С бульканьем и удовольствием он курил объемистую трубку, которая грозила подпалить его песочного цвета усы.

— А, Джеймсон! — проронил полковник. Он вынул трубку изо рта и ткнул ею в сторону адвоката. — Значит, это были вы. Так я и подумал, увидев, как вы входили. Я не хочу вмешиваться в ваш разговор, но есть, по крайней мере, две вещи, которые мисс Брант должна знать.

Дороти резко повернулась.

— Во-первых, — продолжил Марч, — что миссис Тофам вне опасности. Во всяком случае, она в состоянии сказать несколько слов. Хотя и не очень связно. Во-вторых, на вашей лужайке находится один из самых

необычных объектов, который я когда-либо видел в своей жизни.

Джеймсон присвистнул.

— Вы встречались с этим человеком? — обратился он к Дороти. — Он — глава Департамента странных жалоб. Их зовут на помощь, когда сталкиваются с чем-то диковинным, что может быть мистификацией или шуткой, но, с другой стороны, может быть и серьезным преступлением. У него настолько ясный ум, что он каждый раз попадает в цель. Мне определенно известно, что он проводил расследования исчезнувшей комнаты, гуляющего трупа и невидимых частиц фурнитуры. Если он заходит так далеко, что признает эту вещь необычной, вам нужно быть начеку.

Полковник Марч кивнул с серьезным видом.

— Да, — подтвердил он. — Вот почему я здесь, как видите. Они думают, что мы заинтересуемся этим следом ноги.

— Этим следом ноги? — воскликнула Дороти. — Вы имеете в виду…

— Нет, нет. Не вашим, мисс Брант. Другим. Позвольте мне объяснить. Я хочу, чтобы вы оба выглянули в окно. Я хочу, чтобы вы взглянули на лавровую изгородь между этим коттеджем и тем. Дневной свет почти уже ушел, но видеть можно.

Джеймсон подошел к окну и выглянул.

— Ну, — протянул он. — Что тут такого? Это изгородь.

— Как вы проницательно отметили, это изгородь. А теперь позвольте мне задать вам вопрос. Как вы думаете, человек может пройти по верху такой изгороди?

— Боже мой, нет.

— Нет? Но почему?

— Я не понимаю шутки, — возразил Джеймсон. — Но я постараюсь ответить правильно. Поскольку изгородь всего лишь одного-двух дюймов толщины, она не выдержит и кошки. Если вы попытаетесь удержаться, то вам нужно двигаться очень быстро.

— Совершенно верно. Тогда что бы вы ответили, если бы я сказал, что некто весом, по крайней мере, в семьдесят пять килограммов взобрался на нее?

Никто ему не ответил. Это было настолько безрассудно, что сказать было нечего. Джеймсон и Дороти посмотрели друг на друга.

— И вот почему, — гнул свою линию полковник Марч, — могло показаться, что некто все-таки забрался туда. Посмотрите на изгородь снова. Видите арку, которая прорезана в ней для ворот? Как раз там, наверху, посреди нее, имеется след ноги. Это большой след. Я думаю, его можно будет идентифицировать по пятке, хотя большая часть его смазана и отрывочна.

В комнату, тяжело ступая, быстро вошел отец Дороти. Он попытался что-то сказать, но полковник Марч сделал ему знак остановиться. Брант прошел к дочери и взял ее за руку.

— Значит, — настаивал Джеймсон, — кто-то взобрался на изгородь?

— В этом я сомневаюсь, — отозвался полковник Марч. — Как он смог?

Джеймсон взял себя в руки.

— Послушайте сэр, — заговорил он уже спокойным тоном. — «Как он смог?» — это правильно. Но я бы никогда не поверил, что вы сказали нечто подобное, не имея серьезной причины. Я знаю, что это имеет какое-то отношение к делу. Но меня не волнует, забирался кто-то на эту изгородь или нет. Мне все равно, исполнял он на ней танец или нет. Изгородь никуда не ведет. Она не ведет к миссис Тофам, а лишь делит два владения. Вопрос в том, как кому-то удалось добраться отсюда до другого коттеджа через

шестьдесят футов нетронутого снега, не оставив на нем следов? Я спрашиваю это потому, что уверен, вы не считает мисс Брант виновной.

Полковник Марч выглядел извиняющимся.

— Я знаю, что она невиновна, — ответил он.

В уме Дороти снова возникло видение тяжелого шарообразного пресс-папье, внутри которого, если потрясти, поднимается миниатюрная снежная вьюга. Она почувствовала, что ее собственный разум потрясен и в то же время затемнен.

— Я знал, Дороти, что ты не делала этого, — сказал Джон Брант, неожиданно положив руку на плечо дочери. — Я знал это. Я так им и сказал. Но…

Полковник Марч заставил его замолчать.

— Настоящему вору, мисс Брант, не нужны были ни часы вашей матери, ни брошь, ни цепочки, ни кольца. Вам интересно будет узнать, чего он хотел. Он хотел около пятнадцати тысяч фунтов в банкнотах и золотых соверенах, спрятанных в том самом потрепанном столе. Вы, кажется, удивлялись, что миссис Тофам делала со своими деньгами. Так вот что она делала с ними. По первым словам, которые она выдавила из себя в полубессознательном состоянии, можно было судить, что миссис Тофам была просто обыкновенной или провинциальной разновидностью скряги. Этот унылый стол в ее гостиной стал бы последним местом для любого грабителя, который ищет тайник. Для любого, за исключением одного.

— За исключением одного? — повторил мистер Брант, и его взгляд, казалось, обратился внутрь себя.

Внезапное неприятное подозрение охватило Джеймсона.

— За исключением одного, кто знал. Вину сознательно возложили на вас, мисс Брант. И в этом не было никакого злого умысла. Это был просто легчайший способ избежать страдания и неприятности для джентльмена, который это сделал.

— А теперь послушайте, что вы сделали, — лицо полковника Марча потемнело. — Вы действительно выходили на снег прошлой ночью. Но вы не ходили к миссис Тофам. И не оставляли этих артистичных рядков следов в снегу. Когда вы рассказываете собственную историю о том, что чувствовали, как снег жжет ваше лицо и ноги, не требуется никаких больших способностей, чтобы понять — в это время снег все еще шел. Вы шли по нему, как и многие лунатики. Вы были шокированы снегом и холодным воздухом и вернулись задолго до конца снегопада, который укрыл ваши реальные следы.

Настоящий вор, который в это время бодрствовал, слышал, как вы вернулись и упали на кровать. Он понял, что небеса послали ему возможность обвинить вас в преступлении, которое вы, может быть, даже подумывали совершить. Он тихо проскользнул в вашу комнату и взял комнатные туфли. А когда снег прекратился, он пошел к миссис Тофам. У него не было намерения нападать на нее. Но она проснулась и удивилась, увидев его. И тогда, конечно, Гарри Вентнор ударил ее.

— Гарри…

Дороти почти выкрикнула это имя и тут же осеклась. Она резко повернулась к отцу, пристально посмотрела на него и разразилась смехом.

— Разумеется, — согласился полковник Марч. — Как обычно, он позволил (что такого?) своей «старушке Дороти» взять вину на себя.

Тень задумчивости, казалось, покинула Джона Бранта, остался его суетливый и озабоченный вид. Он посмотрел на полковника Марча.

— Сэр, — проронил он. — Я бы отдал свою здоровую руку, чтобы доказать то, что вы говорите. Этот мальчик причинил мне половину моих бед. Но это же бред сумасшедшего?

— Нет.

— Скажу вам, что он не мог этого сделать! Он сын Эмилии, сын моей сестры. Он, может быть, и плохой человек, но не злой волшебник.

— Вы забываете, — возразил полковник Марч, — о некоем большом следе десятого размера. Вы забываете об этом интересном знаке, смазанном и полустертом следе десятого размера на верху изгороди, которая не могла выдержать и кошки. Примечательный след. Бесплотный след.

— Но в этом-то и все дело! — вскричал Брант. — Два ряда в снегу были сделаны туфлями четвертого размера. Гарри не мог их сделать, тем более я. Это физически невозможно. Гарри носит десятый размер. Вы не скажете, как он смог втиснуть свои ноги в кожаные мокасины, которые подходят только моей дочери?

— Ноги не смог, — ответил полковник Марч, — но смог втиснуть в них свои руки.

Наступило молчание. Вид у полицейского был мечтательный, почти довольный.

— И вот в этих необычных и чрезвычайно практичных парах перчаток, — продолжал он. — Гарри Вентнор просто прошел к другому коттеджу на руках. И не более того. Для тренированного гимнаста (на что указывают его серебряные кубки) это было несложно. А для быстро соображающего джентльмена — идеально. Он двигался по тонкому слою снега, на котором разница в весе не видна. Ступеньки крыльца, чистые от снега из-за нависающей кровли, защищали его, когда он стоял на ногах. У него были все возможности добыть ключ от боковой двери. К несчастью для него, арочный проход в изгороди слишком низкий. Держась на руках, он вынужден был согнуть и разогнуть ноги, проходя через арку. Но, балансируя, допустил промах, и тогда появился этот смазанный бесплотный след на внутренней стороне арки. Если быть совершенно откровенным, я восхищен этим планом. Это было преступление, совершенное вверх ногами. Оно оставило след в небе. Оно…

— Пойман на месте преступления, сэр, — заключил суперинтендант Мейсон, втиснув голову в дверь. — Его взяли на другой стороне Гилфорда. Он, должно быть, почувствовал неладное, когда увидел, как мы делаем фотографии. И при нем нашли деньги.

Некоторое время удивленная Дороти стояла и смотрела на огромного, неопрятного человека, который хохотал от удовольствия. А потом и сама присоединилась к нему.

— Я верю, — вежливо заметил Денис Джеймсон, — что у кого-то хорошее настроение. Что же касается меня, я получил сегодня пару неприятных ударов. И в какой-то момент испугался, что получу еще один. Честно говоря, был такой момент, когда я подумал, что вы собираетесь остановиться на мистере Бранте.

— И я также, — вставила Дороти, ласково улыбаясь отцу. — Вот почему сейчас так весело.

Джон Брант выглядел удивленным. Но и наполовину не таким, как полковник Марч.

— Ну, ну! Полно! — взмолился полковник. — Честно говоря, я не понимаю вас. Я представляю Департамент странных жалоб. Если у вас призрак на чердаке или след на изгороди, позвоните мне. Но я добился определенного успеха потому, как сказал мистер Джеймсон, что вижу очевидное. Однако, Боже милостивый! Но уж если вы решили, что преступление совершено джентльменом, который мог пройтись на руках, то я и под пыткой не согласился бы, что вы добьетесь успеха, подозревая единственного человека в этом доме, который имел искалеченную руку.

Перевод с английского Валерия ЧУДОВА.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Пантеон женских сердец

Барбара ПИМ
(2 июня 1913 года — 11 января 1980 года)

Когда читают книги Пим, обычно не хохочут; это было бы слишком. Обычно улыбаются. Улыбаются и откладывают книгу в сторону, чтобы насладиться улыбкой. Затем снова берут книгу, а спустя несколько минут вновь улыбаются над неожиданно подмеченной человеческой слабостью.

Александр МЭККОЛ СМИТ

Вот и завершается наш годичный марафон, посвященный 12 женщинам-писателям, оставившим свой яркий, незабываемый след в истории мировой литературы. Только вопреки всем традициям и логике, заканчивается он не в декабре, в преддверии столь любимого всеми нами Нового года, и даже не в сентябре, с которого, если помните, в старые добрые времена весь православный люд начинал отсчитывать очередной годовой цикл. И не весной, когда Новый год отмечают уже приверженцы всяких восточных календарей и религий. Мы же с вами, дорогой читатель, собираемся поставить точку в нашем разговоре о героинях из серии «Пантеон женских сердец» в самый разгар лета. И этому есть несколько объяснений, субъективных, но тем не менее, имеющих право на существование.

Начну с того, что я, как автор очерков, долго не могла определиться с кандидатурой именно для июньского выпуска. Претенденток было несколько, и все они в равной степени были (и есть!) дороги моему сердцу, но ни одна из них, пожалуй, за исключением одной, не вызывала лихорадочного рвения отложить в сторону все остальные дела и устремиться к компьютеру, чтобы тут же, незамедлительно, начать набирать текст. Такое состояние души, как известно, яснее всяких слов сигнализирует о том, что выбор твой точен и даже в чем-то безупречен, коль скоро тебя так внезапно накрывает волной, отдаленно похожей на вдохновение. Как это там у поэта? *«...И пальцы просятся к перу, перо к бумаге...»*

Но как на грех, та единственная, чье имя — Барбара Пим — постоянно крутилось в голове, тоже вызывала сомнения. И немалые! Пристало ли, размышляла

я с пафосом и восторгом рассуждать о писательнице, которая практически остается неизвестной даже у себя на родине? Удастся ли с первой попытки публично доказать свою правоту? Убедить читателя в правомерности своего выбора… То есть с ходу объявить эту женщину великой писательницей, и все тут! До сих пор такие рекламно-просветительские кампании удавались лишь Голливуду, а он как назло тоже пока упорно отворачивает голову от моей избранницы. Надеюсь, одумается, в конце концов! Впрочем, хватит пустых разговоров. Рискну, а там посмотрим. Как говаривал когда-то Наполеон, главное ввязаться в бой…

Однако самым весомым аргументом «за», перевесившим все остальные аргументы «против», стала коротенькая реплика, на которую я случайно наткнулась на одном из читательских форумов в интернете, где развернулось достаточно оживленное обсуждение романа Барбары Пим «Лекарство от любви» в моем переводе. Роман этот (в журнальном варианте) был опубликован на страницах журнала «Нёман» в 2013 году (№ 2, 3, 4), а потом кто-то разместил его как самостоятельное литературное произведение во всемирной паутине, сделав текст доступным любому русскоязычному читателю на всем постсоветском пространстве. Да и не только на нем! Кстати, реплика на форуме, привлекшая мое внимание, была сделана читательницей откуда-то с Урала. По-моему, из Екатеринбурга, если мне не изменяет память. Реплику эту я старательно, буковка в буковку, выписала и привожу ее целиком.

«По всем параметрам средняя книга. Незабываемой ее, эту книгу, делает перевод».

Я не стала вступать в переписку с незнакомой мне женщиной. Терпеть не могу все эти «ники» и прочий анонимный флер, окутывающий тех, кто делится своими мыслями и доводами во всяких там чатах. Ведь порой именно маска, скрывающая истинное лицо, и делает человека таким необыкновенно смелым и умным. Словом, осознание того, что ты — это не совсем ты, развязывает язык лучше всяких призывов к свободе слова и мысли.

Так вот, отвечать я не стала, хотя слова неизвестной мне пользовательницы интернета оставили в душе двоякое впечатление. С одной стороны, чего уж там кривить душой! — столь комплиментарная оценка собственной переводческой работы была лестна. Как говорится, доброе слово и кошке приятно. С другой… А вот с другой, общая характеристика царапала своей несправедливостью и сильно огорчила. Все же мне стало обидно, что роман моей любимицы с легкостью подверстали под категорию «средних книг». А ведь в этом есть и доля моей вины, размышляла я уныло. Значит, не сумела сделать так, чтобы ироничный, а порой и искрометно веселый текст, написанный Барбарой Пим, воспринимался на русском языке не как чтиво, а как хорошая, как самая настоящая литература, без всяких там экивоков и поблажек.

Наверное, все дело в том, думала я, что сам роман пришлось изрядно, почти на треть, сократить для того, чтобы сделать из него приемлемый журнальный вариант. В результате многие сюжетные линии оказались попросту отрубленными. Появилась огорчительная скороговорка в изложении некоторых событий, которая всегда вредит хорошей литературе. Впрочем, о каких событиях я толкую! Господи Боже мой! В книгах Барбары Пим нет и не может быть никаких событий уже по определению. Вся жизнь ее героев (и героинь тоже!) соткана не из событий, а из мелкой повседневной суеты, из всего того вороха срочных и не очень срочных дел, обязательных и необязательных поступков, которыми мы заполняем неделю за неделей, жаждая побыстрее добраться до выходных, чтобы с

очередного понедельника снова начать суетиться, куда-то бежать, что-то там искать, перед кем-то оправдываться, кому-то что-то доказывать, что-то успевать, что-то — нет, и так до самой смерти, безостановочно.

Невеселенький сценарий бытия, однако, вырисовывается, не так ли? Но оказывается, даже самая мелкая и незначительная жизнь самого мелкого и заурядного человечка, она тоже может быть значительной и интересной, если взглянуть на нее со стороны, да еще доброжелательным взглядом. Таким, каким был у Барбары Пим. Редкая способность, право же, увидеть разноцветие красок в обычной прозе бытия. И не просто увидеть, но и запечатлеть эту прозу на страницах своих книг. И сделать это весело, виртуозно и легко. Вот такая моя любимица Барбара Пим, как я представляю ее себе.

К сожалению, переводы ее книг на русский язык не всегда отвечают трем критериям, перечисленным выше. Юмор Пим — это чистейшей воды английский юмор: лично мне он очень напоминает язык, на котором разговаривают герои популярного в Британии сериала «Дживс и Вустер». Такой же утонченный, необидный и очень-очень смешной, то есть стопроцентный английский юмор, в основе которого лежит умение разглядеть за мелким и обыденным нечто из ряда вон, нечто такое экстраординарное… как у нас говорят, ни в одни ворота не лезет! А вот переводить его и отыскивать в русской лексике такие «ворота», в которые бы все влезло, — дело не самое простое. Отнюдь! Но будем считать, что по части юмора все о’кей. Зато с виртуозностью и легкостью точно возникают проблемы. Много проблем. Отчего и сам юмор порой неоправданно утяжеляется и перестает вызывать улыбку. А улыбка — это то главное состояние души, которое вызывает чтение книг Барбары Пим на языке оригинала. Недаром я вынесла в качестве эпиграфа слова известного английского критика Александра Мэккола Смита, написанные им в предисловии к, пожалуй, самому известному на сегодняшний день произведению Пим — ее роману «Замечательные женщины», увидевшему свет в далеком 1952 году.

Но прежде чем начать толковать о замечательных женщинах *in general,* то есть обо всех подряд, поговорим, хотя бы коротко, об одной из них. О самой Барбаре Пим.

Барбара Мэри Крэмптон Пим родилась 2 июня 1913 года в небольшом провинциальном городке Освестри, графство Шропшир, на самой границе с Уэльсом. Ее родители были типичными представителями так называемого среднего класса. Мать трудилась помощницей органиста в местной церкви, отец, мелкий госслужащий, всецело разделял профессиональные увлечения своей жены и до самой смерти был одним из самых активных участников церковного хора. Родители дали своим дочерям (в семье помимо Барбары росла еще одна девочка, ее младшая сестра Хилари) самое лучшее по тем временам образование. Девочки обучались в частной школе, потом посещали колледж, после окончания которого Барбара в 1931 году поступила в Оксфордский университет, где занималась изучением английского языка и литературы.

Интерес к изящной словесности проснулся у Барбары очень рано. Еще в детстве она зачитывалась романами Харди, произведениями Шекспира, Мильтона, Поупа, очень любила поэзию Китса и Вордсворта. В школе возглавляла литературное общество, а в шестнадцать лет впервые попробовала себя в качестве автора, написав первый в своей жизни роман «Молодые люди в маскарадных костюмах». К великому сожалению для начинающей писательницы, жизнь не повернулась к ней своей светлой стороной, как это случилось с еще одной молоденькой дебютанткой от литературы, но только француженкой. Я имею в виду Франсуазу Саган и ее первый роман

«Здравствуй, грусть», который был опубликован, когда начинающему автору едва-едва минуло восемнадцать лет. Роман этот тогда наделал много шума, в одночасье сделав юную парижанку всемирной знаменитостью. В этой категории «селебрити» она и просуществовала всю свою недолгую и довольно пеструю жизнь, в которой нашлось место и шумным разводам, и наркотикам, и автомобильным авариям, словом, всему тому, что составляет суть современного гламура.

Недавно я пролистывала книгу с повестями Саган и снова, уже в который раз (я писала об этом в свое время в предисловии к роману Б. Пим «Лекарство от любви») — удивилась тому, как странно и непредсказуемо складываются порой писательские судьбы, как многое в них зависит от госпожи удачи и от элементарного везения, типа: купил в киоске последний лотерейный билет и выиграл машину. Ведь при внимательном, непредвзятом прочтении произведений француженки понимаешь, что все это не более чем изящные финтифлюшки, такие милые «дамские кружева», которые едва ли можно отнести к настоящей литературе в высоком понимании этого слова. А вот поди ж ты! Миллионы почитателей и обожателей, всемирная слава и все остальное, что к этому прилагается. Разве что Нобелевской премии не удостоилась.

У нашей героини же везения не было ни на грош. Первый ее роман даже не был принят к печати. Но юная Барбара и не думала отчаиваться. Она продолжала упорно идти к своей цели, к одной из четырех, если быть точной, которые сформулировала для себя еще будучи тинейджером. Вот эти цели:

— заниматься писательским трудом,
— постоянно читать литературу,
— быть ревностной прихожанкой англиканской церкви,
— выйти замуж и обзавестись семьей.

Что ж, почти все эти цели (три из четырех) были достигнуты. Разве что своей собственной семьи Барбара так и не создала, несмотря на наличие поклонников и любовные романы. Свой не очень долгий век писательница доживала в обществе младшей сестры, тоже незамужней, в крохотной деревушке Финсток, графство Оксфордшир. К слову говоря, о собственной судьбе Барбара Пим, вольно или невольно, напророчествовала еще в 1934 году, когда 1 сентября сделала в дневнике запись о том, что начала писать новый роман о себе и о своей сестре и о том, как они коротают старость вместе. Пророчество — увы! — сбылось, а сестра Хилари стала для Барбары не только верным другом и помощником, но и тем человеком, которая должным образом распорядилась ее литературным наследием, основала мемориальный музей имени Барбары Пим и вообще сделала очень многое для увековечивания уже посмертной памяти писательницы. Хилари Пим пережила свою старшую сестру на четверть века: она умерла в феврале 2005 года и упокоилась, согласно ее воле, рядом с Барбарой на местном деревенском кладбище.

Итак, первая неудача отнюдь не остудила желания юной девушки продолжить свои литературные занятия. Но пока на первое место вышла учеба в университете. Нельзя сказать, чтобы Барбара Пим оставила заметный след в истории Оксфорда. Судя по всему, она была обыкновенной, вполне возможно, даже довольно средней студенткой. Но ведь все равно студенческие годы — это, пожалуй, самая незабываемая пора в жизни каждого, кто прошел через свои университеты. Если помните, то от сессии до сессии живут студенты весело. Универсальное правило! Вот и Барбара Пим в своих дневниках, опубликованных уже после ее смерти, в 1985 году, в книге «Очень личный взгляд», куда вошли не только отрывки из дневниковых записей, но и личные письма писательницы, тоже подтвердила это

правило, охарактеризовав оксфордский период своей жизни как «самый счастливый и самый веселый».

Во время войны Барбара, несмотря на бурные протесты близких, пошла в армию — несла службу в Женском вспомогательном подразделении Королевских ВМС Великобритании. После войны долгие годы трудилась в Международном институте Африки, последние годы — в качестве заместителя главного редактора журнала «Африка», с этого поста она и вышла на пенсию незадолго до своей смерти. Вот, собственно, и вся биография писательницы в скупых фактах, коих не так уж и много.

Основная работа Барбары Пим была сопряжена с постоянными и продолжительными командировками на африканский континент, что оставляло лишь крохи времени на занятие уже непосредственно литературным творчеством. Но несмотря на столь высокую загруженность, Барбара Пим продолжала упорно писать и писать, очень часто в стол. Пожалуй, чаще всего в стол…

Первый роман, который, наконец-то, был принят к публикации и вышел в свет, назывался «Ручная газель». Случилось сие радостное для писательницы событие в 1950 году, хотя сам роман Барбара Пим начала писать в тридцатые годы, еще до войны. Какого-то крутого разворота в творческой судьбе Пим эта книга не сделала, оставшись практически незамеченной и критикой, и читающей публикой. Некоторый интерес к уже почти сорокалетней, но по-прежнему числящейся в категории «начинающих писателей», наметился лишь после выхода в свет второго романа Барбары Пим под названием «Замечательные женщины» (1952 год). Многие критики, в том числе и современные, и по сей день считают, что «Замечательные женщины» — это лучший роман Барбары Пим.

Так это или нет, судить русскоязычный читатель может вполне самостоятельно, ибо в 2015 году роман был опубликован издательством АСТ на русском языке. Во всяком случае, в этом романе четко обозначились все те грани таланта Барбары Пим, которые впоследствии снискали ей весьма своеобразную славу «специалиста по одиночеству». Так, во всяком случае, охарактеризовал писательницу один из критиков, ее современников, отметив несомненную тягу Пим рассказывать о судьбах женщин малозаметных, как правило, одиноких, но очень милых, славных, добрых, всегда готовых облегчить тяготы жизни своего ближнего. И при этом почти все героини Барбары Пим интеллектуалки (в пределах разумного, конечно), они хорошо образованы (в отличие от героинь Джейн Остин, с которой часто сравнивают саму Барбару Пим), они умны, остроумны, полны иронии и самоиронии, словом, все они без исключения действительно замечательные женщины, причем безо всяких кавычек.

Правда, как справедливо заметил все тот же Александр Мэккол Смит, героиням Пим *«никогда не стать предметом большой любви для тех, за кем они так внимательно наблюдают. Теплая приязнь — возможно, но страсть — нет!»*

Но это прекрасно знала и понимала сама Барбара Пим. Недаром она вложила в уста одной из своих героинь вот такой остроумный монолог.

«При этом позвольте добавить, что я совсем не похожа на Джейн Эйр, давшей надежду множеству некрасивых женщин, которые охотно принимают рассказанную историю, как свою собственную. Да я никогда и не считала себя на нее похожей».

Это уж точно! — добавлю я уже от себя, ибо неплохо знакома с творчеством Барбары Пим, а потому могу почти со стопроцентной уверенностью заявить, что такой ироничной саморефлексии, такого острого осознания всей ничтожности собственного существования, которое, не будь этой

самоиронии, вполне можно было бы охарактеризовать как «прозябание», трудно, если вообще возможно, отыскать в женских образах, созданных писателями XX столетия.

Да! Трудно отыскать. Зато, как показала жизнь, легко не заметить и пройти, а то и просто проскочить мимо. Недаром сегодня многие критики называют Барбару Пим «самым недооцененным писателем XX столетия». Остается лишь надеяться, что XXI век окажется более милосердным к ней и к ее творческому наследию и расставит наконец все точки над «i».

Однако вернемся к «Замечательным женщинам». И воздадим этому роману должное устами известного американского писателя Джона Апдайка, который, как мне кажется, очень точно понял всю квинтэссенцию замысла Барбары Пим и не поскупился на щедрые слова в ее адрес. Вот его оценка.

«Замечательные женщины» (в некоторых вариантах перевода этой цитаты Апдайка роман фигурирует как «Превосходные женщины») — *это поразительное напоминание о том, что одиночество может быть вполне осознанным выбором, и о том, что живой и цельный роман может быть построен вокруг столь устаревшей (допотопной) добродетели, как женское терпение».*

Воистину так! Кстати, в оригинале, характеризуя понятие добродетели, Апдайк использует для нее достаточно необычное определение: regressive, то есть «действующий в обратном направлении», и многие переводчики, купившись на благозвучное иностранное слово, так и оставили в своем тексте «регрессивную добродетель». Но мы-то с вами, глубокоуважаемый читатель, прекрасно понимаем, что скрывается за этим авторским эпитетом, и назовем все вещи своими именами, но уже по-русски.

Прав Апдайк! Прав на все сто! Чего-чего, а уж терпения героиням Барбары Пим действительно не занимать. Всем без исключения! Сама, помню, веселилась от души, когда переводила роман «Лекарство от любви», особенно те эпизоды, в которых описывается, как безропотно сносила главная героиня Далси Манаринг все капризные выпады и выкрутасы своей взбалмошной, а порой и откровенно нахрапистой подруги Виолы Дейс, с которой ее угораздило познакомиться на одной научной конференции. И которая, поселившись в ее доме *«на пару недель, не более»*, очень скоро почувствовала себя в этом доме полноправной хозяйкой и стала вести себя соответственно.

Да! Совсем забыла сказать о главном! О профессиональной занятости наших героинь. Весьма любопытный момент, кстати. Ведь если, скажем, мир героинь все той же Франсуазы Саган — страшно далек от нас, непривычен и почти незнаком нам (во всяком случае, так было тогда, когда на русском языке появились первые переводы ее повестей), ибо это мир высокой моды, роскошных шале, шикарных автомобилей, залитых светом прожекторов подиумов, по которым разгуливают в умопомрачительных нарядах небесные создания в облике манекенщиц, если Саган с упоением описывает нам разные фестивали, концерты, вернисажи, образчики утонченного искусства и прочее, если именно от нее многие из нас впервые узнали, что, оказывается, существует на белом свете и такая профессия, как дизайнер интерьеров, если на страницах ее книг постоянно мелькают модельеры, журналистки, артистки и прочее, и прочее, то героини Барбары Пим, все как на подбор, такие серые, незаметные мышки.

Подавляющее большинство из них трудятся в тиши библиотек, коротают рабочее время в научных залах и лабораториях, строчат рефераты, составляют каталоги, шуршат карточками, подбирая нужную литературу для очередной научной статьи своего заказчика, что-то там переводят или

редактируют, компонуют, сортируют, наводят стилистический блеск на чужие рукописи. Словом, все они заняты очень важным и серьезным, а главное — интеллектуальным, хотя и второстепенным, делом. На худой конец, они помогают старым беспомощным леди, облегчая дамам быт и скрашивая им жизнь, смягчая, по мере сил, неизбежный процесс угасания и перехода в мир иной. Тоже весьма добродетельное занятие, доложу я вам, быть одновременно и нянькой, и наперсницей, а порой и домработницей, состоя на побегушках при капризной даме. А уж терпения для такой работы нужны поистине тонны! Да и без иронии, в том числе и без самоиронии, тут никак не обойтись. Как говаривала когда-то моя бабуля, *«не пацешышся, дык павесішся».*

Ну, что еще можно сказать такого-этакого про всех этих симпатичных женщин, героинь Барбары Пим? Все они, как и положено женщине, мечтают о любви, о замужестве, о самом заурядном семейном счастье. Довольно часто объектами их чувств становятся неженатые священники (ведь героини Пим в своем подавляющем большинстве — ревностные прихожанки, впрочем, как и она сама), коллеги по научной работе или заказчики этой самой работы. Но все героини без исключения любят своих избранников как-то уж чересчур робко, с почти девичьей застенчивостью, явно не надеясь на взаимное чувство. Они лишь тихонько наблюдают за объектом своего увлечения откуда-то издали и всегда готовы отступить в сторону, сместиться, так сказать, на обочину дороги, открывая путь своей более удачливой сопернице.

Это несколько необычное развитие лирических переживаний героинь критики даже окрестили специальным термином: «пимовское явление». То есть, дескать, все нормально. Ничего экстраординарного в таком поведении женщин нет. Вот и Милдред Лэтбери, главная героиня романа «Замечательные женщины», она ведь тоже влюбляется безо всякой надежды на взаимность. Более того, она и не добивается этой взаимности. А стоят ли все мужчины мира того, чтобы тратить на них свое драгоценное время, которое можно с гораздо большей пользой израсходовать на что-то более полезное, размышляет эта трезвомыслящая, всегда практичная, но при этом сохраняющая невозмутимость в любой ситуации и ужасно милая женщина. Кажется, она умеет все на свете: провести благотворительный вечер, в случае чего не растеряться и даже принять роды, достойно выправить человека в мир иной, организовать *«файф-о-клок-ти»* на самом высшем уровне, устроить свадьбу всем на зависть, договорившись с самой небесной канцелярией, чтобы в день бракосочетания на молодых сверху не лило. А уж ирония, да еще в сочетании с практичностью, о! — она высекает такие искры, что обхохочешься, читая, к примеру, о том, как Милдред своим острым глазом отмечает, что ее соседка, с которой они делят места общего пользования, очень неэкономно расходует туалетную бумагу, а вот восполняет запасы этой самой бумаги лишь от случая к случаю, причем обходясь самыми дешевыми сортами.

Скажете, зануда? А если поворотиться и посмотреть на самих себя? Будто мы с вами не обращаем внимания на все эти прозаичные мелочи быта. Да еще, бывает, и ой как! — злимся, в отличие от героинь Пим. Или станете убеждать меня в том, что мы день и ночь размышляем о философских постулатах Спинозы или мыслим исключительно императивами Канта? Да нет же, право! Вопрос в другом. Можно ли каждую из нас, сегодняшних (имея в виду представительниц слабого пола), с ходу зачислить в категорию «замечательных женщин»? Едва ли! Ведь с такой действительно уже отживающей свой век добродетелью, как терпение, у большинства

современных женщин большая «напряженка», как говаривала когда-то героиня всеми нами любимой кинокомедии.

А потому сильно повезло тем, у кого среди близких и друзей числится «пимовская» женщина. Что ж, как восклицал когда-то поэт, *«Читайте! Завидуйте!»*, мой дорогой читатель! Ибо в моем окружении такая женщина есть. Нет, не близкая подруга! Я с возрастом вообще достаточно трезво отношусь к самому понятию женской дружбы. И не родственница… Обозначим сию особу просто инициалами «Г. А.», чтобы не сильно возгордилась… Итак, хорошая, добрая, сердечная, участливая женщина, которая присутствует в моей жизни вот уже скоро полвека. Эта женщина всегда готова откликнуться по первому же зову, она прибежит на помощь даже ночью, она не откажет тебе ни в чем, что в ее силах, на нее можно положиться и в большом, и в малом, ей с легкостью можно вручить пресловутые ключи «от квартиры, где деньги лежат», а заодно и сами деньги в придачу. Она никогда тебя не обманет, не покривит душой, не станет притворяться или лебезить. Она воистину, как сказал когда-то Апостол Павел, долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла. И всему верит, всегда надеется, все переносит. Она стерпит твой сиюминутный гнев и не будет искать дополнительных поводов для нагнетания страстей, она все простит, все поймет и все примет как должное, эта истинно «пимовская» женщина, которая словно сошла со страниц ее романов. Хотя сильно подозреваю (то есть почти не сомневаюсь в том), что моя Г. А. ни сном ни духом не ведает о существовании Барбары Пим и о том, какую замечательную плеяду «замечательных женщин» вывела она на страницах своих книг.

Но тогда почему, быть может, спросите вы, столь восхваляемый тобою роман не стал событием в мире большой литературы, ознаменовав собой некий новый разворот в ее развитии. Наверное, потому, отвечу я, что никакого такого особого разворота и не случилось. Да, в общем и целом критика встретила роман благожелательно. Масса положительных рецензий, хорошие читательские отзывы. Казалось бы, впереди у Барбары Пим зажегся зеленый свет. Но издатели не торопились заключать новые контракты, не спешили вкладывать свои кровные в то, что они считали уже отработанным материалом. Ведь на дворе стояли совсем другие времена. Кому интересны все эти изящные виньетки, писанные на крохотных пластинках из слоновой кости? Все эти мелочи жизни незначительных людишек, не способных на протест, на ту самую «бурю и натиск», которые время от времени случаются в жизни любого общества. Ведь поколение битников уже вовсю дышало в затылок классикам и с презрением отворачивалось от их набивших оскомину сюжетов. В той же Англии подняли флаг так называемые «рассерженные молодые люди» (в некоторых учебниках по зарубежной литературе их именуют «сердитыми молодыми людьми»). Это, в первую очередь, Джон Осборн с его пьесой-сенсацией «Оглянись во гневе», это Джон Брэйн с его нашумевшим романом «Жизнь наверху», это, наконец, Кингсли Эмис, с которым нашей героине особенно не повезло. Ибо в самом конце 1953 года (то есть практически в одно и то же время с публикацией «Замечательных женщин») этот молодой преподаватель из Уэльского университета выпускает в свет свой первый роман под названием «Счастливчик Джим». Роман, имеющий явные автобиографические корни, ибо повествует о злоключениях молодого преподавателя тоже из провинциального университета, произвел эффект разорвавшейся бомбы. Только в течение последующего, 1954 года, роман был переиздан десять раз. Всемирная слава, материальный успех и все остальное прочее. Так кому нужны все эти непритязательные истории о замечательных женщи-

нах? Получается, что на тот момент никому! Это невеселое открытие осенило и саму Барбару Пим.

«Боюсь, то, что я пишу, устарело», — сделала она очередную запись в своем дневнике. И далее: *«Положение незамужней одинокой стареющей женщины не интересует современных авторов».*

И Пим замолчала. Замолчала на целых четырнадцать лет, с 1963 по 1977 год. Но прежде чем погрузиться в это затяжное молчание (Как это там у Гамлета? *«Дальнейшее — молчание...»*), так вот, перед этим она, после многочисленных мытарств и безуспешных, почти всегда сопровождающихся отказами хождений по редакциям выпускает в свет роман под названием «Лекарство от любви» (“No Fond Return of Love”). Это случилось в 1961 году.

А ровно тридцать лет спустя мне выдали очередную стопку книг на английском языке в кабинете иностранной литературы тогдашней «Ленинки», где я просиживала сиднем целыми днями в поисках подходящей литературы для будущих переводов. И в этой стопке лежала скромная книжица, смахивающая, скорее, на брошюру небольшого формата *in folio.* Ни имя автора, ни само название ничего не сказали ни моему уму, ни моему сердцу. Я открыла брошюрку на первой странице и прочитала:

«Существует множество способов того, как лечить разбитое сердце. Но, пожалуй, самый неожиданный — это отправиться на научную конференцию».

Музыка слова зазвучала, буквально запела в моих ушах, и я в ту же самую минуту поняла, что мне уже не терпится и страсть как хочется перевести именно эту книгу и я не успокоюсь до тех пор, пока не сделаю этого. Вот с тех далеких пор я и нахожусь в плену обаятельной творческой манеры Барбары Пим, являясь ее самой пылкой почитательницей и поклонницей. Выстукиваю эти строки на клавиатуре и думаю: а вдруг случится некое чудо? Скажем, в положенный срок журнал разместит публикацию из серии «Пантеон женских сердец», посвященную Барбаре Пим, в интернете, и на нее случайно натолкнется та незнакомая мне женщина из Екатеринбурга. Быть может, прочитав мои хаотичные размышления о той, кого я так сильно и пылко люблю, она изменит свое мнение и о самой книге. Не станет больше называть ее «средней». Дай-то Бог! Потому что «средней» эту непритязательную, на первый взгляд, книжку можно назвать лишь только на том основании, что она появилась в середине века. XX века. Вот такой у нас несколько корявый каламбур вырисовывается.

А если серьезно, то вот прошло время, совсем немного, даже еще столетие не набежало, а кое-что уже стало на свои места. И про многих литературных кумиров этой самой середины прошлого века уже успели забыть начисто. Включая и «счастливчика» Кингсли Эмиса. А ведь какие большие надежды подавал, как будоражил общественное сознание и прочее.

Специально сняла со своего стеллажа книгу некогда маститого и авторитетного у нас специалиста по английской литературе Валентины Васильевны Ивашевой под названием «Английские диалоги». Эту книгу я приобрела в 1971 году: четырнадцать восторженных очерков, посвященных тогдашним современным писателям. Из женщин — лишь двое: Айрис Мэрдок и совершенно забытая ныне Памела Джонсон, которая, подозреваю, и при жизни была больше известна тем, что являлась женой еще одного тоже забытого на сегодняшний день писателя Чарльза Сноу, видного парламентария-лейбориста, политика, всегда лояльно относившегося к Советскому Союзу. Не потому ли его так охотно и много переводили у нас? Разумеется, такие персонажи, как Барбара Пим, не стали объектом научных

изысканий Ивашевой. Вполне возможно, она на тот момент и не читала ее книг. Скорее всего, не читала! А зря!

Незлобивый, почти ласковый юмор Пим, немедленно вызывающий в памяти лучшие образчики классической английской литературы, такие, как «Записки Пиквикского клуба» Диккенса или «Сентиментальное путешествие» Стерна, пробился-таки сквозь толщу времени, словно весенняя трава, проклюнувшаяся через асфальт. Более того, он заиграл новыми красками, он стал созвучен уже нашему времени, изрядно подуставшему от всяких заумных новаторских приемов иных модных ныне литераторов. Сегодня нам все чаще хочется простоты, изящества, милых медитаций о пустяках на фоне такой сложной и такой напряженной жизни вокруг.

Четырнадцать лет молчания, и вот уже новый роман писательницы «Осенний квартет», увидевший свет в 1977 году, номинирован на Букеровскую премию. Благожелательные рецензии, хвалебные отзывы. Оказывается, во второй половине XX века наметился определенный спрос именно на такие непритязательные истории, которые так мастерски придумывала Барбара Пим. Четыре пожилых человека, две женщины и двое мужчин, делят на четверых крохотный кабинетик, по сути, досиживая до пенсии. Что может волновать это замшелое старье? Да все то же, что волнует и цепляет молодых. И те же чувства, и те же переживания, и те же робкие надежды на лучшее. Как говаривали древние, *dum spiro, spero*… То есть пока дышу, надеюсь… Правда, у самой Пим оставались в запасе считанные годы. Всего лишь три года, если быть точной.

Промелькнули еще каких-то тридцать-сорок лет, и «пимовскими явлениями» запестрели многие книги современных авторов. Сама совсем недавно закончила перевод одного такого романа, принадлежащего перу молодой ирландской писательницы Роушин Мини под названием «Два дня в апреле». Роман повествует о непростых судьбах трех самых обычных, заурядных женщин — свекрови, невестки и падчерицы. Очень симпатичная история, почти в духе Барбары Пим. Разве что без юмора. Ну да жизненные коллизии, в которые попадают героини, и не предполагают избыточного юмора. А вот умение терпеть, достойно сносить удары судьбы и не озлобляться при этом на весь белый свет, бесценный дар прощать и принимать окружающих такими, как они есть, этого всего в романе в преизбытке. А еще очень понравилось авторское посвящение, предваряющее роман: *«Книга посвящается всем хорошим людям, которые способны творить добро в любых обстоятельствах, всегда и везде».* Значит, дух Барбары Пим жив, помнится, подумала я, прочитав эти строки. Поистине, он неистребим!

Время, время… Оно все и всегда расставляет по своим местам. Это — правда. И вот уже современные исследователи английской литературы заговорили о том, что имя Барбары Пим в каком-то смысле стало в наши дни нарицательным. Почти как имена Хемингуэя или Грэма Грина. А почему бы и нет? — воскликну я с нескрываемой гордостью за свою любимицу. Конечно, «замечательной женщине» Барбаре Пим еще очень далеко до всемирной славы двух общепризнанных классиков. Хотя, кто знает? Время, оно ведь обязательно все расставит по своим местам. Надо только запастись терпением и подождать еще немножко… каких-то сто лет, не более.

Творческая лаборатория

Ольга ЛИДЕНКОВА

Особенности рецепции современной исторической прозы Великобритании и Беларуси

Изучение рецепции (заимствование, приспособление) современной исторической прозы Великобритании и Беларуси в сравнительном аспекте актуально как для понимания особенностей жанровой эволюции, так и для выявления общего направления развития литературы в более широком контексте, так как позволяет проследить законы и механизмы воздействия общественной и культурной жизни на жанровую эволюцию, определяет пути формирования эстетической реакции аудитории. Подобное исследование тем более важно в условиях интенсивного развития социальных средств коммуникации, когда художественное произведение все больше становится открытым диалогом с читателем.

В последние десятилетия наблюдаются значительные, порой кардинальные изменения в восприятии жанра. Как отмечает Дж. де Гру, трудно найти серьезного современного писателя, который не написал бы хоть один исторический роман. Подобная тенденция находится в русле усиления всеобщей увлеченности историей и собственной генеалогией в современной массовой культуре начиная с 90-х годов прошлого века. По крайней мере, в Европе, по замечанию британской газеты «The Guardian», телевизионные историки теперь так же популярны, как и ведущие кулинарных шоу.

Отличительной особенностью белорусского литературного процесса является то, что жанр исторической прозы всегда был востребован и вызывал повышенный интерес читателей и критиков. К пятисотлетнему юбилею белорусского книгопечатания читателями и экспертами был составлен список наиболее значимых книг, повлиявших на развитие нации. По итогам читательского голосования безусловную победу получил В. Короткевич с романом «Каласы пад сярпом тваім» (еще одна книга Короткевича вошла в топ-20). Лидирующие места В. Короткевич неизменно занимает и в других подобных списках (рейтинги сайтов 100bestbooks.ru, interfax.by, top15.telecom.by, «ТОП-100 белорусской прозы» организации «Дзедзіч»). В опросе 2016 года «образ современной белорусской литературы», проведенном компанией Velcom, авторы исторической прозы — Л. Рублевская, А. Федоренко, В. Орлов — вошли в первую десятку. В 2012 году роман Л. Рублевской «Авантуры Пранціша Вырвіча» номинировался на премию Е. Гедройца, в 2015-м его продолжение получило звание «Книги года по версии белорусского ПЭН-центра, а в 2016 году весь цикл вошел в топ-5 книг авторов-женщин по версии Издательского дома «Звязда».

На протяжении большей части XX столетия в Британии ситуация была совершенно противоположной. Происходил процесс маргинализации жанра, сложилось его стереотипное восприятие как эскапистских любовных романов, рассчитанных на непритязательный вкус домохозяек. Подобному восприятию исторической прозы как бульварной литературы, описывающей исключительно романтические переживания в исторических декорациях, во многом способствовала

популярность таких писательниц, как Дж. Хейер, К. Куксон, Дж. Плейди. Судьба первой рукописи Х. Мэнтел хорошо отражает существовавшее еще несколько десятилетий назад предубеждение. Свой исторический роман «A Place of Greater Safety» о трех деятелях Великой французской революции она закончила в 1979 году. Получив отказы от различных издательств и агентов, писательница предприняла еще одну попытку, но уже с сопроводительным письмом, где объясняла, что ее книга — о французской революции, а не привычный женский роман. Однако в ответ получила очередной отказ с формулировкой «мы не печатаем любовные романы». Но уже в 1992 году «A Place of Greater Safety» награжден премией «Sunday Express Book of the Year award», а в 2009 и 2012-м именно исторические романы «Wolf Hall» и «Bring Up the Bodies» сделали Мэнтел первым британским автором, получившим Букеровскую премию дважды. И по мнению многих исследователей, именно победы ее книг способствовали возрождению не только интереса к жанру, но и его реабилитации в глазах критиков.

Есть все основания признать, что и в начале XXI века англоязычная историческая проза во многом остается женским жанром. Если просто взглянуть на перечень изданий в данной тематической категории на Amazon.com, из первой двадцатки популярных авторов только шестеро — мужчины. Причины подобной тенденции не раз становились предметом изучения литературоведов. Как утверждает Д. Уоллес, исторический роман был одним из важнейших видов женского чтения и литературного творчества на протяжении всего XX века. По мнению исследовательницы (и теоретиков феминизма), в основе этого лежит тот факт, что именно женщины традиционно остаются за рамками общепринятой версии исторических событий, и только через собственное творчество, через рецепцию подобных произведений они могут осознать и прочувствовать свою значимость, ту ключевую роль, которую они играют в жизни общества, а также получить доступ к исконно мужским сферам деятельности — политике, войне и приключениям.

Нельзя не отметить, что именно писательницы привнесли в историческую прозу немало инновационных черт. И прежде всего — создание альтернативного взгляда на исторический дискурс. А. Картер, С. Уотерс и другие не просто вставляют женские персонажи в существующие версии истории, они бросают вызов общепринятому ракурсу восприятия, ставят под сомнение объективность исторической науки и т. н. «историческую правду», воссоздают или придумывают жизненный путь и внутренний мир тех слоев общества, которые всегда игнорировались научным мейнстримом. Подобная нестандартность позиции, свобода от диктата общепринятых исторических нарративов привлекают читателей, так что сами тексты даже начинают принимать несколько политизированный оттенок. К ранее умалчиваемым, запретным темам (например, гомосексуализму) обращается в своем творчестве С. Уотерс, и в настоящее время ее романы пользуются популярностью среди людей самых различных взглядов и убеждений.

Заметную роль писатели-женщины играют и в белорусской исторической прозе. Достаточно вспомнить творчество О. Ипатовой, Т. Бондарь, В. Ковтун, которые обращались к знаковым для белорусской истории образам Евфросинии Полоцкой (повесть «Прадслава», романы «Спакуса», «Пакліканыя»), Алоизы Пашкевич (роман «Крыж міласэрнасці»). Особый исторический ракурс, проблематика, восприятие истории через призму судьбы главной героини вполне позволяют отнести эти произведения к женской литературе. Однако в целом в белорусских произведениях преобладающим является традиционное, «мужское» видение истории, независимо от гендерной принадлежности автора. Например, в тетралогии

Л. Рублевской о Прантише Вырвиче, которая считается наиболее заметным историческим циклом, написанным в последнее время, женские персонажи играют важную, но неизменно второстепенную роль по сравнению с главными героями-мужчинами. Писательница создает целую галерею сильных и ярких, сугубо положительных женских образов, которые до предела воплощают различные варианты идеала — от верной «Пенелопы», которая раз за разом ждет мужа из странствий, до богатой и независимой охотницы за приключениями. Эти дамы могут о себе позаботится и себя обеспечить, обладают необычными, даже выдающимися талантами и чертами характера, но в результате все они посвящают свою жизнь служению любимому мужчине и идут при этом на немалые жертвы. Саломея безропотно переносит все испытания и периодическую неверность мужа, талантливая и загадочная актриса Раина — классическая виктимная личность, и при этом ангел-хранитель главного героя Прантиша. Таким образом, в данной серии романов писательница идет вразрез с преобладающим феминистичным взглядом на роль женщины в обществе и истории, создавая скорее традиционный образ героини, для которой показатель ее внутренней силы — не независимость и освоение исконно мужских сфер жизни, а умение поддержать, простить и принять окружающих. По словам самой Л. Рублевской, женщина — всегда немного жертва, и похоже, именно эту внутреннюю жертвенность писательница стремится не осудить, а показать естественной, органичной и даже необходимой для полноценной личностной самореализации.

Во всем мире авторы исторических женских романов также активно перерабатывают и используют классические тексты. Наглядный пример — постоянное переосмысление, переписывание и дописывание текстов Дж. Остин. Новая волна интереса к ее творчеству, во многом усилившаяся вследствие удачной экранизации ВВС в 1995 году, породила писателей, которые воспроизводят стиль и типы ее героев, создавая исторические или даже квазиисторические романы с элементами пастиша и имитации. Любопытно, как эти произведения изменили восприятие первоисточника.

В ходе голосования 2015 года за любимое произведение исторической прозы составителям анкеты пришлось сделать отдельное примечание о том, что сама Дж. Остин не писала в этом жанре. Несмотря ни на что, роман «Pride and Prejudice» получил свою долю голосов.

Те же процессы происходят и в отечественной литературе, при этом переосмысление и развитие образов всеми любимых героев не всегда встречает однозначную оценку. Яркий пример — повесть «Ночы на Плябанскіх Млынах» Л. Рублевской, где представлена оригинальная художественная рецепция «Шляхціца Завальні» Я. Барщевского, «Лабірынтаў» В. Ластовского і «Дзікага палявання караля Стаха» В. Короткевича, а также проглядывают узнаваемые стилистические цитаты из Э. По, Г. Лавкрафта и других авторов. Л. Рублевская среди прочих выводит знакомый образ Андрея Белорецкого, который пережил достаточно радикальную трансформацию, «пакінуўшы на дарогах ваеннага камунізму валізы, паліто і веру ў справядлівасць». Именно это преображение, как выразилась одна из поклонниц произведения, «цудоўнага, моцнага, яскравага і, напэўна, самага прывабнага вобраза беларускай літаратуры» многих читателей «режет по живому» и заставляет, подобно герою Ильфа и Петрова, воскликнуть «Не чапайце мары майго юнацтва!». Пожалуй, в подобной реакции проявляется еще одна особенность современной рецепции исторической прозы обычным читателем, а именно усталость от трагического пафоса, общего ощущения, как сформулировала И. Шевлякова, «упущенных исторических шансов».

Современному поколению, выросшему на культе американских супергероев, вряд ли будет близок постулат о том, что наш главный исторический опыт — «мужественное перенесение неудач», как определил это К. Тарасов. Интернет-обсуждение повести «Нічые» А. Федоренко, например, показывает, что у читателей нередко присутствует это «специфическое нежелание читать исторические произведения о грустных страницах белорусской истории». Как написал один из участников дискуссии, «зная, как закончат повстанцы, сколько человек будет убито и сослано, я категорически не могу читать об их светлых надеждах и юношеском идеализме». К. Шталенкова, начинающий автор исторических романов, в интервью признавалась, что в 6—7-м классе все произведения заканчивались смертью героев, и «читать это было невозможно. Такое впечатление, что других произведений в белорусской литературе просто нет».

Негативное воздействие писательского пессимизма на читательскую рецепцию текста отмечал и Д. Мартинович, когда противопоставлял исторические романы Г. Сенкевича (герои которых счастливо живут до глубокой старости), и произведения В. Чаропки и К. Тарасова (персонажи которых видят крах своих устремлений и отправляться на смерть). Критик справедливо приходит к выводу, что если писатели хотят показать привлекательность национальной идеи, лучше всего для этого подходят герои-победители. Ведь судьбу персонажей человек подсознательно спроецирует и на ту идею, за которую они сражаются. Этот психологический механизм использует в своих произведениях Л. Рублевская, когда обращается к известному приему параллельных сюжетов. Действие разворачивается одновременно в прошлом и настоящем. Так как мы не можем изменить действительно трагических моментов истории, потомкам героев прошлого в современном мире дается шанс исправить или искупить ошибки предков и обрести счастье. Еще один вариант преодоления пораженческого восприятия истории Беларуси — создание необычайно удачливых героев, которые даже в непростые, смутные и тяжелые периоды развития страны с успехом совершают подвиги (цикл о Прантише Вырвиче).

Таким образом, современные отечественные писатели привносят немало нового и актуального в восприятие национального прошлого. Л. Рублевская, пожалуй, первый автор, который так активно стремится вписать историю страны именно в европейский контекст, желая создать (по ее же словам) приемлемый национальный миф, который акцентировал бы место Беларуси как страны по культуре, традициям и менталитету, прежде всего, европейской, шляхетской (в противовес «мифу крестьянскому»). В ее произведениях подчеркиваются (даже иногда в ущерб психологической и сюжетной достоверности) рыцарские черты характера героев, происходит условное, типичное, например, для фольклора отождествление высоких моральных и личностных качеств с аристократизмом (если не по происхождению, то по духу).

Меняют привычный формат отображения отечественной истории например, С. Балахонов, В. Ахроменко, М. Климкович и В. Садовский, автор первого белорусского зомби-хоррора «1813» с участием Михала Клеофаса Огинского. В исторических фантасмагориях, мистификациях, пародиях этих авторов чувствуется усталость от привычного, где-то сакрализированного восприятия прошлого своей страны, вызов стереотипным представлениям о Беларуси и белорусскости, протест против пафоса и консерватизма официальной риторики.

Подобные литературные эксперименты нередко встречают смешанную и сдержанную реакцию академической среды, но зачастую именно такой подход находит наибольший отклик у белорусских читателей. Иногда сама

школьная программа усложняет восприятие произведений, написанных в стилистике добротной классической прозы советского периода, вызывая ассоциации с программными произведениями «тех самых 1920-х годов», «словно ста лет развития литературы и не было». Зато читатели, особенно молодежь, живо реагируют на легкий современный язык, узнаваемые реалии и географию, что явно прослеживается в отзывах на произведения, например, А. Федоренко и А. Наварича.

Изучение особенностей рецепции исторической художественной литературы в Беларуси усложняется проблемой определения жанра. Например, британское «The Historical Novel Society» очерчивает его границы достаточно широко: чтобы относиться к категории исторической прозы, произведение должно описывать события минимум 60-летней давности. Исследователь и критик Линда Адамсон при составлении библиографического справочника «World Historical Fiction» сокращает этот период до 25 лет. Белорусские критики и издатели произведения о Второй мировой войне, например, или о деревне 30-х годов склонны выделять в отдельную группу военной или деревенской прозы, и их авторов в своих обзорах исторической прозы не упоминают. В опросе компании Velcom 2016 года, в ходе которого читатели разделили белорусскую литературу по тематическим категориям, наблюдается любопытный парадокс: отдельно были выделены произведения на историческую тему, отдельно тексты о Второй мировой войне (и в особую категорию попали партизаны). Складывается впечатление, что война воспринимается не как часть нашего общего прошлого, но как некий вневременной феномен.

В сознании белорусских читателей, судя по всему, в целом присутствует некая раздробленность видения своей истории, отсутствие ощущения преемственности ее этапов. Это может быть связано и с тем, что не все читатели до конца осознают, что у белорусской государственности было прошлое до XX века (и даже до Второй мировой). Как, опять же, отмечают К. Тарасов, Д. Мартинович, нередко автору приходится напоминать и обосновывать, что ВКЛ, Вильнюс имеют какое-то отношение к нашей стране, а этнонимом «литвин» обозначают не литовца, а белоруса. В то же время, информированные читатели упрекают Л. Рублевскую в анахроническом употреблении слов «Беларусь», «белорусский» в XVIII веке в цикле о Прантише Вырвиче. То есть, положение отечественных авторов исторической прозы усложняется необходимостью создать достаточно универсальное произведение, которое удовлетворило бы как читателя осведомленного, так и не сбило с толку того, кто имеет весьма смутное представление о национальном прошлом.

В настоящее время, как отмечает писатель А. Матвиенко, существует и проблема восприятия русскоязычных белорусских авторов, в творчестве которых нередко затрагивается тема национальной истории, интерпретируются местные реалии, легенды, фольклорные представления. В обычных обзорах белорусской литературы эти авторы зачастую даже не упоминаются, а обыватель, покупая российские издания их книг, автоматически делает вывод, что это русский писатель. Поэтому нередко можно услышать, что человек не знаком с современной отечественной литературой, так как «наши» не пишут фантастику или детективы, что, конечно же, не так.

Работники книжных магазинов, издательств отмечают возросший в последнее время интерес к белорусской истории и этнографии. По словам заведующей белорусским отделом Центрального книжного магазина Минска, все, что связано с историей, в последнее время раскупается очень хорошо. Однако удачные белорусскоязычные издания (например, энциклопедия «Радзивиллы» или новые неподцензурные варианты произведений

В. Короткевича) зачастую издаются настолько малым тиражом, что быстро расходятся, и потом их купить просто не представляется возможным. Электронные же книги устраивают далеко не всех потенциальных покупателей.

Прослеживается все большее сближение документальной и художественной литературы на историческую тематику, что, возможно, связано с постмодернистской тенденцией воспринимать саму историю скорее не как науку, а, в значительной части, порождение человеческой мысли, текст, в котором неотделимы факты и их субъективная или идеологическая интерпретация. В Британии известный историк Э. Уэйр, например, написала несколько художественных книг о выдающихся женщинах: «The Lady Elizabeth» (о Елизавете I), «Innocent Traitor» (о леди Джейн Грей). Среди белорусских писателей профессиональных историков немного, при этом наблюдается движение от увлечения литературой к собственно историческим исследованиям, либо автор работает в двух этих направлениях одновременно (В. Орлов, Л. Рублевская).

Изменение восприятия истории наблюдается не только у авторов, но и у читателей. Нельзя отрицать тот факт, что читательская рецепция влияет на автора, да и отслеживать непосредственную реакцию и запросы аудитории при современном развитии интернета проще и быстрее, чем когда-либо. Писательница М. К. Тод, автор влиятельного блога awriterofhistory.com, признает, что, конечно же, нужно писать о том, что самому кажется важным, но не учитывать при этом требования рынка не стоит. То, что мнение среднестатистического читателя начинает приобретать определенный вес, — одно из наиболее явных изменений в современной рецепции жанра. Англоязычные критики стали обращать внимание на произведения популярных авторов, которые до этого считались не стоящими серьезных академических исследований. Одно из обоснований — более комплексное восприятие литературного поля, когда рассматриваются не только его вершинные достижения, но и массовый продукт, который именно в силу массовости отражает сознание, вкусы, стремления общества, то, какими мы видим (или хотели бы видеть) самих себя, в них оформляются наши фантазии, воображаемое и желаемое прошлое и будущее. Сейчас, например, наблюдается сдвиг читательских предпочтений в сторону увеличения интереса к героям, которые не являлись известными или ключевыми историческими фигурами, но действуют на фоне узнаваемых событий. Белорусские читатели здесь — не исключение: предпочтение отдается вымышленным персонажам, с которыми обычному человеку легче себя идентифицировать. Люди хотят видеть примеры того, как никому не известный среднестатистический обыватель оказывается способен на невероятные поступки. При этом отличительной чертой рецепции британских исторических романов является и то, что коммерческий успех имеют не только авторы популярных романов — Ф. Грегори, К. Фоллетт, П. Маклейн, но и признанные в академической среде авторы, например, И. Макьюэн, М. Атвуд и другие (хотя в своих отзывах читатели нередко отмечают, что, например, книги той же Х. Мэнтел — «не для всех»).

В деле создания эстетической реакции читательской аудитории на современном этапе нельзя недооценивать роль СМИ. Неизменная позиция Д. Гэблдон, Ф. Грегори, Б. Корнуэлла и многих других в топ-листе самых покупаемых авторов в определенной степени обусловлена удачными экранизациями «The Saxon Chronicles», «The Other Boleyn Girl», «Outlander» и других подобных книг. При том, что их читатели и даже почитатели частично признают, что любимый писатель — лишь «компетентный автор приключенческих историй», а некоторые их разрекламированные

творения — «незамысловатые любовные романы» и даже с литературной точки зрения — «полный отстой». Тем не менее, рейтинги издательств, поголовный интерес к викингам и эпохе Тюдоров демонстрируют, насколько сейчас исторические романы могут влиять на вкусы, массовую культуру, и более того, способствовать экспорту своих ценностей и видения национальной истории другим народам.

Один из недавних примеров — ошеломительный и неожиданный успех исторического сериала «Аббатство Даунтон» (вдохновленного романом Э. Уортон «The Custom of the Country»), причем не только в Европе и США. Сериал стал одним из лидеров по просмотру в КНР, где, согласно подсчетам, собрал, не менее 160 миллионов зрителей. Снятый в лучших традициях эскейпизма, представляющий ностальгическое изображение жизни идеализированной аристократической семьи начала XX века, фильм настолько полюбился китайцам, что когда премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян посетил Великобританию в 2014 году, Дэвид Кэмерон в качестве подарка вручил ему сценарий самой первой серии «Аббатства» с автографом режиссера.

Интернет вполне сравним с телевидением по степени воздействия на восприятие исторической прозы. Прежде всего, это онлайновые книжные клубы, блоги, читательские группы, форумы, специализированные сайты. Прекрасный пример последнего — https://www.goodreads.com/. Зарегистрированные пользователи могут видеть то, что читают и рекомендуют их друзья, просматривать рецензии до и после прочтения, отслеживать новинки, голосовать за любимого автора, а специальная программа, используя новейшие достижения в области искусственного интеллекта, подбирает и рекомендует участникам книги на основе анализа их личных предпочтений. Одновременно сайт предоставляет авторам и издателям услуги по продвижению и рекламе их творений, подбирая (и формируя) целевую аудиторию на основании уже известной информации о своих пользователях.

Чрезвычайно высоко читатели оценивают возможность связаться с самим автором книги и оставить комментарий в их твиттере или инстаграме.

Исторические произведения в белорусском интернет-пространстве представлены в интернет-библиотеках (одна из самых известных — kamunikat.org). Существуют сайты отдельных писателей (tarasau.com, karatkevich.ru), группы в социальных сетях («Я ♥ дзядзьку Караткевіча» — vk.com/club1327087). В последние годы много для популяризации белорусской литературы делает компания Velcom, которая в 2015—2016 годах реализует социально ориентированный образовательный проект «Чытаем па-беларуску з velcom». Цель проекта — изменить восприятие современной белорусской литературы. В 2016 году стартовал проект MOVABOX, в который входит и интерактивный интернет-тест, и книга в комплекте с символами-артефактами. Примечательно, что первый такой комплект посвящен роману Л. Рублевскай «Авантуры студыёзуса Вырвіча». Один из самых ярких и оригинальных творческих проектов последнего времени — «Блог Усяслава Чарадзея», который был выпущен в форме книги в 2013 году.

К сожалению, несмотря на определенные достижения, нельзя сказать, что белорусские авторы и критики в полной мере задействуют медийный потенциал, и тому есть как объективные, так и субъективные причины. Новых отечественных фильмов и сериалов по историческим книгам, которые транслировали бы в массы национальную культуру, ценностные установки, после которых захотелось бы глубже узнать свое прошлое, прочесть первоисточник, просто нет. Сайты не всегда предоставляют возможность взаимодействия между читателем и автором (так как посвящены классикам), а, например, сайт В. Короткевича uladzimir-karatkevich.com,

отмеченный на Республиканском конкурсе образовательных сайтов сразу в двух номинациях, перестал поддерживаться и был закрыт.

Сориентировать неопытного читателя могли бы разнообразные онлайн-списки из разряда «100 лучших произведений». При всей относительности и субъективности критериев отбора, отзывы критиков, литературные премии и составляемые ведущими изданиями рейтинги (список бестселлеров по версии The New York Times, списки «Best Books Guardian») играют немаловажную роль в формировании читательского восприятия, а следовательно, спроса. Подобные перечни пользуются достаточно высоким уровнем доверия потребителей, многие из которых именно на основании их составляют свой список чтения. Таким образом, попадание в него малоизвестного автора может быть судьбоносным.

В этом плане белорусский потенциальный читатель исторической прозы находится в достаточно сложном положении. В последние годы ряд белорусских издательств («Логвінаў», «Галіяфы», «Кнігазбор», «Янушкевіч») начинают публиковать перечни бестселлеров за прошедший год, достаточно информативные обзоры представлены на сайте delaemvmeste.by. Однако большинство существующих рейтингов составляются и обновляются нерегулярно, часто по инициативе каких-либо общественных организаций, информация разрознена и представлена на сайтах новостных порталов, а не специализированных авторитетных изданий. При этом произведения не делятся на категории по жанрам, а часто и по времени создания.

Если среднестатистический человек придет с работы и вдруг решит открыть интернет в поисках интересной белорусской книги, первое, с чем он столкнется, — недостаток полноценных рецензий, которые должны бы стать основой продвижения, популяризации автора и произведения. Представленная на сайтах книжных магазинов и интернет-библиотек информация преимущественно носит характер кратких сухих аннотаций либо является перепечаткой авторского предисловия. Не во всех интернет-магазинах есть отдельная категория «историческая проза», иногда представлен общий раздел «мастацкая проза» или «гісторыя», в котором не разделяется художественная и документальная литература (knihi.by, magazin.belkniga.by, prastora.by и др.).

Имеющиеся обзоры и рецензии разбросаны по сайтам периодических изданий и личным страничкам пользователей, так что если не знать точного названия книги или фамилии автора, найти их (особенно через несколько лет и даже месяцев после публикации) проблематично.

После презентации книги и личных встреч с читателями в интернете представлены лишь краткие отчеты (чаще — фотоотчеты) с перечислением участников и несколькими скупыми цитатами выступавших. Полноценные сайты с рецензиями, фрагментами произведений, возможностью обратной связи существуют у очень немногих писателей исторической прозы (например, balachonau.puls.by).

Разумеется, практически у каждого белорусского литератора есть свой блог (часто страничка в livejournal). Блогеры в Беларуси, по общепринятому мнению, — самые влиятельные критики сегодня. Они активно отслеживают все новинки белорусского книжного рынка. Однако в такой системе есть и недостатки. Блогосферная культура порождает некий замкнутый круг профессиональных читателей (часто — читателей именно определенного блога), которые, прочтя очередную книжную новинку, обсуждать ее будут не на открытой площадке (например, оставив отзыв в том же интернет-магазине, где его прочтет любой желающий купить книгу), а в своем онлайн-дневнике, о котором знает только определенный круг людей.

И если читатель так и уйдет, не найдя понравившейся книги, это вовсе не потому, что он ленив, а потому, что при темпе современной жизни ему просто некогда сначала искать подходящий сайт или страничку в «ЖЖ», а потом просматривать этот сайт в поисках отзывов и рекомендаций (учитывая разнообразную тематику большинства из них и не совсем удобную навигацию, это также требует времени). Фактически обывателю, если он не входит в какие-то литературные круги и вообще не связан с филологией, непросто сориентироваться в современной отечественной литературе. В поисках нужной рекомендации ему нужно просмотреть десяток интернет-страниц (без гарантии успеха), и при этом он должен неплохо ориентироваться в названиях книг и фамилиях критиков, в то время как англоязычному достаточно открыть один сайт на выбор, ту же страничку бестселлеров выбранной жанровой категории на amazon.com, где в одном месте будут и профессиональные рецензии с ценой всех вариантов издания, и множество отзывов непосредственно от людей, которые уже прочли книгу, на основе чего несложно сформировать своей мнение.

Ощущение некоторой самоизолированности, отсутствие ориентации на массового читателя чувствуется и в высказываниях отдельных писателей. А. Аркуш, автор в том числе романа «Захоп Беларусі марсіянамі» (действие происходит одновременно в середине двадцатых годов прошлого века и в современности), признает: «Паклаўшы руку на сэрца можам сказаць, што напачатку XXI стагоддзя беларуская літаратура — гэта толькі мы, некалькі сот чалавек, якія яе ствараюць». При этом речь о каком-либо взаимодействии с читателем не идет, равно как не просматривается заинтересованность в его мнении: «Чытачы — гэта спажыўцы. Наўрад ці іх можна назваць захавальнікамі літаратуры».

Чувствуется недоверие к аудитории и подсознательная убежденность, что обычные люди не смогут по достоинству оценить настоящую литературу. В таком случае само понятие популярности произведения дискредитируется как нечто недостойное, а успешное произведение автоматически заносится в «квазікультурны фастфуд». А. Янкута, отмечая популярность романа Л. Рублевской «Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега», относит его к массовой литературе и тут же оговаривается, что тем самым «я ніякім чынам не хачу гэты раман пакрыўдзіць ці занізіць яго мастацкую вартасць». В отзывах многих критиков проглядывает стремление оправдать произведения, несущие в себе некий развлекательный момент. Так, например, оговаривается, что это литература юношеская, подростковая (в соответствующий раздел книги Л. Рублевской вынесены на сайте pen-centre.by). Словно подразумевается, что взрослого читателя априори должны интересовать исключительно серьезные книги.

Некоторый снобизм определенной группы отечественных литераторов может объясняться тем, что в белорусском литературоведении доминирует ориентация на высокое искусство, в основе которого лежит справедливый постулат о том, что национальную культуру и язык могут спасти только шедевры. Кроме того, в жанре исторической прозы существует своего рода эталон — В. Короткевич, сравнения с которым не избежать ни одному серьезному автору.

Однако парадоксальным образом высокие требования к писателям (помимо всех других факторов), очень небольшое количество той самой развлекательной массовой литературы приводят к тому, что нет того литературного фона, конкурентной массы, из которой мог бы вырасти автор шедевра (или им приходится вдохновляться зарубежными произведениями). Например, К. Шталянкова, автор исторической трилогии «Адваротны бок люстра», стала писать, во многом вдохновившись историческими бест-

селлерами В. Чаропки, а толчком для «1813» В. Садовского, по его словам, стала книга «Abraham Lincoln: Vampire Hunter» С. Грэма-Смита.

К тому же, в условиях существующей проблемы национальной самоидентификации на авторов именно исторических произведений возлагается дополнительная ответственность, ощущение которой в отдельных случаях приводит, как отмечают читатели, к превалированию избыточной, нарочитой патриотичности и нациоцентричности, что не может не сказываться на цельности и художественной ценности произведения. Скорее всего, поэтому отличительная особенность отечественной исторической прозы — ограниченность тематики. Тот же британский, американский писатель может поселить своего героя в революционной Франции (уже упоминавшаяся Х. Мэнтелл), в Древнем Риме («I, Claudius» Р. Грейвса), Нидерландах XVII века («Girl with a Pearl Earring» Т. Шевалье), Флоренции эпохи Ренессанса («Romola» Дж. Элиот). Когда же говорят «белорусская историческая проза», автоматически подразумевается проза про Беларусь. Как нельзя лучше это иллюстрирует высказывание И. Шевляковой: «Пра што б ні пісаў беларускі пісьменнік, усё адно атрымаецца — пра Беларусь», в то время как читатель просит: «Хачу непатрыятычныя, а проста думкі аб жыцці сталай цікавай пярсоны беларускага паходжаньня; жаночы раман хачу і добры дэтэктыў на маёй роднай мове, напісаны беларусам ці беларускай».

Важным источником в поиске и подборе новых интересных книг могли бы стать комментарии других пользователей. Современный человек, привыкший к общению и постоянному обмену новостями в социальных сетях, больше склонен ориентироваться на мнение не безликих профессионалов, а знакомых, друзей по группе, в отзывах которых есть личный эмоциональный аспект. Практически полное отсутствие комментариев — отличительная особенность белорусских интернет-ресурсов, посвященных литературе. Книги современных авторов (В. Орлова, Л. Рублевской) есть и в наших магазинах, и на amazon.com, books.google.by, и на уже упоминавшемся goodreads.com. Однако белорусский читатель не склонен делиться ни положительными, ни отрицательными впечатлениями о прочитанном. Максимум, на что может рассчитывать начинающий любитель исторической прозы, — малоинформативные звездочки-оценки от двух-трех пользователей.

Сдерживающим фактором иногда является языковой барьер, когда читатель чувствует, что отзыв на белорусскую книгу должен быть белорусскоязычным, но не уверен в своем уровне владения языком и грамотности (здесь особенно остро ощущается различие рецептивного и репродуктивного владения языком). Как признается один такой читатель, если «сама книга написана на белорусском языке, это ставит передо мной некоторые обязательства». Косвенно в пользу этой версии свидетельствует несколько большая активность пользователей на русскоязычных ресурсах, например, livelib.ru.

Между тем, именно субъективные рекомендации обычных людей могли бы сориентировать желающего прочесть то или иное произведение, ведь каждая книга рассчитана на определенную аудиторию: поклонников исторической прозы условно можно разделить на две категории. Есть те, кто достаточно хорошо ориентируется в фактическом материале, знаком с различными научными концепциями происшедшего, и те, кто просто хочет приятно провести время, больше следя за интригой и взаимоотношениями героев на фоне красочных исторических декораций. Отсюда может проистекать кардинальное различие в восприятии одного и того же произведения, что в остутствие полноценных рецензий или

хотя бы отзывов пользователей может привести к обманутым ожиданиям и разочарованию. Это, например, видно в отзывах на произведения О. Тарасевич. Люди, подкупленные упоминанием в названии Радзивиллов, покупают книгу и, обнаружив под обложкой тот самый порицаемый английскими критиками женский роман, пишут возмущенные комментарии, в то время как для человека, который второй раз в жизни слышит о Марке Шагале или смутно помнит о существовании Креста Евфросинии Полоцкой, историческая составляющая таких детективов вполне могла бы стать первым шагом к знакомству с прошлым своей страны, а также к более сложной, глубокой литературе. Можно по-разному относиться к романам-путешествиям во времени, т. н. «попаданцах» и альтернативной истории, но и у них есть потенциал привлечь внимание к теме национального прошлого и сформировать к нему определенное отношение (как известно, лучше всего воспринимается информация, поданная в увлекательной игровой форме). Не стоит отказывать потребителю ни в праве расти, ни и в праве читать то, что ему больше нравится. Главное, чтобы было из чего выбирать.

К тому же общеизвестна обманчивая простота качественной развлекательной книги. Умение облечь вечные вопросы в форму понятной и увлекательной истории, просто рассказать о сложных вещах — высшая степень литературного мастерства. Известно сравнение хорошо написанного произведения с башней, в которой каждый читатель поднимается на свой этаж, в зависимости от культурного багажа, опыта, внимательности, привычки мыслить и анализировать. Кто-то останется на первом этаже и просто хорошо проведет время. Кто-то оценит стиль или игру аллюзий, а кто-то прочтет тот же текст как философскую притчу.

Сужает круг возможных читателей и то, что критики зачастую ограничиваются белорусской рецензией, тогда как при наличии ее русскоязычной версии узнавших о той или иной книге будет значительно больше. При этом язык рецензии ничего не определяет: узнав из русских источников информацию о хорошем произведении английского, немецкого автора, большинство владеющих языком предпочтет читать в оригинале. Опросы и обсуждение на форумах показывают, что если человек действительно заинтересован, он будет читать, несмотря на то, что «на мове не читала со школы» и на ней «почти никогда не говорю». Как отмечают читатели исторических произведений А. Федоренко, они читаются на белорусском «без напряжения, и самое главное, с удовольствием». Некоторых даже привлекает такая «экзотичность» книги: «…несмотря на мои скудные (на мой взгляд) знания белорусского языка, мимо этой книги я просто не могла пройти». Другая читательница признается, что любое произведение своей любимой Ольги Ипатовой она готова читать «на роднай мове».

А то, что отечественная историческая проза востребована, доказывают и успешные проекты по краудфандингу с целью издания книг Л. Рублевской и В. Садовского, существование «пиратских» электронных версий белорусских книг, организованный поклонниками квест по Минску, описанному в романах Л. Рублевской, а также составляемые читателями стихийные рейтинги-рекомендации отечественных произведений, правда, на русских книжных сайтах: «Современная белорусская литература: что читать?» на livelib.ru. В этом коллективном списке представлено множество романов в жанре исторической прозы: «За морам Хвалынскім», «Знак вялікага магістра», «Прадслава» О. Ипатовой, «Літоўскі воўк» А. Наварича, «Памяць пра легенды» К. Тарасова, «Авантуры Пранціша Вырвіча» Л. Рублевской, «Імя грушы», «Зямля пад крыламі Фенікса» С. Балахонова, «Час чумы», «Каханак Яе Вялікасці» В. Орлова.

Таким образом, усиление внимания к национальному прошлому в начале XXI века отмечается и в Беларуси, и в Британии, где начиная с 90-х годов прошлого века происходит реабилитация и возрождение жанра исторического романа. Ранее пренебрегаемый и относимый критиками к разряду массовой бульварной литературы, он вновь завоевывает внимание читателей и отмечается престижными литературными премиями. Значительную роль в этом сыграли авторы женских романов, представившие творческое перевоплощение многих литературных прообразов, жанрового канона в нечто качественно новое, создав альтернативный взгляд на существующий исторический дискурс.

В условиях не до конца осознанной, сформированной национальной идентичности на белорусских авторов, работающих именно в этом жанре, обращено повышенное внимание. Со стороны читателей существует запрос на не обязательно серьезную, но захватывающую, качественную белорусскую литературу, пусть даже это будет пресловутый женский роман в квазиисторических декорациях.

В настоящее время отечественная историческая проза существует во всем возможном разнообразии. Есть тексты в русле классического исторического романа, однако наибольшее внимание читателей привлекают произведения в жанре новоисторического, историософского, готического, мистического, параллельного романа, исторического детектива и альтернативной истории, пародии, мистификации. Среди них есть как тексты, отличающиеся высокой степенью выверенности исторических фактических деталей, так и те, что используют историю скорее как условную декорацию для любовного или приключенческого сюжета.

Наиболее заметной и положительно воспринимаемой тенденцией в национальной исторической прозе является деконструкция привычных представлений. Чтобы создать новый национальный миф, обновленное, соответствующее современным потребностям представление о своем народе, следует сломать существующие стереотипы, отойти от еще советских идеологизированных установок. Возможно, с этим связана нарочитая фантастичность и иррациональность произведений нового поколения авторов историоцентричной прозы. Устойчивый стереотип о нежелании читать на белорусском, которое и определяет относительную малочисленность читателей белоруской литературы, не вполне верен. Существующее предубеждение вполне преодолимо с помощью грамотного маркетинга и рекламы.

К 100-летию со дня рождения лауреата Нобелевской премии Ильи ПРИГОЖИНА

Эмануил ИОФФЕ

Его называют вторым Эйнштейном

Бельгийского и американского ученого-физика, химика, философа, лауреата Нобелевской премии по химии 1977 года Илью Пригожина называют вторым Эйнштейном. Его открытия связаны прежде всего с неравновесной термодинамикой и статической механикой необратимых процессов, а также с парадоксом времени.

Илья Романович (Рувимович) Пригожин родился 25 января 1917 года в Москве. Его отец Роман Пригожин — выпускник МГТУ, инженер-химик, был родом с Могилевщины, а мать — музыкант Юлия Вихман — из Литвы. Кроме Ильи в семье был еще один сын.

До переезда в Москву Рувим Абрамович Пригожин окончил Могилевское реальное училище.

Сохранилась фотография 1919 года, на которой пять мальчиков — родные и двоюродные братья, замерли на дачной лужайке в подмосковном Покровском-Стрешневе. В центре самый младший — Илья. Широко раскрытыми глазами он всматривается в объектив: что это? зачем? почему?

Благодаря стараниям матери Илья с детства играл на пианино. Ноты, как она потом вспоминала, он научился читать раньше, чем слова. В четырехлетнем возрасте — летом 1921 года — Илью увезли из Страны Советов.

Если говорить честно, эмигрировать родители не хотели. Отец — выпускник химического отделения Московского технического училища, после получения диплома основал на тогдашней окраине Москвы у Крестовской заставы небольшой лакокрасочный завод. В 1918 году предприятие было национализировано. Власти переориентировали его на мыловарение, а бывшего владельца назначили директором.

В начале 1921 года на Лубянку попали несколько знакомых Романа Пригожина, и это подтолкнуло его к решению переждать смутное время где-нибудь, как сказали бы теперь, в ближнем зарубежье.

Многочисленные связи, в частности, личное давнее знакомство с наркомом просвещения РСФСР Луначарским, помогли договориться с властями о повышенной квоте на выдачу выездных виз. Одну из них получила семья Пригожиных. Воспользоваться решили литовским маршрутом, в то время наиболее доступным

для легальной эмиграции. Его популярность — заслуга поэта, старого москвича Юргиса Балтрушайтиса, в ту пору полномочного представителя Литовской Республики в РСФСР.

Остановились в Каунасе. Илья Романович долгое время на русский манер называл его Ковно. Пробыли там год. Но отправились оттуда не в родную Москву, а в совсем чужой Берлин, где с дореволюционных времен проживала семья младшего брата отца. Поехали, опять же, вынужденно. Подрастал старший сын, пора было подумать о хорошем образовании, на что в маленьком провинциальном Каунасе рассчитывать было трудно. Ситуация же на родине не обещала ничего хорошего.

В 1921 году семья Пригожиных переехала в Берлин, где они прожили восемь лет. В 1929 году Пригожины поселились в Бельгии.

В 1993 году в Москве во время интервью Пригожину задали вопрос: «Чем для вас была Россия с детства? Как видно, изначально вы познавали ее через свою семью?»

Илья Романович ответил: «Конечно. Родители многое сделали, чтобы мы, дети, помнили, откуда родом. У меня, например, до 12 лет всегда был учитель русского языка. Но если для моего старшего брата Александра, ставшего известным орнитологом, родной язык оставался первым, то со мной этого уже не произошло. И открытие России было в юности во многом умозрительным.

Я несколько раз открывал для себя Родину. Первое, еще в детстве, открытие — знакомство с ее великой культурой, литературой, музыкой, живописью. Второе — изучение истории России…

Третьим открытием был первый приезд в Москву в 1957 году. Я увидел тогда наш дом на Большой Переяславской (потом его снесли). Из России наша семья эмигрировала после революции. Отец, окончивший императорское Высшее техническое училище, ставший инженером, владел небольшой фабрикой, после октябрьских событий оставался ее директором. Но потом это стало опасным из-за “буржуазного происхождения”. Мы уехали».

Начальное и среднее образование Илья Романович получил в школах Берлина и Брюсселя. Постоянные переезды, по словам Ильи Пригожина, породили у него «острую восприимчивость к переменам».

Впоследствии он отмечал: «Начав изучать физику и химию, я был поражен тем, что исчез фактор времени».

В юности Илья Пригожин интересовался историей и философией. Будущее же свое он связывал с профессией концертирующего пианиста. В этом чувствовалось влияние матери, получившей основательное музыкальное образование в Москве. Еще в Берлине его старший брат играл на скрипке, а маленький Иля, как звали Илью Романовича в семье в детстве, — на фортепиано. Атмосферу в доме тогда определяла мать — Юлия Пригожина.

Еще подростком Илья прочел работы видного французского философа начала XX века Анри Бергсона. Очарование его «Творческой эволюции» запомнилось на всю жизнь. Уже тогда тезис Бергсона о первейшей роли интуиции в творческом развитии накрепко вошел в его сознание. Тогда же возникло смутное восприятие фундаментальной роли в мироздании понятия «стрелы времени», которое сегодня определяет все то, что в современной науке связано с «языком Пригожина» — сугубо научной дефиницией, знакомой, однако, каждому серьезному естествоиспытателю.

С 12 лет в Бельгии Илья Пригожин кроме увлечения историей, философией и музыкой изучал латынь, греческие языки, археологию. Все это значительно расширило кругозор юноши, заставило его иначе смотреть на мир и оценивать свои возможности.

Неожиданная смена интересов, казалось бы, записного гуманитария, с детства тяготевшего к философии, жившего в мире звуков (ему прочили карьеру концертирующего пианиста), имела свои причины.

Свою роль сыграло естественное для дружной семьи желание младшего пойти по стопам отца и старшего брата, что Илья и сделал, поступив на химический факультет. Но, видимо, решающими, в конце концов, оказались индивидуальные особенности мышления, внутренний мир молодого человека.

О том, что подтолкнуло его ступить на стезю точных и естественных наук, Пригожин рассказал на встрече в Москве в Институте истории естествознания и техники в последний день 1992 года, где собрались московские ученые.

Одно время родные «готовили» юношу к юриспруденции. Из прочитанных книг он понял, что задача юриста — осуждать или защищать преступившего закон. На его столе появляется энциклопедия по психологии. Постижение предмета потребовало биологических знаний, а те, в свою очередь, привели к химии, физике, математике.

Таким образом, в конце концов, Пригожин выбрал химию. Высшее образование он получил в Свободном университете в Брюсселе, где специализировался по химии, особенно в области химической термодинамики.

Но ведь Бельгия в это время находилась под германской оккупацией? Как же мог учиться тогда Илья Пригожин в самом престижном вузе Бельгии?

В самом деле, германские войска 10 мая 1940 года ворвались на территорию Бельгии и довольно быстро захватили ее. Когда германские власти потребовали от бельгийских евреев регистрации (пресловутого «пятого пункта» в документах европейских стран никогда не было), подавляющее их большинство проигнорировало это распоряжение; те же, кто подчинился, впоследствии погибли в концлагерях.

Пригожины со свидетелями явились в функционировавшую в Брюсселе русскую эмигрантскую организацию, назвались православными, хотя Роман Пригожин не был крещеным, и получили необходимые справки. Не помешала даже нерусская фамилия матери — Вихман.

Хотя в Бельгии все университеты были закрыты, преподавание продолжалось. Нелегально, преимущественно по частным квартирам. Среди преподававших был и Пригожин. После Победы бельгийское правительство наградило его медалью Сопротивления.

А Илья Пригожин в тех нелегких, сложных условиях серьезно изучал термодинамику — науку, связанную с тепловой и другими формами энергии.

В 1943 году 26-летний Илья Пригожин стал бакалавром естественных наук Свободного университета в Брюсселе. Он написал диссертацию о значении времени в превращениях в термодинамических системах, за которую в 1945 году получил докторскую степень.

С середины 1940-х годов И. Р. Пригожин работал над проблемами неравновесной термодинамики. Именно Пригожин установил существование неравновесных термодинамических систем, которые при определенных условиях, поглощая вещество и энергию из окружающего пространства, могут совершать качественный скачок к усложнению.

Изучение закономерностей эволюции открытых неравновесных систем и спонтанного возникновения в них порядка (их самоорганизации), несмотря на происходящее в них рассеяние (диссипацию) энергии, и даже благодаря ему, привело Илью Пригожина к созданию теории диссипативных структур одного из направлений общего междисплинарного движения, называемого во многих странах вслед за немецким физиком Германом Хакеном синергетикой.

Другими словами, можно сказать, что Илья Пригожин один из основателей нового научного направления — системы миропонимания, обозначаемого как синергетика.

В 1947 году Илья Пригожин был назначен профессором физической химии в Свободном университете Брюсселя, а в 1962 году стал директором Сольвеевского Международного института физики и химии в Бельгии.

В 1967 году Пригожин основал научно-исследовательский Центр статистической механики и термодинамики при Техасском университете в Остине (США) и стал его директором. С этого времени он работал одновременно в Брюсселе и Остине.

Илью Романовича очень волновало развитие российской науки в 1990-х годах. Выступая на приеме в российском посольстве в Брюсселе в 1992 году в день своего 75-летия, он подчеркивал необходимость государственной поддержки науки. Пригожин утверждал: «Надо сделать все, чтобы сохранить научный потенциал в России. Даже в тяжелейших экономических условиях недопустимо забывать, что такая поддержка — дальновидное вложение в будущее страны. Самое ценное достояние народа — его умы».

Все это было не только словами. Будучи консультантом Европейского сообщества, Пригожин немало сделал для поддержки российской науки в самый тяжелый для нее период начала реформ.

Одна из самых больших университетских аудиторий Московского государственного университета была переполнена, когда в 1993 году лауреат Нобелевской премии Илья Романович Пригожин читал лекцию о парадоксах времени. Традиционная лекция нового почетного доктора МГУ вызвала огромный интерес: Пригожин — выдающийся ученый современности, открытия которого по значению сравнивают с вкладом в науку Эйнштейна. После лекции ему был задан ряд вопросов.

Первый вопрос был навеян идеями лекции ученого: «…Как же распорядиться своей жизнью человеку, идущему в науку: “сжечь молодость”, без остатка выложиться в ней, тем более никому не дано знать, сколько он проживет. Или более равномерно, на десятилетия, распределить свои усилия?»

Ответ Пригожина был таков: «Однозначного ответа у меня нет. В науке бывают периоды, когда к решению очень важных вопросов приходится идти медленно, тратя долгие годы. И лично мне это больше подходит. Но есть и мгновения прозрений, время синтеза, осмысления уже наработанного наукой. К чему молодость весьма и весьма предрасполагает.

А вообще-то в отдельной человеческой жизни, в определении, по какому пути она будет развиваться, огромную роль играет непредвиденный случай. Я вот с детства готовил себя скорее к гуманитарному поприщу. В гимназии увлекался историей, много музицировал на фортепиано, любил и по сей день люблю русских композиторов, особенно Скрябина. Интересовался природой творчества в разных областях жизни, возможностью иных картин мира, чем наша. Да и сейчас меня это все очень интересует, что будет, например, после смерти, можно ли там что-либо менять, творить заново?

Судьба распорядилась так, что в университете я стал изучать физику и химию. Но я хорошо понимаю: все, что мне удалось сделать в науке, невозможно было бы без этих двух составляющих.

Когда я стал изучать законы природы, то был удивлен и озадачен таким противоречием. В истории, литературе, искусстве все взаимосвязано во времени, в развитии процессов из прошлого в будущее через настоящее. А в законах физики и химии время как бы остановилось, оказалось не таким уж предопределяющим. “Порвалась связь времен”, как говаривал устами принца Гамлета Уильям Шекспир. В истории, в искусстве события играют большую роль. Рождение такого гения, как Чайковский, — событие. Музыка без него была бы совсем другой. А в фундаментальной физике нет событий. Нет случайностей. Все детерминировано…

Я заинтересовался термодинамикой — наукой о тепловых процессах. Здесь время играет огромную роль, все это знают по элементарным процессам нагревания и охлаждения. Работая в области термодинамики, убедился, что вообще время — важный фактор в физике и химии…

Когда я читал свою первую лекцию на конференции по необратимым процессам, то выдающийся термодинамик того времени удивленно заметил: “Я не понимаю, почему молодой человек интересуется этим вопросом. Это же флюктуации. Они очень коротки”. Я был очень удивлен и даже не мог сказать. Что мы ведь тоже не вечны и живем короткую жизнь».

В 1977 году 60-летнему Илье Пригожину была присуждена Нобелевская премия по химии «за работы по термодинамике необратимых процессов, особенно за теорию диссипативных структур».

В своей вступительной речи от имени Шведской королевской академии наук Стиг Классон сказал: «Исследования Пригожина в области термодинамики необратимых процессов коренным образом преобразовали и оживили эту науку».

По мнению С. Классона, эта работа открыла для термодинамики «новые связи и создала теории, устраняющие разрывы между химическим, биологическим и социальным полями научных исследований... Исследования Пригожина отличают также элегантность и прозрачность, поэтому ученого заслуженно называют «поэтом термодинамики».

На суперобложке одной из последних монографий Пригожина «Конец определенности» изображены яблоко и летящая стрела, перерезающие плодоножку. Аллегория изящна и очевидна. Открытия Ньютона символизируют падающее яблоко, а стрела, естественно, отождествляется со стрелою времени. А все в целом иллюстрирует формирующуюся на исходе века новую ступень в познании, страстное желание ученого, если использовать образное сравнение лорда Кельвина, разогнать одно из «облачков», затеняющих сегодня ясное небо над величественными сооружениями нашего века.

Аллегоричность — отличительная черта литературного стиля Пригожина. Обосновывая логику восприятия реальности, Пригожин вспоминал о манере Шехерезады рассказывать свои истории. Завершив одну из них, она тут же переключается, чтобы поведать о еще более увлекательном событии.

«Так и в нашем случае, — делал он вывод, — рассматривая, например, космогонию, сталкиваемся с тем, что внутри нее разворачивается история в веществе, внутри которой, в свою очередь, содержатся повествования о жизни, о нашей собственной истории и т. д.».

Эти ответвления в познании, основывающиеся на понятиях Пригожина и его школы, обнаруживаются сегодня в самых разных разделах современной науки.

Описание природы, по мнению Пригожина, — это живой диалог, а не богоподобное вторжение в ее сокровенные тайны. Активное вопрошение природы есть неотъемлемая часть ее внутренней активности. Используя понятие стрелы времени не только в сфере социальных и гуманитарных, но и точных наук, мы тем самым можем отойти от принципа их противостояния.

Все больше погружаясь в парадоксы времени, Пригожин закономерно подходил к пониманию, что время, как физическая реальность, теснейшим образом связано с другими парадоксами — квантовым и космологическим. Развивая свою мысль, он заметил: «Что может быть более необратимым, чем переход от Вселенной до Большого Взрыва к Вселенной, которую мы знаем?»

Нобелевская премия сделала его на второй родине — в Бельгии — Человеком года, и ему пришлось воздерживаться от посещения брюссельских кафе и ресторанов. Нигде не желали брать с него денег за заказ. Благодаря телевидению люди знали его в лицо. Знали и гордились им.

Круг научных интересов российского ученого, члена-корреспондента РАЕН Абрама Блоха — от геологии урана до природы рудогенеза. Он неоднократно

встречался с профессором И. Р. Пригожиным в Москве и Брюсселе. В своем очерке «Физик Илья Пригожин. Каждый школьник XXI века будет знать это имя», опубликованном в 1998 году, он писал: «Каждый, кому выпало счастье непосредственного общения с этой уникальной личностью, не мог не испытывать на себе воздействия могучего энергетического поля, исходящего от человека, имя которого будет знать по учебникам каждый школьник XXI века, как в любом краю планеты знают нынешние школяры имена Ньютона, Максвелла, Кюри...

Илья Пригожин, выдающийся представитель уходящего века, провозглашая новый альянс культур «физиков и лириков», возвращает тепло гуманистической составляющей в холодную безбрежность правящих миром вероятностных законов. Не предвещает ли этот синтез в наступающем тысячелетии нового Ренессанса, нового возрождения?»

Илья Пригожин был автором и соавтором 13 монографий и многочисленных статей.

За год до смерти Ильи Пригожина — в 2002 году, в Москве в переводе с английского вышло в свет при поддержке Министерства культуры Франции его учебное издание «Современная теплодинамика. От тепловых двигателей до диссипативных структур» (в соавторстве с Д. Кондепуди), предназначенная для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, а также физиков, химиков, биологов и инженеров.

В статье «Переоткрытие времени» («Вопросы философии», 1989, № 8) И. Р. Пригожин подчеркнул»: *«...порядок и беспорядок представляются не как противоположности, а как то, что неотделимо друг от друга».*

В «Предисловии к русскому изданию» 85-летний Илья Романович написал: «Я горжусь тем, что «Современная термодинамика», написанная с позиции брюссельской школы термодинамики, пополнит обширное собрание учебников и монографий, существующих в известной своими давними и богатыми традициями русской школе химической термодинамики.

Настоящая книга — плод упорного труда в течение многих десятилетий… Во многих областях науки, прежде всего в химии, механике жидкости, оптике и биологии, важная роль необратимых процессов получила общее признание, а отсюда возникла необходимость развития этого направления.

В течение научной карьеры мной опубликованы многочисленные работы по термодинамике как равновесного, так и неравновесного состояний (большинство из которых издано в русском переводе). И естественно, возникла необходимость написания обобщающего труда…»

Будучи увлеченным, разносторонним и универсально мыслящим ученым, Пригожин предпринял попытку навести мосты между естественными и гуманитарными науками. От конкретной модели сложного поведения в химии Пригожин продвинулся к глубоким мировоззренческим обобщениям о смене научной парадигмы и радикальных изменениях в видении мира. Эволюционная парадигма охватывает всю химию, а также существенные части биологии и социальных наук. Происходит открытие нового мира необратимости, внутренней случайности и сложности.

Ученый развивал философию нестабильности. До настоящего времени не утратила своей актуальности и ценности статья Пригожина «Философия нестабильности», опубликованная более четверти века тому назад в шестом номере журнала «Вопросы философии» за 1991 год.

В январе 2000 года в Бюллетене Всемирной федерации исследования будущего на английском языке была напечатана статья Ильи Романовича «Кость еще не брошена». В 2002 году она с разрешения автора увидела свет на русском языке в Москве в книге «Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве».

Фактически это завещание Пригожина потомкам, будущим поколениям, в котором он показал себя трезвомыслящим и ответственным политиком и дипломатом, глубоко осознающим необходимость использования политиками достижений науки. Приведем отрывок из текста данной статьи, который в современных условиях звучит исключительно актуально:

«При написании этого послания я полностью осознаю свою скромную позицию. Мое занятие — это наука. И оно не дает мне какой-то особой компетентности в понимании и будущего человечества. Молекулы подчиняются «законам». Человеческие решения зависят от памяти о прошлом и от ожиданий будущего…

Я — один из тех, кто с научной точки зрения помогает сформировать направления политики Европейского союза. Наука объединяет людей. Она создала универсальный язык. Целый ряд научных дисциплин, таких как экономика или экология, также требуют международной кооперации. Поэтому я чрезвычайно удивляюсь, когда наблюдаю, что правительства стремятся создать Европейскую армию как выражение Европейского единства. Армию против кого? Где враг? К чему этот постоянный рост военных бюджетов как в США, так и в Европе?

Дело будущих поколений — выработать определенную позицию на этот счет. В наше время вещи изменяются со скоростью, невиданной в истории человечества...

В моем послании будущим поколениям мне хотелось бы сформулировать ряд аргументов для понимания необходимости преодоления чувств смирения и бессилия.

Письмо к будущим поколениям приходится писать с позиции неопределенности, со всегда рискованной экстраполяцией от прошлого. Однако я остаюсь оптимистом… Я верю в возникновение таких необходимых флуктуаций, посредством которых те опасности, которые мы ощущаем сегодня, могли бы быть успешно преодолены. На этой оптимистичной ноте я хочу закончить мое послание».

Высокую оценку созданной Ильей Пригожиным теории взаимодействия хаоса и порядка, странных аттракторов, бифуркаций и фракталов дал в своей статье «Теории сложности и преобразования социальной действительности» («Белая Вежа», 2016, № 8) один из самых авторитетных белорусских ученых-философов и социологов, академик НАН Беларуси Евгений Бабосов.

А что же мы знаем об Илье Пригожине как человеке?

Ученый был женат дважды. Первой женой Пригожина стала поэтесса Хелен Иоффе (1921—1988) — мать его сына Ива, родившегося в 1945 году и ставшего антропологом.

В 1961 году в 44-летнем возрасте Илья Романович женился на Марине Прокопович. У супругов в 1970 году родился сын Паскаль, ставший юристом.

Пригожин был известен в среде своих коллег как обходительный человек и незаурядный ученый, диапазон которого чрезвычайно широк. Он был увлечен литературой и археологией и до конца жизни играл на пианино. Ученый любил слушать музыку.

Российский ученый Юрий Александрович Куперин неоднократно встречался с И. Р. Пригожиным. Вот что он вспоминает: «Встретился я с Пригожиным, когда по приглашению Международного Сольвеевского Института физики и химии приехал в Брюссель в командировку. Цель командировки была для тех лет весьма необычна: я был приглашен представлять Санкт-Петербург в Евро-Российском научном проекте, который предполагалось финансировать за счет Еврокомиссии. Было это, насколько я помню, в 1992 году. К тому времени Пригожин уже много лет занимал должность директора Сольвеевского института и, конечно, имел огромное влияние в Еврокомиссии…

На второй или третий день моего пребывания в Сольвеевском институте меня представили Пригожину. Аудиенция проходила в его кабинете, продол-

жительность 30—40 минут, цель — рассказать о научном содержании проекта. Беседу вели на английском, хотя, как потом я узнал, Илья Романович прекрасно говорил по-русски… Пригожин не любил, когда его называли по имени и отчеству. Он предпочитал — профессор Пригожин. Первое впечатление от встречи с этим великим человеком — невысокий, вежливый, держится с достоинством, но не давит на собеседника, слушает внимательно. Что поразило сразу — задает точные и глубокие вопросы, хотя обсуждали очень широкую тематику: от наноэлектроники до абстрактной математики в функциональных пространствах…

После аудиенции я и еще несколько сотрудников Пригожина были приглашены пообедать и продолжить беседу в ресторане. Блюда и вина были изысканными, беседовали хотя и непринужденно, но очень как-то по-светски. Тогда, при первом знакомстве, я решил, что мне оказана огромная честь и что доклад я сделал очень толково. Потом, когда я познакомился с Пригожиным гораздо ближе, когда мы начали заниматься наукой вместе, когда, наконец, мы стали друзьями, я понял, что и обед в ресторане, и подчеркнутая учтивость и гостеприимство — это просто его стиль жизни. Хотя справедливости ради надо сказать, что бывали случаи, когда Пригожин резко критиковал на докладе визитеров Сольвеевского института, и приглашения на ланч после этого они не получали.

…Я все ближе узнавал этого уникального человека. Теперь мы уже общались не только на научные темы… Он познакомил меня со своими близкими — женой Мариной и сыном Паскалем. Наконец, однажды я был приглашен на вечеринку к нему домой в предместье Брюсселя… Поразил меня дом, точнее, его интерьер, и сам хозяин. Дом оказался музеем с огромной и тщательно подобранной коллекцией произведений искусства. По большей части это были предметы из эпохи доколумбовой Америки, а также произведения искусства разных стран и эпох, тематически так или иначе связанные со Временем. Рассказ Пригожина о его коллекции также потряс меня. Это было увлекательное интеллектуальное путешествие во времени и в межкультурных пространствах, причем путешествие, устроенное с высочайшим профессионализмом. Лишь позднее я узнал, что Пригожин имеет степень доктора археологии и частенько, именно в этом качестве, бывает приглашен читать лекции в самые престижные университеты мира. Но и это еще не все. Переходя от одного раритета к другому и из одной комнаты в другую, мы подошли к стоявшему в его кабинете роялю. Пригожин скромно сказал, что иногда музицирует, когда устает работать. Я посмотрел на ноты, лежавшие на рояле. Ничего необычного — Чайковский, Шопен, Рахманинов. Шокирован я был потом, когда спустя несколько дней после посещения дома Пригожина слушал по радио в отеле какую-то музыкальную программу. И вдруг услышал, как ведущий программы объявляет: «А теперь послушайте несколько музыкальных пьес композитора Ильи Пригожина!» Я не поверил тому, что услышал. Но потом в разговоре с сотрудниками Пригожина узнал, что он действительно пишет музыку и считается неплохим композитором…

И хотя мне доводилось встречаться и беседовать и с другими нобелевскими лауреатами, но такого Человека и Ученого, как Пригожин, я в своей жизни больше не встречал» (Технические науки, 2010, № 1).

И. Р. Пригожин являлся членом Бельгийской королевской академии наук, Нью-Йоркской академии наук, Румынской академии наук, Королевского научного общества в Упсале и Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина».

Пригожин был иностранным членом Американской академии наук и искусств, Польского и Американского химических обществ и других организаций. Ему были присвоены почетные степени университетов Ньюкасл-Апов-Тайна, Пуатье, Чикаго, Бордо, Упсалы, Льежа, Экс-ан-Прованса, Джорджтауна, Кракова и Рио-де-Жанейро.

Кроме Нобелевской премии Пригожин был награжден золотой медалью Сванте Аррениуса Шведской королевской академии наук, медалью Баурка Британского химического общества, медалью Коттениуса Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» и медалью Румфорда Лондонского королевского общества.

Во время интервью в Москве в 1993 году Илье Романовичу задали вопрос: «Вы стали почетным доктором МГУ. Не жалеете ли, что не кончили его?»

Он ответил: «Быть причисленным к почетным докторам этого славного вуза, в ряду которых и Гете, и Шиллер, и Фарадей, — великая для меня честь. Что касается учебы в нем… Этот вопрос теряет смысл в силу того, как реально сложилась моя жизнь. Не знаю, захотел бы я учиться в Московском университете времен моей молодости. Да меня туда в те годы просто бы и не пустили. А сейчас, может, и захотел бы, да возраст не тот…»

А наш земляк — академик РАН и НАН Беларуси, доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки БССР Николай Александрович Борисевич, который 18 лет (1969—1987) был президентом АН БССР, во время одной из наших бесед, когда разговор зашел о нобелевских лауреатах с белорусскими корнями, заметил: «Я был знаком с Нобелевским лауреатом, всемирно известным физиком и химиком Ильей Пригожиным. Во время перерыва на одной из научных конференций мы как-то оказались рядом. И тогда он сказал: «Я знаю, что вы президент Академии наук Белоруссии. А ведь мой отец родом из Белоруссии, а точнее, Могилевщины, и оканчивал в Могилеве реальное училище. Все пишут обо мне, что я ученый русского происхождения, но никто не пишет, что у меня белорусские корни. После этого Пригожин поинтересовался развитием науки в Беларуси и особенно в городе Могилеве».

28 мая 2003 года стал последним днем жизни Ильи Пригожина. Его вклад в мировую науку достоин того, чтобы имя этого уникального Ученого и Человека навсегда осталось в нашей памяти.

Анатолий РЕЗАНОВИЧ

Из настоящего — в будущее

I

Александр Иванович Пашкеев

Без нормальной, цивилизованной дороги жизни практически нет. А если в самых отдаленных местах такая жизнь и существует, то вряд ли радует своих обитателей. Особенно в наше время, когда техника получила огромное развитие. Яркий пример этому факту — современные железнодорожные поезда, скорость которых увеличивается с каждым годом, а комфорт для пассажиров становится таким, словно они находятся не в пути, а в небольшой уютной гостинице на колесах. Такие поезда есть в Италии, Германии, Франции, других странах.

Директор ОАО «Борисовский шпалопропиточный завод» Александр Иванович Пашкеев рассказывает о достижениях на железнодорожном транспорте охотно, интересно, со знанием дела. Но при этом замечает, что качество шпал обязательно должно соответствовать всем современным требованиям.

— Без этого, — подчеркивает он, — даже самый высокотехничный поезд не сможет показать свои лучшие качества. Думаю, что не за горами то время, когда такие поезда появятся и на наших дорогах, а мы сможем убедиться в их скоростных и других характеристиках. Во всяком случае, мы уже приближаемся к мировым показателям, если говорить вообще о железнодорожном транспорте.

А. И. Пашкееву сразу веришь. И не только из-за того, что он профессионал в своем деле, но и потому, что работает в должности директора уже двадцать лет — с 1997 года. Это, конечно, немало. Если же прибавить сюда опыт и ответственность, то даже самые смелые слова Александра Ивановича насчет совершенствования отечественного железнодорожного транспорта у нас не покажутся сомнительными. Время идет, технические новинки распространяются по всему миру. Значит, обязательно придут они и в нашу Беларусь, которая является важным транзитным государством.

II

Жизнь А. И. Пашкеева, если говорить о работе и карьере, в чем-то похожа на жизнь многих его сверстников, а в чем-то разительно отличается. Особенность в том, что легкой ее не назовешь. Родился он в деревне Новое Кузнецово Ржевского района, что в России, ходил в восьмилетнюю школу, после чего поступил в техникум механизации и электрификации сельского хозяйства на факультет «Электрификация». Обрел профессию техника-электромеханика. Дальше, как и положено было в те годы, подоспела служба в Советской Армии. А вот еще дальше, после демобилизации из Вооруженных Сил СССР, уже началась работа непосредственно по своей специальности.

— Вернувшись со службы в город Ржев, — рассказывает Александр Иванович, — я встретил своего друга. Разговорились. Он, оказывается, работал на железной дороге электромонтером, о чем поведал не без гордости. Друг настоятельно посоветовал мне пойти работать на энергоучасток, который входил в состав железной дороги. Подумав, я согласился. В отделе кадров предложили должность электромеханика Ржевского сетевого района. Работа эта, надо сказать, непростая, требует терпения и знаний. Но, как говорится, если взялся за гуж, не говори, что не дюж. А я взялся. Ответственно и с интересом изучал новое в моей жизни дело, набирался, прежде всего, практических знаний, знакомился с коллективом, со многими подружился. Жизнь есть жизнь.

Через три года А. И. Пашкеев пошел на повышение — стал инженером Ржевского сетевого района. До сих пор вспоминается ему Зоя Ивановна, у которой Александр Иванович проходил стажировку. С этой должности он успешно сдал экзамены и поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, который через шесть лет благополучно закончил — учился на заочном отделении. Молодого, но опытного специалиста не могли не заметить. А. И. Пашкеев становится начальником Ржевского сетевого района. Сегодня можно сказать, что это было знаковое повышение, которое многое определило в судьбе перспективного работника железнодорожного транспорта тех лет.

— В подчинении у меня было около пятидесяти человек, — вспоминает Александр Иванович. — Мы обслуживали участок по направлению Москва—Рига. Это значит, что обеспечивали данный отрезок пути электроэнергией. Плюс, конечно, вокзал и депо. Протяженность участка составляла порядка двести пятьдесят километров, что немало. В случае повреждения нам давалось на ремонт восемь часов. Свою работу мы делали, естественно, качественно и в срок. На железной дороге по-другому нельзя: грузы идут, пассажиры едут, военные решают свои задачи. Короче говоря, все должно работать.

Оно и работало. А еще шла обычная гражданская жизнь с ее бытом и повседневными заботами. В этот период А. И. Пашкеев женился, родились два сына — Михаил и Александр. Воспитывать их Александру Ивановичу было несложно. А все потому, что помнил, как воспитывал его отец — Иван Петрович.

О нем следует сказать отдельно. И. П. Пашкеев — ветеран Великой Отечественной войны, который служил, а вернее, воевал, будучи минометчиком. Прошел всю войну. Дважды был ранен, прострелили легкие. Вдобавок ко всем испытаниям, Иван Петрович попал в начале войны в плен, бежал с капитаном-летчиком, после чего пришел к белорусским партизанам. И. П. Пашкеева и капитана-летчика партизаны решили проверить на храбрость — послали взрывать железную дорогу. Задание они выполнили, хотя это было крайне сложно сделать. В подтверждение выполнения боевого задания сняли с вагона взорванного поезда задний фонарь — таков был приказ партизанского начальства.

Закончил войну Иван Петрович в Кенигсберге. Пример ветерана воспитывал в его внуках — детях Александра Ивановича — лучшие качества: любовь к своей земле, честность, умение постоять за себя, уважение к старшему поколению.

— Хорошо, что у нас в Беларуси, России, Украине, других постсоветских республиках военное прошлое не забывается, — замечает А. И. Пашкеев. — Сколько лет прошло, а память о наших ветеранах живет, и будет, надеюсь, еще жить долго. Так должно быть обязательно.

В семье Пашкеевых было пятеро детей — две сестры и три брата. Александр Иванович — самый меньший. Мать его, Клавдия Платоновна, отдала все свои физические и духовные силы воспитанию своих детей в надежде, что они станут настоящими людьми. Это тоже очень показательный пример для нынешнего молодого поколения.

Пашкеевы-дети доверие родителей оправдали.

III

В 1985 году друг А. И. Пашкеева по институту предложил ему приехать на работу в Борисов на шпалопропиточный завод. Александр Иванович принял предложение. Его назначили, из Октябрьской дороги на Белорусскую переводом — была тогда такая возможность, главным инженером Борисовского шпалопропиточного завода.

— Дело в том, — делится своими воспоминаниями А. И. Пашкеев, — что город Борисов я знал неплохо. Моя старшая сестра Ирина тоже в свое время была направлена сюда. Я к ней приезжал. Знакомился с городом, людьми. Так что частично был здесь уже в каком-то роде своим человеком. К тому же и Минск наведывал, который меня приятно удивлял как своей своеобразной архитектурой, так и чистотой. Беларусь мне приглянулась сразу, и больших раздумий относительно переезда у меня практически не было. К счастью, я получил в городе Борисове жилье — трехкомнатную благоустроенную квартиру.

А вот завод, и это надо сказать, с первого взгляда не понравился Александру Ивановичу. Впрочем, для этого были свои законные причины. Во-первых, предприятие было очень старым и имело неприглядный внешний вид. Во-вторых, коллектив был сложный, состоял в том числе и из тех, кто был не в ладу с законом. Из-за этого происходила большая текучесть кадров. И все-таки А. И. Пашкеев нашел на старом предприятии немало плюсов. Главный из них заключался в том, что производство завода располагалось компактно, почти в центре города. А это значит, что можно проверить любого на рабочем месте: что он делает, как справляется со своими обязанностями, что предлагает нового.

Александр Иванович взялся за кадры. К примеру, на заводе не было даже своего энергетика. Поэтому ввели в штат эту необходимую должность. Помалу укрепленный коллектив, который трудился круглосуточно, стал осознавать свою ответственность, проявлять трудолюбие и терпение в выполнении плановых заданий, обязательств. Дела пошли лучше. Но до успеха было еще далеко.

— Мы тогда выдавали в сутки по восемь вагонов шпал, — замечает А. И. Пашкеев. — При этом докладывали о своей работе постоянно в Управление Белорусской железной дороги и в Министерство путей сообщения в Москву. Продукция наша была востребована. Вот красноречивое доказательство: деревянные шпалы завод поставлял даже на строительство БАМа. Но в основном мы закрывали потребности Юго-Западной железной дороги, что находится в Украине, Южной дороги, Молдавии, треста «Белтрансстрой».

Директором предприятия Александр Иванович был назначен, как уже сказано выше, в 1997 году. А до этого завод включили в план реконструкции. Но пока

делался проект в «Гипротранспути», а потом в «Укргипротранспути», совместно с нашим белорусским институтом, великий Советский Союз развалился, что повлекло за собой массу нежелательных проблем.

Кстати сказать, в СССР было двадцать четыре таких завода, как в Борисове. Осталась на постсоветском пространстве из них треть.

— Проект мы доработали в нашем «Белжелдорпроекте» согласно уже требованиям Республики Беларусь, — продолжает свой рассказ о предприятии Александр Иванович. — И вот в 2000 году началась, наконец, реконструкция Борисовского шпалопропиточного завода. Началась в год столетия предприятия. Практически все к своей работе отнеслись очень ответственно. В 2006 году реконструкция была завершена. Установили три новых автоклава, каждый из которых мог обрабатывать до ста тысяч кубометров древесины в год, поставлено оборудование для эффективного предотвращения вредных выбросов, сдано в строй помещение для прогрева древесины. Но самое важное — были улучшены условия труда, за которые раньше наше предприятие платило штрафы. В 2013 году мы модернизировали наш завод. Теперь его проектная мощность рассчитана на ежегодный выпуск деревянных шпал в количестве 1 миллиона штук.

Показательно то, что пропитка шпальной продукции на предприятии осуществляется автоклавным способом под давлением антисептиком на основе сланцевого масла (производство Эстония) и раствором биозащитным на основе антисептика TanalithE (производство Англия). Автоматизированная система управления производственным процессом пропитки позволяет обеспечивать высокое качество изготавливаемой продукции. Единственное в СНГ оборудование по поверхностной наколке шпальной продукции и забивке торцевых укрепляющих пластин по европейскому стандарту позволяет коллективу завода добиваться проникновения антисептика по труднопропитываемым участкам древесины глубиной более 10 миллиметров и предотвращать растрескивание шпал и брусьев при их эксплуатации. Специалисты предприятия ведут постоянную научную работу в сфере разработок новых антисептиков, сотрудничая с Белорусским Национальным техническим университетом. Пропиточные составы, с которыми сегодня работает завод, — это продукт совместных разработок. Коллектив предприятия имеет Патент на пропиточный состав на основе сланцевого масла.

Все эти достижения, а также высокое качество продукции, позволили Борисовскому шпалопропиточному заводу стать поставщиком шпальной продукции для крупных зарубежных компаний. Это АО «Грузинская железная дорога», ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога» (Армения), ГП «Железная дорога Молдовы», ГУКП «Приднестровская железная дорога», АО «Литовские железные дороги», АО «Эстонская железная дорога», ООО УК «Металлоинвест» (ПАО «Михайловский ГОК», АО «Лебединский ГОК»), ГУП «Московский метрополитен», ЗАО «Азербайджанские железные дороги», ПТ Сурья Ганда Манаджемен Текник Индонезия, ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог». Общий объем экспорта в 2015 году составил около 4 миллионов, в 2016 — 4,4 миллиона долларов США. Как итог, это положительно отражается на заработной плате работников, которая на сегодняшний день составляет около тысячи рублей в месяц. То есть, те самые пресловутые пятьсот долларов.

Имеются ли на заводе проблемы? Да, они есть и сегодня. А. И. Пашкеев о них говорит смело, по-деловому, надеясь, что совместными усилиями все негативные неувязки наконец-то будут устранены. Это нехватка сырья, задолженность по оплате со стороны Белорусской железной дороги. Данные проблемы или неувязки мешают эффективно наращивать производственный потенциал, которым обладает коллектив завода.

Подводя итог, надо честно признать, что Александр Иванович уверенно руководит коллективом. Это тоже слагаемое успеха. Причем важное. Как настоящий руководитель, он постоянно думает о прошлом, настоящем и будущем завода.

Говорят, что думы старят человека. Может, это и так. Но по А. И. Пашкееву это не видно. А все потому, что первая помощница у него в этой жизни — супруга Галина Васильевна. Это на нее легла основная тяжесть по воспитанию детей — сыновей Михаила и Александра, о чем упоминается выше. Это она держала и держит порядок в доме. Это благодаря ее терпению Александр Иванович частенько больше времени отдает производству, чем семье.

— Жена у меня хозяйка, — по-доброму улыбается он.

Это так. К тому же Галина Васильевна увлеченный человек с университетским образованием. А это говорит о многом. Но не обо всем. Например, она много лет преподавала в школе географию, а когда ушла на заслуженный отдых, то начала немало времени проводить на огороде, выращивая не только традиционные сельскохозяйственные культуры, но и цветы. Более того, пишет стихи, ведет дневники, отмечая в них свои радости и огорчения.

— Сидеть некогда, — признается А. И. Пашкеев.

Сыновья Александра Ивановича выбрали профессии по душе, а потому делу отдаются сполна. Михаил уже полковник, преподает в Академии МВД, а Александр возглавляет строительную лабораторию в тресте «Дорстроймонтаж».

А. И. Пашкеев и его семья трудолюбивы, активны, а главное — живут полной, интересной и насыщенной жизнью, которая приносит им истинное удовлетворение. И это основное.

*Романтическая легенда нашей истории**

Михал Клеофас Огинский

2015 год, предшествовавший Году культуры, стал особо примечательным для нас в одном важном отношении: стараниями Национальной комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО в список памятных дат был включен 250-летний юбилей Михала Клеофаса Огинского (1765—1833) — славного нашего земляка, о котором ранее, к сожалению, мы знали совсем немного. При этом, однако, столь крупная фигура в мировой культуре и истории не только имеет право на широкую известность, но и *должна быть предметом гордости* нашего народа.

Знаменательная дата пришлась кстати, поскольку дала, наконец, возможность уделить этому замечательному человеку то внимание, которого он заслуживает. Неравнодушные люди из разных областей культуры объединились, чтобы «вернуть» его нам, потомкам, — причем во *всей полноте его личности*, как дипломата, политического деятеля, композитора, литератора и просто честнейшего, обаятельного и доброго человека.

Надо откровенно признать, что на очень долгое время Михал Клеофас Огинский был незаслуженно забыт. В бурных перипетиях XIX и XX веков нам «было не до него» — мы просто выживали. Но... если хранить память о своих достойных предках — вероятно, легче бывает и выживать достойно?..

Среди наших деятелей культуры, конечно, всегда находились люди, которых живо интересовало все, что связано с родной белорусской землей — исключительно богатой историческими событиями и незаурядными личностями. В случае с Михалом Клеофасом Огинским нужно отдать должное тем литераторам, научным работникам, общественным деятелям, которые положили немало труда на исследование жизни и творчества этого удивительно разностороннего человека и на то, чтобы память о нем жила не только в узком кругу самих исследователей.

Еще в 1959 году в молодечненской областной газете была напечатана статья А. И. Мальдиса об Огинском и его связях с белорусской землей. В ней рассказывалось о лучших годах жизни Огинского, проведенных им в усадьбе Залесье, что между Молодечно и Сморгонью. В 1802—1822 годах там бурлила разно-

---

*Авторы публикации благодарят директора Государственного Музея истории театрального и музыкального искусства Зинаиду Леонтьевну Кучер за предоставленные материалы.

образнейшая культурная жизнь, за что современники называли Залесье «Северными Афинами».

Живя в Залесье, граф Огинский занимался просветительской и благотворительной деятельностью. Так, он непосредственно участвовал в открытии школы в Молодечно, передал ей в дар часть своей библиотеки, математические и физические инструменты и приборы, в том числе микроскоп и телескоп, что и в те времена стоило очень больших денег. С легкой руки графа обрела эта школа и музыкальную направленность: коллекция музыкальных инструментов, подаренная им школе, словно призывала ее учеников в тот мир, которым на всю жизнь очарован был и сам Михал Клеофас. Много времени спустя мы увидим, какие замечательные всходы даст зерно, посаженное им в добрую почву...

Вкладывал свои средства граф в дом для бедноты, заботился об уменьшении налогов для жителей западных областей, недавно присоединенных к Российской империи, и даже... задавался вопросом об упразднении крепостного права, что для того времени было явной утопией. Он всегда был прекраснодушным романтиком — не только в музыке, но и в жестокой действительности...

...В 1965 году (получилось как раз к 200-летию М. К. Огинского) исключительно чуткий к родной земле и ее людям Владимир Короткевич опубликовал в журнале «Маладосць» свою «Песню з Паўночных Афін» (в 9-м номере — это для интересующихся).

В 1969 году в сборнике «Падарожжа ў XIX стагоддзе» были напечатаны отрывки из предполагавшейся в будущем книги А. И. Мальдиса об Огинском. Однако культуре кроме энтузиазма нужна еще и финансовая поддержка. Поэтому все это были лишь «капли в море», хотя прекрасные и нужные.

Оживление в «деле Огинского» началось у нас в 90-е годы.

В 1993 году имя Огинского было присвоено Молодечненскому музыкальному училищу (ныне колледж) — так «проросла» в нашу жизнь та давнишняя его школа. В 2005 году рядом с колледжем будет установлен памятник композитору работы скульптора Валериана Янушкевича. Как величаво и уместно смотрится он здесь!

Позднее учащиеся этого колледжа вместе с Молодежным музыкальным театром поставят оперу Олега Залетнева «Міхал Клеафас Агінскі. Невядомы партрэт». Так молодые люди сделали достойное приношение своему, можно сказать, родоначальнику и меценату. Вдохновил их на это директор колледжа Григорий Семенович Сороко — талантливый, энергичный человек, живущий музыкой и трогательной заботой о своих молодых подопечных.

Министерство иностранных дел выступило с идеей, осуществление которой казалось невозможным в те нелегкие 90-е: установить мемориальную доску на доме, где прожил свои последние годы Михал Клеофас, — а это во Флоренции! Примечательно, что такая прекрасная идея родилась у *наших* почитателей Огинского, а не у зарубежных — польских или литовских... В 1996 году мемориальная доска была установлена с надписями на белорусском и итальянском языках.

В 1995 году произошло событие, которое только скептикам может показаться случайным. Посол Республики Беларусь в Великобритании Владимир Григорьевич Счастный рассказывал: «Когда в мае 1995 года в моих руках оказался компакт-диск с музыкой М. К. Огинского, записанный его потомком, я воспринял это как сенсацию. Обратившись к книгам по генеалогии польских и литовских аристократических родов, я убедился, что британские подданные польского происхождения *Анджей и Иво Залуские* действительно являются праправнуками Михала Клеофаса Огинского». Иво оказался прекрасным композитором: он автор мюзиклов, рок-опер и торжественных месс для хора, органа и оркестра. Он еще и разносторонний исполнитель: кроме любимого им фортепьяно владеет кларнетом, гитарой, всеми видами электронных клавишных. Анджей — серьезный

литератор и талантливый лектор. То есть оба — по-настоящему творческие личности (впрочем, иначе и быть не могло).

Встречи нашего посла с этими выдающимися людьми стали началом целой череды знаменательных событий. Иво приехал в Беларусь и дал концерт в Зале камерной музыки на Золотой Горке в Минске; был членом жюри конкурса молодых исполнителей в Сморгони; записал цикл произведений композиторов из рода Огинских на Белорусском радио. Позднее издательство «Ковчег» выпустило диск с 24 полонезами Огинского в исполнении Иво Залуского. Анджей Залуский тоже посетил Беларусь. Это были прекрасные поездки по памятным для их рода местам. Вспоминает Адам Иосифович Мальдис: «...Братья Залуские, побывавшие в разное время в Минске и в Залесье... были приятно удивлены. Как это так: Михала Клеофаса Огинского, который считается польским композитором и литовским патриотом, в Беларуси знают и любят больше, чем в Польше и Литве?! Ведь здесь он стал исторической реальностью и одновременно романтической легендой, вдохновляющей музыкантов, поэтов, живописцев».

Можно не сомневаться, что эти впечатления вдохновили и братьев Залуских на то, чтобы проявить еще одну сильную фамильную черту — литературную. В 1999 году Анджей написал книгу «Время и музыка М. К. Огинского» — причем минское издательство «Четыре четверти» начало готовить ее перевод на русский язык раньше, чем она увидела свет в самой Великобритании! Иво Залуский тоже написал книгу — под названием, лучше которого ему, прямому потомку, придумать было невозможно: «Ген Огинского» — она была издана в 2007 году. Издательство организовало презентации этих книг. Директор и главный редактор Лилиана Федоровна Анцух делилась впечатлениями: «...Общаясь близко с братьями Залускими во время их пребывания в Беларуси, я помню, как волновались они, проезжая по разным местам, узнавая и не узнавая, и были потрясены произошедшими переменами. Особенно это было заметно в их родовом имении в Залесье...» Эссе Л. Ф. Анцух «Возвращение» можно прочесть в журнале «Белая вежа» (№ 8, 2015).

Сегодня мы имеем уже вторые издания книг братьев Залуских, выпущенные издательством «Четыре четверти», потому что первые давно разошлись и «зачитались».

Вообще, с началом нового века «возвращение на родину» Михала Клеофаса Огинского пошло по нарастающей.

В 2003 году в Залесье состоялась Международная конференция «Исторические усадьбы Беларуси: состояние и перспективы». Конечно, «состояние» тогда грустно взывало о помощи...

Стали появляться большие публикации об Огинском и его времени. В 2003 году — книга Сергея Веремейчика «Міхал Клеафас Агінскі: продкі, жыццё у Залессі, нашчадкі. Спроба храналогіі». В 2007 году — исследование С. Н. Немогай «Жыццё і творчасць М. К. Агінскага ў каардынатах яго часу і культурнага асяроддзя», в котором личность графа Огинского представлена на ярком фоне его времени и круга общения. В 2015 году была издана в прекрасном оформлении книга-альбом Леонида Нестерчука «Міхал Клеафас Агінскі: ліцвін, патрыёт, творца».

В 2008 году свершилось поистине великое дело для желающих исследовать жизнь и творчество Огинского: благодаря той же Национальной комиссии и поддержке Бюро ЮНЕСКО в Москве стала возможной передача архива Огинского (в копиях) из России в Беларусь — это почти 6 000 листов интереснейших материалов. Сейчас они находятся в Государственном Музее истории театрального и музыкального искусства Республики Беларусь, в надежных руках его директора Зинаиды Леонтьевны Кучер.

В 2010—2012 годах были созданы благотворительные фонды в Молодечно и Сморгони, которые помимо решения других благородных задач занимались поиском финансовых средств для *возрождения залесской усадьбы*. Реставраци-

онные работы велись под руководством архитектора Людмилы Ивановой — бережно, с большим вкусом и пониманием эпохи и особенностей места. Много сил этому благородному делу бескорыстно отдавали и местные органы управления. Нелегкий труд продвигался медленно, но верно...

Всегда высоко ценили Михала Клеофаса Огинского наши музыканты: он представляет собой уникальный случай *композитора-непрофессионала*, который известен своей музыкой во всем мире! Об особой преданности Огинскому молодечненских музыкантов уже говорилось. Его произведения исполняют и Национальный академический концертный оркестр под управлением Михаила Финберга, и ансамбль «Классик-Авангард» Белорусской государственной филармонии, и другие коллективы. Много лет участвует в популяризации музыкального наследия Огинского «Белорусская капелла» во главе с ее создателем — профессором Виктором Ивановичем Скоробогатовым. Еще в 1995 году в рамках фестиваля «Адраджэнне Беларускай капэлы» нашим театралам был сделан великолепный подарок — балет «Полонез» (композитор Вячеслав Кузнецов). В юбилейном 2015 году вторая редакция этого балета «побывала в гостях» в Москве и «добралась» до самого Парижа.

Обложка фантазии для арфы Алины Бертран на темы Полонеза F-dur М. К. Огинского. Издание Дж. Рикорди, Милан, 1826 г.

В преддверии юбилея продолжили свою просветительскую деятельность энтузиасты издательства «Четыре четверти». Благодаря им увидела свет, в частности, партитура уже упомянутой первой белорусской оперы об Огинском. Но главным и самым трудоемким проектом издательства стал перевод «Мемуаров» М. К. Огинского в 4-х томах на русский язык и их издание. Идея возникла в 2013 году, и два года, отпущенных на ее осуществление, были совсем небольшим сроком. Переводчикам Е. Чижевской, В. Базарову, Л. Казыро довелось держать в руках парижское издание 1826—27 годов (кстати, на хорошей бумаге, с достаточно четким шрифтом). Скрупулезно вчитываясь во французские тексты конца XVIII — начала XIX веков, они отлично осознавали всю меру своей ответственности за достойное выполнение этой работы.

«Мемуары» создавались Огинским на основе дневниковых записей, которые он имел привычку регулярно вести с ранней юности. Именно поэтому они содержат свежие впечатления очевидца о драматических событиях истории Речи Посполитой конца XVIII века и о том, что происходило на белорусских, литовских и польских землях в первой четверти XIX века. В «Мемуарах» «живьем» представлены известнейшие исторические личности: Екатерина II, Тадеуш Костюшко, король Станислав-Август, князь Григорий Потемкин, Александр I, Наполеон Бонапарт... Написаны они несколько витиеватым стилем мемуарной литературы того времени, но читаются очень легко. Как видим, «ген Огинского» и в области литературной явил свою «дееспособность», а затем и устойчивость — передался по наследству далеким потомкам...

В юбилейный год перевод «Мемуаров» на русский язык был завершен и опубликован издательством «Четыре четверти». Там работают редкие сейчас «книжные люди», для которых смысл жизни не сводится к получению прибыли. Невзирая на все сложности послеперестроечной жизни, они делали и продолжают делать все возможное и невозможное для того, чтобы эти интереснейшие материалы доходили до белорусского читателя. Такими людьми пока и жива наша культура...

К юбилейной дате в историческом центре Минска, на площади Свободы, появилась «Музыкальная скамья» (скульптор Вадим Мацкевич). Она с «секретом»: присев на нее, можно услышать знаменитый полонез Огинского ля минор — «Прощание с родиной». Скамья изготовлена из мореного дуба и бронзы и увенчана родовым гербом Огинских.

...Шла к завершению реконструкция усадьбы Огинского в Залесье. Это было поистине грандиозное предприятие, которое потребовало больших финансовых вложений и (что еще ценнее) показало, что времена забвения и небрежения к нашему историческому наследию, слава Богу, отошли в прошлое. На протяжении всего юбилейного года здесь проходил фестиваль «Год Огинского в Залесье» (художественный руководитель Алексей Фролов, научный консультант — Светлана Немогай). Он состоял из проводившихся раз в месяц концертов-лекций, музыкальных экскурсий, художественно организованных вечеров (в их числе особенно порадовал участников торжественный и красочный «Шляхетский бал»)...

И вот 25 сентября 2015 года состоялось торжественное открытие возрожденных «Северных Афин». Программа его была захватывающе интересна. Студенты Гродненского колледжа искусств и Сморгонской ДШИ имени М. К. Огинского, Сморгонский центр культуры порадовали своими красочными проектами: «Пейзажи Северных Афин», «Музыкальная альтанка», «Пристанище муз». Возле памятного камня, установленного в честь Тадеуша Костюшко, состоялись выступления конно-исторического клуба «Золотая шпора». Настоящим «праздником в празднике» стал для любителей музыки концерт Национального оркестра под управлением М. Я. Финберга...

Теперь все желающие могут посетить возвращенную к жизни усадьбу, ощутить дух «Северных Афин», пройтись на балу в старинном танце... Беларусь заново открывает себя для себя самой и для всех тех за ее рубежами, кто хочет узнать ее и полюбить.

Приходится, однако, в эту светлую картину совместного труда любящих свою страну людей добавить темной краски. На взгляд многих из тех, кто интересуется вопросами нашей культуры, вся эта огромная культурная работа не получала вовремя заинтересованного и обстоятельного освещения в наших средствах массовой информации. (Очевидно, не все еще в них достаточно «массово» и «информативно».) Были отдельные статьи в «Звяздзе» (149, Н. Щербацевич), «ЛіМе» (38, С. Берестень), был снят документальный фильм «Рана в сердце» (реж. А. Мирошниченко, «Белорусский видеоцентр»). Однако мало чем порадовало своих зрителей столь популярное телевидение. Многочисленные радиостанции, плотно заполняющие эфир (чтобы не сказать худого слова — чем), вообще «не озаботились темой»... На сайтах в интернете кое-что сообщалось, но... Как говорится, комментарии излишни...

Итог более чем двадцатилетним трудам был подведен 25—27 октября 2015 года на Международной конференции в Молодечно. Все ее участники — из Беларуси, Польши, Литвы, — говоря об Огинском, называли его «наш», и это звучало правомерно и естественно, не вызывая споров и разногласий. Славное имя Огинского преодолевало политические предвзятости и объединяло всех. И как символ этого единения, под серым осенним небом у памятника композитору

звучал великолепный хор чистых молодых голосов: студенты колледжа имени М. К. Огинского исполняли его полонез. «Прощание с родиной» знаменовало «возвращение на родину» нашего славного земляка.

Как уже говорилось, письменное наследие графа Огинского обширно, содержит множество интересных, но малоизученных материалов и потому прямо-таки с нетерпением ждет своих исследователей.

Отдельный интерес представляет *переписка* графа с многочисленными адресатами. Личные письма — это всегда живые свидетели своего времени, их не заменят самые серьезные научные труды. В едва уже различимых порой строках архивных листков оживают давно ушедшие люди — и становятся понятными нам, близкими, родными, друзьями...

Письма тех далеких эпох... Не говоря уж о том, что они были единственным средством общения на расстоянии, это был еще и особый, можно сказать литературный, жанр. И речь здесь идет не о собственно литературных произведениях, которые создавались в «модном» тогда жанре переписки между книжными героями (эпистолярном), — нет, речь идет о самых обычных письмах! Богатое содержание нередко сочеталось в них с отточенной литературной формой. (Нам, со всем нашим прогрессом, остается сегодня лишь печально вздохнуть об этом утраченном культурном явлении.)

В письмах графа Огинского и его адресатов живо предстает удивительно разнообразная жизнь современной ему Европы: города, события, люди и их взаимоотношения, так порой непохожие на наши с вами... Даже мелочи, упоминаемые в них, ценны для нас сегодняшних: как в капле росы, говорят, отражается весь мир — так и в мелочах могут отражаться мысли и чувства целого поколения...

Образ самого графа Огинского встает за строчками этих писем так отчетливо, как если бы он был нашим современником. Хотя... Любовь к родине, верность долгу, высокая порядочность, широта души, доброта, благородная простота в отношениях с людьми — можем ли мы, современные люди, его потомки, сказать, что эти его качества живут и в нас таким же естественным образом?..

Вниманию читателей предлагается подборка писем «Женщины пишут графу Огинскому». Первая часть составлена из нескольких писем к нему Алины Бертран. И здесь необходимо предоставить слово музыковеду Светлане Николаевне Немогай, пока единственному нашему исследователю, отважно взявшемуся за эти архивные материалы.

«Михал Клеофас Огинский был личностью поистине незаурядной, даже для своего времени, когда широта взглядов и увлечений считалась естественной у людей из высших слоев общества. Достойный представитель славного старинного рода Огинских, Михал Клеофас положил много сил и средств в трудах во имя добра и благополучия своей Родины, земли своих предков, — как талантливый дипломат, видный политик и активный общественный деятель. Но все же и современникам, и потомкам он был известен, прежде всего, как автор лаконичных, но необычайно талантливых, мелодически выразительных полонезов и романсов — истинных музыкальных жемчужин.

Музыка Огинского — явление феноменальное в своем роде: несмотря на ее удаленность от нас во времени, мы ясно и отчетливо воспринимаем то, что хотел донести ее автор до каждого своего слушателя — если сердце слушателя неравнодушно к музыке и живо любовью к своей родине.

Неудивительно, что музыкальный гений Огинского привлекал к нему многих известных музыкантов, артистов, художников, — граф был хорошо знаком или даже дружески общался с ними. В круг его общения входили Гайдн и Моцарт, Вебер и Курпинский, пианисты Муцио Клементи и Йозеф Вёльфль и многие другие. Творческие связи Михала Клеофаса становятся особенно активными в последний, флорентийский, период его жизни. Возможно, мысленно пересма-

тривая свой жизненный путь, он все более осознавал иллюзорность своих политических амбиций и, с другой стороны, все яснее ощущал свою причастность к вечным духовным и культурным ценностям.

В последние годы жизни, вдали от своей семьи, одинокий граф охотно искал общения с музыкантами, певцами и композиторами, среди которых было немало представительниц прекрасного пола. В кругу адресатов князя — замечательная польская пианистка и композитор Мария Шимановская; покровительница таланта молодого Ференца Листа маркиза Мария Мартеллини; хозяйка знаменитого художественного и политического салона Анжелика Пали; актриса Вирджиния Орлова и многие другие любительницы и покровительницы искусств. Какие разные судьбы, характеры, взгляды на жизнь!.. Среди этой обширной корреспонденции обращают на себя внимание написанные красивым «литературным» почерком, подробные и живые письма Алины Бертран. Кто же она такая?

Алина Бертран, выдающаяся арфистка своего времени, родилась в Париже в 1798 году. Как сообщает Огинский в своих «Письмах о музыке», она была ученицей знаменитого Марселя де Марена, которому не было равных в искусстве импровизации и блестящем исполнении на арфе даже баховских фуг и других произведений, первоначально для арфы не предназначенных.

В 1820 году состоялся дебют молодой арфистки в Париже, и она сумела поразить даже столь искушенную и капризную публику редкой силой и смелостью своей игры. Первый большой успех определил ее дальнейшую судьбу: она получила титул арфистки французского двора, а вскоре начались ее длительные концертные турне по Голландии, Германии и Италии, принесшие ей европейское признание.

Но что скрывалось за аплодисментами, цветами, славой? Какова была цена приобретения громкого имени в музыкальном мире? Именно об этом Алина Бертран «исповедуется» своему другу и покровителю — Михалу Клеофасу Огинскому. Ее письма очень открытые, теплые, эмоциональные, порою даже чувственные. В них — беспокойная душа молодой девушки, ее сомнения и надежды, тревоги и радости. Почему же столь «трепетен» тон писем молодой артистки?

В начале XIX века женщина, отважившаяся зарабатывать себе на жизнь творчеством, в частности музыкой, была скорее исключением и уж точно — редкостью. Лишь единицы из представительниц «слабого пола» решались бросить вызов вековым патриархальным традициям и принимали на себя всю тяжесть жизни концертирующего артиста — с ее долгими переездами, непредвиденностью, бытовой неустроенностью и неуверенностью в завтрашнем дне.

Нетипичная для того времени личность женщины — профессионального музыканта вызывала в обществе удивление, а иногда и неприязнь. Поэтому вполне естественно, что Алина Бертран искала опоры, отеческой заботы и даже простого человеческого участия у людей обеспеченных и вместе с тем открытых для искусства и талантов. Михал Клеофас в этом отношении был своего рода эталоном, сочетая в себе материальный достаток, жизненный опыт, мудрость и высокие нравственные качества.

В 1824 году Алину Бертран представил Огинскому основатель известной итальянской нотоиздательской фирмы Джованни Рикорди, и уже через год, как свидетельствуют письма, ее отношения с покровителем переросли из официальных в дружеские. Молодую арфистку и графа разделяли 33 года разницы в возрасте, и сблизила их, несомненно, общая великая любовь к музыке.

Рациональная сторона личности Михала Клеофаса, особенно в молодые годы, была отдана политической и общественной деятельности, зато душевная, эмоциональная — творческому началу. Именно поэтому его особенно привлекали к себе личности неординарные, с богатым внутренним миром, и Алина Бертран, безусловно, была одной из них. Арфистка, композитор и, по всей вероятности, привлекательная женщина, Алина, общаясь с графом лично и в переписке, давала ему минуты вдохновения, радости, и возможно, напоминала ему о его бурной

молодости, похожей на приключенческий роман. В свою очередь, Огинский стал для молодой артистки покровителем и старшим другом, который всегда поддерживал ее на славном, но тернистом пути «бродячего музыканта».

Плодом этой замечательной дружбы стала «Фантазия Алины Бертран на темы полонеза Огинского Фа мажор» (этот полонез был самым известным в то время произведением Огинского). Именно об этой «Фантазии» Михал Клеофас вспоминает в своих «Письмах о музыке»: «В конце 1826 года во Флоренции я был приятно удивлен, услышав на публичном концерте в театре *de la Pergola* в исполнении госпожи Алины Бертран, знаменитой арфистки, связанной с французским двором, фантазию для арфы, написанную ею на тему полонеза Огинского и напечатанную сначала в Париже, а позже в Милане».

Михал Клеофас как никто другой умел видеть и ценить «божественную искру» в музыкантах и потому еще в 1828 году предрекал Алине Бертран большое будущее: «Выдающийся талант, благодаря которому она приобрела уже значительную известность, позволяет надеяться, что в будущем она займет одно из первых мест среди самых знаменитых арфисток».

Но судьба рапорядилась иначе. В 1833 году во Флоренции граф Михал Клеофас Огинский умер. Не сказалась ли утрата такого верного друга на заботливо опекаемой им Алине Бертран? Спустя неполных два года — в возрасте Пушкина и Моцарта — она тоже ушла из жизни в расцвете сил, творческих планов и надежд. Причиной смерти, как свидетельствуют скупые источники, стала «нервная лихорадка»... Этот старинный диагноз звучит странно в наше время, но, возможно, именно он наиболее точно отражает то перенапряжение, в котором жила и творила эта прекрасная женщина…

Подобно творениям Михала Клеофаса Огинского, музыка Алины Бертран пережила свое время: она издается и исполняется по сегодняшний день. «Говорящими» свидетелями той давней эпохи предстают перед нами письма Алины Бертран, перевод которых на русский язык с необходимыми пояснениями впервые предлагается читателю».

Парма, 22 июня [1826][1]

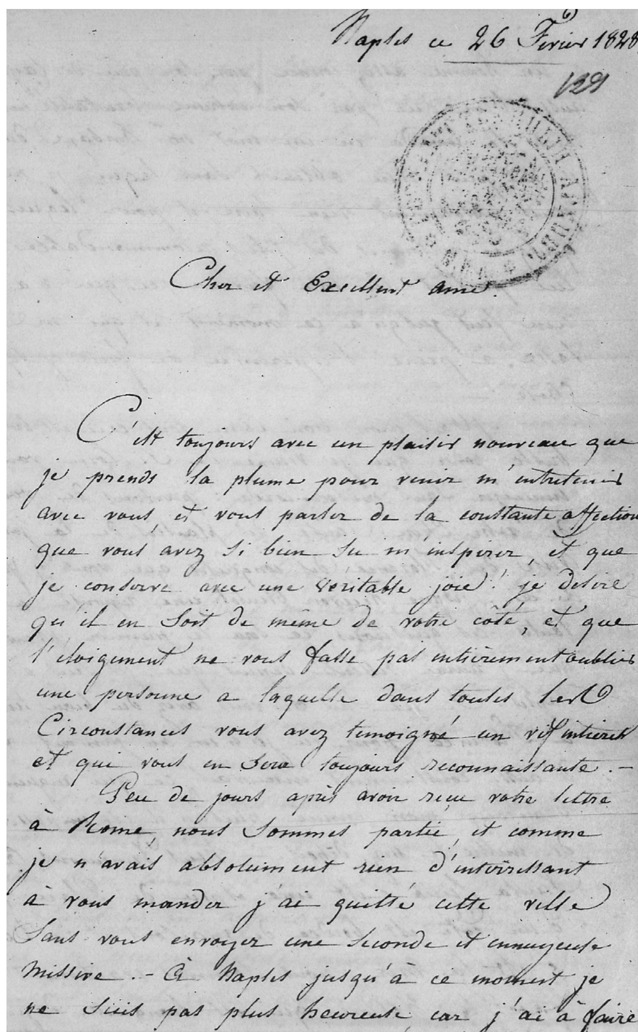
Как счастлива я этим утром, дорогой и любезный друг! Письмо от Вас!.. Только Бог знает, насколько оно долгожданно!.. Два курьера без вашего письма — и вот уже ничто не могло сравниться с моим нетерпением, поэтому я отправила человека на почту за целый час до ее открытия, и наконец-то он принес мне то, чего я так давно-давно жажду!

Я думала, что Вас не было во Флоренции, и находила это отсутствие очень долгим; теперь Вы извещаете, что были серьезно больны, и потому мне жаль, что я сейчас не во Флоренции, — каким утешением было бы для меня, если бы я могла немного облегчить Ваши страдания!.. Но скоро настанет время, я надеюсь, когда я сама смогу ухаживать за Вами.

Бедный друг! Как я сочувствую Вам в том, что Вы так далеки сейчас от тех, кто Вам дорог! Ах! Как это грустно! Как грустно! <...>

В прошлый вторник я дала свой второй концерт в Парме и произвела беспримерный фурор; на нем было гораздо больше людей, чем на первом. Ее Величество — чудесная принцесса, которую я так люблю, — на сей раз дала мне не деньги, а дорогое украшение, которое принесло мне большую радость: когда я сажусь за стол, я даже кладу его перед собой и, любуясь им, ем с гораздо лучшим аппетитом!..

[1] Год не указан, однако известно, что выступления Н. Паганини во Флоренции, о которых упоминает А. Бертран, состоялись в июне и июле 1826 г. Эта исторически достоверная дата и позволила установить год написания данного письма.


Naples ce 26 Février 1828.

129

Cher et Excellent ami.

C'est toujours avec un plaisir nouveau que je prends la plume pour venir m'entretenir avec vous, et vous parler de la constante affection que vous avez si bien su m'inspirer, et que je conserve avec une véritable joie! je désire qu'il en soit de même de votre côté, et que l'éloignement ne vous fasse pas entièrement oublier une personne à laquelle dans toutes les circonstances vous avez témoigné un vif intérêt et qui vous en sera toujours reconnaissante. —

Peu de jours après avoir reçu votre lettre à Rome, nous sommes partie, et comme je n'avais absolument rien d'intéressant à vous mander j'ai quitté cette ville sans vous envoyer une seconde et ennuyeuse missive. — A Naples jusqu'à ce moment je ne suis pas plus heureuse car j'ai à faire

Первая страница неаполитанского письма Алины Бертран к М. К. Огинскому. 26 февраля 1828 г.

Я очень рада, что Вы музицировали у себя дома, — это должно было доставить Вам немало приятных минут. Я убеждена, что приезд во Флоренцию Паганини будет встречен с энтузиазмом; Вам повезет услышать его; я и себе желаю этого, так как у меня есть некоторые мысли насчет его таланта, от которых он, возможно, заставил бы меня отказаться, если бы я сама услышала его, и от этого мой интерес возрастает вдвойне. <...>

Я прошу Вас, дорогой Мишель, постарайтесь же преодолеть все препятствия — они словно нарочно накапливаются для того, чтобы помешать Вам приехать в Милан. Излишне говорить Вам, что я молюсь о том, чтобы письма, которых Вы там ждете, позволили Вам уехать как можно быстрее. Я понимаю, что Вы и сами хотите покинуть Флоренцию, так как сообщаете, что жара там становится невыносимой.

Завтра, в субботу, я выезжаю в Пьяченцу, где буду играть в воскресенье; я пробуду там два-три дня, а затем — сразу в Милан <...> я устрою дела таким образом, чтобы встретиться с Вами хотя бы на короткое время; я надеюсь, однако, что это будет на долгое время; мы решим это позже, а сейчас главное — увидеться.

В Парме я проводила время очень размеренно: вечерами мы с матерью ходили на прогулки по городскому валу — это одно из самых приятных мест для прогулок, в которых я когда-либо бывала. В воскресенье мы ездили ко двору в карете, а оттуда — в театр, но он настолько плох, что я посетила его только для того, чтоб уладить там свои дела.

Прощайте[1]*, дорогой и любезный друг! <...>*

Мама поручила мне от ее имени просить Вас навестить нас; она очень любит Вас, моя добрая мама, и разделит от всей души мою радость от встречи с Вами.

Прощайте! Далеко ли от Вас, близко ли, я всегда останусь вашим добрым и искренним другом.

До востребования, Пьяченца

---

[1] Обычная во французском языке формула окончания письма, дословно означающая «с Богом» (adieu). В отличие от русского «прощайте», не предполагает расставания надолго, и тем более, на всю жизнь.

Рим, 22 января 1828 г.

Дорогой граф и добрый друг!

Уже очень давно испытываю я желание позволить себе это огромное удовольствие — по-дружески немного побеседовать с Вами; душой я была готова всегда, но мое здоровье мне этого не позволяло. С тех пор как я покинула Флоренцию, я была больна, и настолько, что не могла ничем заниматься. Сильные головные боли не давали мне играть на арфе, и не успели еще они пройти под действием всяких средств и лекарств, как к ним добавились еще худшие боли в желудке, которыми я продолжала мучиться доныне.

Только два дня как я начала приходить в себя, и теперь надеюсь, что дело пойдет все лучше и лучше, и чтобы доказать себе это, я намерена в следующую субботу танцевать на балу у португальского посланника, который устраивает праздник — возможно, лучший из всего, что будет в Риме этой зимой.

А как Ваше дорогое для нас здоровье? Надеюсь, что оно настолько хорошо, как я этого желаю; оно всегда будет отличным — таково должно быть пожелание Вам всех, кто имеет счастье знать Вас... и мое особенно, потому что мне посчастливилось вызвать к себе Ваш искренний интерес. Почему не удается мне чаще общаться с Вами, чаще наслаждаться Вашей милой беседой, пользоваться Вашими превосходными советами? <...>

Как Вы проводите время? Часто ли Вы видите мадам де Мену? Здесь удивляются, что она еще не в Риме, — ведь именно в этом городе находится сейчас объект ее самой сильной привязанности. Правда ли, что г-н Смирнов дрался на дуэли с этим ее объектом? Как поживает г-н Борх? — Мне очень симпатичен этот очаровательный молодой человек...

Я до сих пор не пришла в себя от восторга перед прекрасными историческими памятниками Рима. Собор св. Петра превосходит всякое воображение — кажется, что сам Бог поставил его на землю, чтобы дать людям представление о Высшем величии. Ватикан тоже великолепен, но у меня было несколько иное представление о Картинной галерее; и еще, признаюсь, я недостаточно просвещена, чтобы оценить все достоинства картин Рафаэля... у него всегда только Девы или святые мученики. Я предпочитаю «Дидону» Герена[1] *всем Девам прошлых веков.*

А вообще, если Рим и сохраняет еще свою славу, то это скорее потому, что он живет воспоминанием о своем прошлом величии — ума и любезности его нынешних жителей едва хватило бы на третьеразрядное место среди самых обычных французских городов. К счастью для бедного Рима, несколько милосердных иностранцев привнесли в него на Святой неделе то, чем он сможет питаться весь оставшийся год!

У меня больше надежд на Неаполь, и я стараюсь укрепиться в этой надежде, потому что там мне предстоит пробыть дольше, чем в Риме, — к счастью, там есть мои знакомые французы и русские, потому что если бы пришлось ограничиться обществом итальянцев, то наше пребывание в Неаполе рисковало бы оказаться довольно скверным.

Боже мой, я боюсь сейчас поссориться с Вами, мой добрый друг, высказывая то, что я думаю об итальянцах: ведь Вы, должно быть, любите их, если благоволите жертвовать им часть своей жизни, пребывая в их стране! Впрочем, мне хочется верить, что прогулки на Променаде, красота итальянского неба и присутствие нескольких русских или польских друзей внушают Вам больше любви к Флоренции, чем самая красивая и умная из итальянок.

---

[1] «Дидона» Герена. Герен, Пьер Нарсис (1774—1833) — широко известный в то время франц. художник. Его картина «Дидона» изображает легендарную царицу-основательницу Карфагена.

Прощайте, я не могу более утомлять Вас. Моя маленькая семья вместе со мной нежно обнимает Вас и целует миллион раз.

Ваш лучший друг А. Бертран
До востребования, Рим

Неаполь, 26 февраля 1828 г.

Дорогой чудесный друг!

С удовольствием, всегда новым, я берусь за перо, чтобы пообщаться с Вами и сказать Вам о той неизменной привязанности, которую Вы сумели в меня вдохнуть и которую я продолжаю хранить с искренней радостью. Желаю, чтобы так же было с Вашей стороны и чтобы удаленность не позволила Вам совсем забыть особу, к которой во всех обстоятельствах Вы проявляли живой интерес и которая всегда будет Вам за это благодарна.

Через несколько дней после получения в Риме Вашего письма мы уехали оттуда <...> однако и в Неаполе до настоящего времени мне везет не больше, так как я имею дело с человеком, известным своей несговорчивостью и даже грубостью со всеми — короче говоря, с г-ном Барбайя[1]*, от которого я не могу ничего добиться, но без которого не могу ничего сделать, с которым несколько весьма влиятельных персон имели разговор в мою пользу, но это до сих пор ничего не дало мне, и он оставляет мне мало надежды, что сделает для меня что-либо!*

Но, добрый мой друг, все это слишком скучно, и я обращаюсь к Вам столь издалека не для того, чтобы немилосердно Вам докучать. Поговорим о Вас, о Вашем дорогом здоровье, об удовольствиях прекрасного города Флоренции, о Ваших победах в нем и... и... Я надеюсь скоро получить от Вас ответы на все эти вопросы, и это станет для меня первой радостью с тех пор, как я нахожусь в Неаполе. Не знаю, хорошая ли погода у вас во Флоренции, а здесь я давно уже не припоминаю столь длительной непогоды, что еще усиливает мою тоску, потому что невозможно высунуть носа из дому.

Мы живем на Санта-Лючии — это что-то вроде площади, с одной стороны окаймленной домами, а с другой — морем, и мы находимся как раз напротив Везувия, который уже несколько лет спокоен, так что можно предположить, что это лето не обойдется-таки без извержения.

Мы в восторге от прекрасного театра Сан-Карло и очарованы Лаблашем[2]*, которого слушали здесь несколько раз.*

Я вскоре увижу Вас, дорогой граф; не знаю, помните ли Вы, что однажды я говорила Вам о своем третьем приезде во Флоренцию <...> я остановлюсь в ней исключительно для того, чтобы провести несколько часов с Вами, насладиться в последний раз Вашей добротой, любезностью и увезти с собой как можно больше Ваших советов — вы ведь не откажете мне в них?

---

[1] Доменико Барбайя (1777—1841) — известный итальянский оперный импресарио. Организовывал постановки опер Г. Доницетти, В. Беллини, К. М. Вебера. По контракту с ним Дж. Россини написал 10 опер, в том числе «Отелло», «Моисей в Египте», «Дева озера» и др.

[2] Луиджи Лаблаш (1794—1858) — итальянский певец (бас) французского происхождения. В 1827 г. исполнил «Реквием» Моцарта на похоронах Бетховена, а в 1849 г. (вместе с Полиной Виардо) — на похоронах Ф. Шопена. Ф. Шуберт посвятил Лаблашу «Три итальянские песни». Начиная с 1852 г. Лаблаш в течение нескольких лет выступал в императорской итальянской опере Санкт-Петербурга.

Все это очень важно для бедной девушки, которая отбывает в долгое путешествие — прочь от семьи, без единого друга, без всякой поддержки, ах! Положение мое очень шатко; да придаст мне Господь смелости в этом предприятии и сил, чтобы его выдержать...

Несмотря на то, что я зареклась надоедать Вам сегодня, мой дорогой друг, я невольно, сама того не замечая, возвращаюсь к одной и той же мысли, которая поглощает меня всю целиком; но Ваша снисходительность меня простит, а Ваша доброта — пожалеет. <...>

Моя мать просит принять ее уверения в почтении к Вам; что же до меня, дорогой граф, да будет угодно Вам принять от меня самые искренние заверения в моей самой нежной привязанности, которую я сохраню к Вам на всю мою жизнь.

А. Бертран
До востребования, Неаполь

Вена 26 августа [1828][1]

Пусть хотя бы издалека дойдет до Вас это напоминание обо мне — не правда ли, дорогой граф? — но я не могла устоять перед желанием рассказать Вам о том удовольствии, которое получила только что от письма моей сестры: она сообщает мне, что ей посчастливилось видеть Вас, поговорить с Вами минутку и что Вы отзывались обо мне с обычной Вашей добротой; кроме того — что Вы пишете работу о музыкантах и что мне повезло обрести местечко в этой книге, которая не может не быть выдающейся, поскольку это Вы приложили к ней свой труд. Ах! Как я благодарна Вам за эту новость и за Ваши дружеские чувства ко мне — поверьте, дорогой Огинский, что никто лучше меня не знает настоящей их цены! <...>

Что до моего пребывания в Вене, то я как нельзя более удовлетворена им и рассчитываю провести здесь большую часть зимы. В июле я дала два концерта, и на втором соизволил присутствовать сам император — более того, он приказал выдать мне от него двойную оплату в сравнении с обычной. Перед этими концертами я играла еще в одном — с Паганини.

Все венские газеты писали обо мне тысячу приятных вещей, и мне очень хотелось узнать о них, но я ничего не могла прочесть по-немецки. Поэтому я попросила одну знакомую перевести на французский язык хотя бы одну из статей, и она любезно сделала это. Теперь я обязана дать Вам копию, чтобы Вы видели, как хорошо могут переводить немцы, — и пусть это останется между нами, но я теперь понимаю, насколько виновата в том, что тайком смеялась над их стараниями услужить и понравиться мне.

«Концерт м-ль Бертран

М-ль Бертран, арфистка французского короля, дала 10 июля концерт в Кёртнертор-театре[2]. <...> В один из перерывов, сделанных Паганини, она блестяще доказала свою чрезвычайно редкую беглость игры на этом инструменте, сыграв концерт для педальной арфы собственного сочинения. Очаровательная

---

[1] Не обозначенный в оригинале год данного письма, а также двух последующих писем, определен по известному факту триумфальных выступлений Н. Паганини в Вене с марта по июль 1828 г.

[2] Кёртнертор-театр («Театр у Коринфских ворот») — знаменитый венский театр XVIII—XIX вв. Среди премьер, которые состоялись в нем, оперы Й. Гайдна, А. Сальери, Г. Доницетти, 25-й фортепианный концерт В. А. Моцарта, 9-я симфония Л. ван Бетховена.

манера держаться в сочетании с юной красотой и приветливостью обеспечили бы ей, даже при заурядных способностях, расположение и аплодисменты публики, но ее необычайное умение управляться с этим прекрасным романтическим инструментом еще более подогрело интерес публики <...> В ней есть сила и изящество — именно этими качествами должен обладать виртуоз. <...> Затем м-ль Бертран сыграла фантазию на тему полонеза знаменитого графа Огинского. И здесь виртуозная арфистка явила еще больше свободы и грации; после этой части выступления на очаровательную и милую артистку обрушился шквал аплодисментов и ливень криков «браво»; ее вызывали еще и еще...»

Тысяча извинений, дорогой граф, но если я взяла на себя смелость переписать часть этой статьи, то это для того чтобы показать Вам: ничто не доставляет мне большей радости, чем возможность доказать Вам мою дружбу и посредством моих слабых способностей дать прозвучать Вашему имени и Вашим замечательным произведениям.

Не забывайте меня совсем и время от времени сообщайте о себе. <...> Ваш добрый и искренний друг

Алина
До востребования, Вена

Вена, 6 сентября [1828]

Мой дорогой граф,
позволю себе написать Вам сегодня два слова, чтобы попросить об одолжении! Я еще не получила от Вас письма, но когда это мое дойдет до Вас, я надеюсь, что уже получу Ваше, потому что желаю этого всем сердцем.

Имею удовольствие писать Вам сейчас не только для того, чтобы сообщить о решении, которое приняла, но и для того, чтобы подкрепить его Вашей доброй поддержкой. Я отправляюсь в Россию в начале октября и умоляю Вас соблаговолить присоединить ко всем добрым услугам, которые Вы всегда оказываете мне, еще и эту: дать мне с собой в Петербург несколько рекомендательных писем, в том числе и к Вашему другу г-ну графу Михаилу Виельгорскому — это ведь он так прекрасно играет на виолончели? (Чем только я Вам не обязана?) И еще: не знакомы ли Вы с графом Матвеем?[1]

Возьму на себя смелость прямо сейчас просить такое же письмо и к г-ну графу Орлову, поскольку знаю, что вы связаны дружбой с ним и с графиней; соблаговолите, дорогой Огинский, замолвить за меня несколько добрых слов — ведь когда пускаешься в такое дальнее путешествие, рекомендаций не бывает слишком много.

Я буду живейшим образом благодарна Вам за этот очередной знак доброго расположения ко мне...

Тысяча извинений за то, что должна внезапно прерваться, но курьер скоро отправляется. Что ж, это только приберегает для меня удовольствие потом

---

[1] Говоря о братьях Михаиле и Матвее Виельгорских, А. Бертран путает их имена. Именно *Матвей* Юрьевич Виельгорский (1794—1866) — русский граф, камергер императорского двора — был известным в свое время виолончелистом и большим другом М. К. Огинского. Его портрет кисти К. Брюллова хранится в Национальном художественном музее Республики Беларусь в Минске. Его старший брат, *Михаил* Юрьевич Виельгорский (1788—1856) также был известен — как композитор-любитель и музыкальный деятель (в частности, был другом и пропагандистом произведений Л. ван Бетховена). Р. Шуман называл Михаила Виельгорского «гениальным дилетантом».

еще раз поблагодарить Вас от всего сердца за эту помощь, если мне посчастливится получить ее от Вас.

Прощайте, дорогой и любезный граф. Примите еще одно уверение в моей нежной, искренней и глубокой привязанности к Вам, которую я сохраню на всю жизнь. Мои сестра и мать передают Вам свои наилучшие пожелания.

А. Бертран
До востребования, Вена

Вена 16 октября [1828]

Дорогой и любезный друг!

Сто лет уже напоминаю себе, что нужно написать Вам, — и чтобы выполнить долг перед Вами, и чтобы удовлетворить собственное желание, но тысяча мелких помех до сего времени удерживали меня. Итак, благодарю Вас от всего сердца за любезное рекомендательное письмо к графу Виельгорскому, которое Вы были так добры прислать мне. Граф может быть исключительно полезен мне в Петербурге, поскольку он сам очень талантлив и, к тому же, оказывает протекцию артистам с той же готовностью, что и его любезный кузен![1]

Конечно, никто и никогда не будет для меня лучше Вас — более обязательным, более услужливым; каким бы располагающим к себе ни был граф Матвей, я сомневаюсь, чтобы в нем были собраны все Ваши достоинства вместе — такое, дорогой друг, поверьте мне, встречается очень редко!.. И все же я приложу все старания, чтобы войти в его расположение, и если он проявит ко мне хотя бы половину той доброжелательности, которую всегда проявлял ко мне его любезный кузен, — я буду вполне удовлетворена. И кому я обязана этим новым знакомством? — Вам!

Я постараюсь обеспечить себя таким же письмом к княгине Куракиной, и я не премину передать от Вас привет г-ну Палиани[2].

Мне не терпится уже отправиться в путь, так как, скажу Вам по секрету, очень хочу оказаться сначала в Берлине: я имела честь играть перед семьей прусского принца во время их довольно долгого пребывания в Вене, и та любезность, с которой они меня приняли, обеспечит мне их протекцию в Берлине. К тому же, это ведь по дороге в Россию? Ваши советы направляют меня в эту страну, а они никогда меня не подводили — они для меня как доброе предзнаменование, и я надеюсь, что Ваши добрые пожелания будут сопровождать меня везде; мои же в ответ всегда будут с Вами, чтобы вновь увидеть Вас таким, каким мое сердце желает Вас видеть.

Однако я должна остаться в Вене еще на несколько недель. Здоровье моей сестры — единственная причина, которая удерживает меня здесь: она нездорова со времени своего возвращения из Неаполя — думаю, она говорила Вам о своих проблемах с голосом, когда имела удовольствие повидаться с Вами проездом через Флоренцию. У нее было совсем плохо с голосом, но она доверилась доктору

[1] Здесь допущена неточность: Михаил и Матвей Виельгорские приходились друг другу родными братьями.

[2] Джузеппе Палиани (1781—?) — итальянский певец и композитор, родом из Рима. Некоторое время жил в Париже, после чего в 1811 г. отправился вместе с семьей М. К. Огинского в Петербург и в течение следующих одиннадцати лет был связан с его домом.

Маринзелли, и улучшение наступило так явно, что я не могу прервать на полпути столь успешное лечение. Если его окончание будет таким же быстрым, как начало, то мне остается подождать совсем немного, и моя сестра обретет свой голос еще более прекрасным, чем прежде. <…>

Надеюсь, что смогу послать Вам известие о себе по приезде в Петербург, однако это будет еще нескоро, и потому, мой любезный друг, если у Вас есть немного свободного времени, то будьте добры написать мне в Берлин: я надеюсь недолго оставаться в Вене, и будет очень приятно, приехав в Берлин, сразу прочесть Ваше письмо. По приезде туда я немедленно отправлюсь на почту до востребования и затем сразу же отблагодарю Вас за эту предупредительность. <…>

Вижу, что мое письмо уже очень длинно <…> потому употреблю оставшееся на бумаге место, чтобы еще раз <…> заверить Вас в том, что, где бы я ни была, я буду думать о Вас всю жизнь, вспоминать о Вас с сожалением и непрестанно просить не забывать

Вашего старого друга Алину.

Предисловие, перевод писем, комментарии
Елены ЧИЖЕВСКОЙ, Светланы НЕМОГАЙ.

Искусство суждения

Иван ШТЕЙНЕР

Откуле же тогда мудрость приходить

Вольные размышления
по поводу *кнігі перастварэнняў* Алеся Рязанова
«Францыск Скарына. Маем найбольшае самі».
(Мінск: «Мастацкая літаратура», 2017)

Для настоящей поэзии, как и всего искусства в целом, одной из основных, онтологических проблем является проблема восприятия и усвоения наследия, *спадчыны*, с которой в свою очередь связаны иные, зачастую не менее значимые аспекты взаимодействия, в том числе проблема традиции и новаторства. Для Алеся Рязанова, поэта-новатора, все творчество которого воспринимается как глобальный эксперимент, она не сходит с повестки дня. Данные вопросы в самых различных вариациях он анализирует в версетах, зномах, интервью, литературоведческих статьях. Причем воспринимая сию данность всегда в совокупности всех составных частей и исключительно диалектически. Эволюция творчества, с точки зрения поэта, отнюдь не линейное, а дискретное, даже зачастую парадоксальное явление. Он считает, что для того, чтобы стать достаточно традиционным, необходимо быть достаточно творческим, потому что сама традиция наследует и наследуется противопоставляя и противодействуя. Без этого *против* она окажется только примитивным подражанием или даже заимствованием, и самое большее, чего сможет достичь, — повторить найденное и обретенное. Многоликость и внутреннюю противоречивость наследия, зачастую проявляющуюся и внешне, он воплощает (как всегда, метафорически и оригинально) в одном из версетов, который так и называется — «Спадчына»:

Калі яна цяжар — тады яна крылы,
калі яна вярэдзіць — тады яна гоіць,
калі яна знясільвае — тады дае
сілу…
— Аднак з гэтаю ношкаю ты не здолееш
уступіць на неба, — перасцерагае
мяне першы анёл.
— А без яе зноў упадзеш у мінулае, —
перасцерагае другі.

Я іх абодвух разумею.
Пісягі і апёкі на маім целе.
Віхуры клічуць мяне падужацца.
Зямля — частка мяне.
І агністыя мечы анёлаў пільна
ўзіраюцца ў маю душу.

Положа руку на сердце, мы вынуждены признаться: к сожалению, наследие для нас — все еще мероприятие, условный фактор культурной жизни и сознания, музейный артефакт, нечто виртуальное. Чтобы оно ожило, обратилось реальностью, ему необходимо находиться не только *там,* но и *здесь,* не только в *горизонтальном* пласте своей исторической эпохи, но и в *вертикали* постоянного диалога с последующими поколениями. Данный процесс белорусский поэт сравнивает с классическим палимпсестом, что возникло по ассоциации с известным программным стихотворением Владимира Жилки. Наследие, *спадчына — усё яшчэ недастаткова адкрытая, усё яшчэ недастаткова вывучаная і ацэненая, яна не мае магчымасці выконваць у грамадстве сваю неабходную і адно толькі ёй уласцівую ролю. Неактывізаваная спадчына не проста прысутнічае ў пасіве, але бесперастанна траціцца, вычэрпваецца. Як энергія, якая неператвараецца ў карыснае дзеянне. Як святло, якое затульваюць каптуры.* Может, как раз в этом причина, что по существу изо всей древней белорусской литературы доносится до человека современного лишь слабое эхо Кириллы из Турова, Франциска Скорины и, возможно, Льва Сапеги.

Подобное состояние вещей, как и интерес А. Рязанова к истории родной литературы, объясняется противоречиво впечатляющим открытием: мы одновременно чрезвычайно бедны и, как это ни парадоксально звучит, богаты. Бедны потому, что забыли о золотоносных пластах отечественной культуры, не аквитизировали их, оставили только исследователям древней литературы, которые в силу разообразных причин не способны поделиться радостью найденого и обретенного с широкой общественностью, активизировать наследие, вернуть в день настоящий, сделать полезным и перспективным. Мы чрезвычайно неосмотрительны, если забываем о подобных сокровищах. И оставляем их только как свидетелей конкретного духовного или религиозного противостояния, полемики, введений в основы конкретной конфессии. Если бы мы выделили чистую поэзию из этих временных напластований, то у нас были бы неопровержимые доказательства того, что развитие национальной культуры не прерывалось ни на мгновение, а белорусская литература — одна из самых богатых в Европе. В подтверждение тому — недавнее открытие исследователей: в «Малой подорожной книжице» Франциска Скорины обнаружено три молитвы Кириллы из Турова.

Национальные сокровища оставили духовную память белорусов не потому, что это свойство всех *заклятых скарбаў* — появляться и исчезать, исчезать и вновь появляться. И не согласно воле некоего предопределения свыше сложилась подобная ситуация. Ведь все заклятия создаются и воспроизводятся-произносятся словом. Заветным, а потому известным и тем более понятным очень немногим.

Избранным. А за пять веков изменился не токмо человек, но и сам язык, да и вся знаковая система, духовный шифр нации. В силу этого многие заветные слова зазвучали по-новому или приобрели до сих пор несвойственный им смысл. Пароль изменился, причем кардинально. Код доступа неизвестен. Именно поэтому необходим волшебник, колдун, способный разгадать письмена, и следовательно, тайну, *сокрытую в нихъ*, и возвратить ее наследникам. Только в таком случае состоится диалог, в котором уже *apriori* присутствует одно начало: то, что создано в прошлом. Теперь нужно его активизировать в современность, перезагрузить, натурально воплотить в нынешнее. Затем включить эти полюса, между которыми и заискрится реакция возрождения.

В одном из своих *зномаў* А. Рязанов в очередной раз нарекает на то, что до этого времени наследие существует само по себе, оно совершенно не освещено нашими совместными вниманием и познанием-постижением. И хотя некоторые ещё более-менее знают, что и где хранится, этого чрезвычайно мало, чтобы наследие стало составной частью национального самосознания.

А вот в таком виде, в каком сохраняется у нас теперь — непрочитанным и непостигнутым, не включенным в современный литературный процесс, — оно может только утрачиваться, теряться и, наконец, совсем умолкнуть. Поэт утверждает, что *спадчына не ў мінулым, а з мінулага: яна — вектар, які паказвае дарогу, яна — аблічча ўчалавечанага часу.*

Таким образом, в наследии красной линией выделяются две устойчивые ординаты, что обусловлено прежде всего ее исключительной амбивалентностью. Наследие постоянно прошлое и, как это ни парадоксально на первый взгляд, постоянно нынешнее. Причем одновременно. Плюс ко всему, своей сущностью оно находится в истории, а своей неповторимой специфичностью — в человеческих душах. А. Рязанов даже нашел глубокую закономерность в том, что у нищего забирают последнее, а богатому дается сверх того, что он имеет. Сокровищами прошлого владеет лишь тот, кто имеет силу их усвоить; тот, кому не предоставлена подобная возможность, в лучшем случае является ее хранителем, доля которого, как показывает практика, весьма незавидна. (Вспоминается кобра из новеллы Киплинга, охраняющая клад и пережившая на вековом посту силу своего яда. Или менее страшный Кащей, который над златом чахнет. И в первом, и во втором случаях эффективность работы сих стражей-церберов равна нулю — заклятые сокровища исчезают или обретают нового владельца.) Именно поэтому

ценность и значимость наследия не в сумме экспонатов, тем более сваленных в хаотическом беспорядке, а в способности этих артефактов отзываться на эхо, которое обращается к современникам их же голосами; если затихает эхо — умолкает наследие. Если оно не сохраняется, то исчезает. То есть, наследие — это нечто живое, способное не просто существовать в летаргии, но и активно, как океан Солярис Ст. Лема, саморазвиваться. Оно зачастую самодостаточно, что объясняется внутренней сущностью, благодаря которой и происходит процесс самопознания: *спадчына адбываецца як суразмова, у якой тое, што ёсць, самаасэнсоўваецца, ш т о* (разбивка поэта. — *И. Ш.*) *яно ёсць.*

К великому сожалению, древняя белорусская красная письменность в исключительной степени не активизирована, а потому практически не присутствует в современной национальной духовной традиции. В то же время подобное состояние вещей невозможно, да и не стоит объяснять только спецификой национального развития. Речь в данном случае идет о куда более сложных и серьезных закономерностях. А. Пушкин в 1830 году писал: *К сожалению, старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь, а на ней возвышается единственный памятник: «Слово о полку Игореве».* Начало всех начал русской литературы справедливо отмечает, что *словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной.* В 1834 году в статье «О ничтожестве литературы русской» он опять повторит, что кроме «Слова...», возвышающегося *уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности,* не знает ничего. Несомненно, что сему исключительному и не всегда обоснованному максимализму способствовал и тот факт, что древняя литература долгое время воспринималась как исток и первоначальный этап новой, ее *младенческое состояние* (Д. Лихачев), черновик будущей классики, тот самый палимпсест. На самом же деле это кардинально непохожие художественные системы, не связанные *ни по задачам, ни по содержанию, ни по форме, ни по литературному стилю, ни по своей, так сказать, природе* (Н. Никольский). Мы забываем, что поэтика произведений той эпохи обусловлена специфическим типом мышления писателя, его восприятия мира и художественного отображения, отношением к своему дару и задачам творчества, и конечно, Богу. В трудах ученых, игнорирующих подобное, церковная книжность начинает восприниматься как исходный этап литературы светской, а потому и анализируется по этическим и художественным принципам последней. При этом забывается, что произведение, утратившее конкретные условия своего бытия, перестает восприниматься как эстетическое явление.

Алесь Рязанов проводит своеобразный эксперимент, пытаясь постичь, какие эстетические достижения белорусов давних времен способны отозваться в третьем тысячелетии. И сам становится ретранслятором, усилителем, резонатором национальной классической традиции. До перевоссоздания скориновских произведений он издал *Кнігу ўзнаўленняў* (Мн., 2005), которая стала своеобразной живой водой для национальной культуры, ибо воскресила для современного бытия (а не только для музея) духовные артефакты: *Адамкнутыя паэтычным ключом, знямелыя творы старажытнай літаратуры нанава ўваходзяць у рэчаіснасць і нанава прамаўляюць тое, што яны казалі ў свой час.*

Пры ўсёй сваёй разнастайнасці яны ўзаемададаюцца і, сабраныя ў кнігу, уяўляюць беларускі кніжны эпас.

Алесь Рязанов зримо представляет, что в собственной истории любой человек, как и каждый народ, находит и обретает нечто свое. То, что не только зовет его, но и надеется на отзвук. Однако он не упускает из вида, что история все-таки воспринимается и человеком, и народом сквозь призму современности, через призму того, чем они являются теперь. Вспомним, наши братья чехи в XIX веке создали Краледворскую и Зеленогорскую рукописи в подражание древнеславянским поэтическим произведениям. Сетуя на отсутствие национального

героического эпоса, В. Ганка и Й. Линда выдали свои произведения за древние героические песни. Для этого талантливые мистификаторы архаизировали стиль, перевели тексты на старочешский язык, переписали их на пергамент и сочинили историю обнаружения. Рукописи сыграли исключительную роль в развитии национального самосознания народа. В нашем случае все происходит с точностью до наоборот — вспомним эффект прямой и перевернутой подзорной трубы или бинокля. Хотя стратегические задачи для славянских литератур едины. Белорусский поэт отказывается от изображения средневекового героического эпоса, богатого, разработанного, возвышенного, концетрируя свое внимание на произведениях онтологического, философского содержания, в которых показано восприятие белорусского Бога, Спасителя, мира реального и потустороннего, ада и рая, осмысление сущности жизни и смерти. (Произведения С. Будного, И. Потея, Я. Руцкого, К. Транквилиона-Ставровецкого.)

Свое присутствие в далеком прошлом Алесь Рязанов объясняет тем, что в наиболее интенсивные эпохи общественной жизни кардинально меняется контекст истории, даже сама мера контекста этой самой истории. В преломлении данной сентенции на себя он метафорически утверждает, что вдруг начал представлять себя гражданином Великого Княжества Литовского: *І гэтае адчуванне дапамагае мне ўваходзіць, скажам, у кантэксты іншых народаў як свайму чалавеку. Проста жыхар Беларусі — я не маю ўваходу ў тыя самыя кантэксты. У Еўропе і па-за межамі яе мяне вельмі кепска ведаюць, амаль не ведаюць. Але калі я станаўлюся жыхаром Вялікага княства Літоўскага, я папросту ўваходжу ў Еўропу, мяне там прымаюць і ведаюць.*

В определенной степени иронизируя, наш современник весьма серьезно оценивает подобную возможность, ибо хорошо понимает значимость исторических произведений в процессе самоидентификации народа. В то же время белорусский поэт, в отличие от коллег по цеху в славянских литературах, утверждает, что эпос может быть создан не только на основе фольклора или исторических событий. Эпосом может стать и возобновленная сумма произведений, уже существующих у нас, но только хранящихся в запасниках национального наследия. Подобное состояние он характеризует афористическим изречением — *эпас не доўгая форма, а доўгая дарога: з дому дадому*. Кроме того, отмечается еще один парадокс, заключающийся в том, что зачастую силуэты предшественников видятся ярче и выразительнее, чем фигуры современников. И даже естественная нехватка биобиблиографических сведений не только не препятствует, но в некоторых случаях даже способствует этому. Может, недостижимое обостряет слух и зрение, раскрывая перспективу? Или сущность вещей не туманится персональными присутствиями, открывая путь самой истине? Как бы там ни было, мы видим, что перед творцами уже в те далекие времена стояли исключительные задачи, с которыми они успешно справились. Обладая незаурядным талантом, они сумели «в метрах» изложить свое видение основных положений христианства, даже объяснить сущность каждой строчки заглавной христианской молитвы «Отче наш», раскрыть значимость родного языка для существования нации: *если она* (мова) *до конца згинет, с нею згинуть* (В. Тяпинский). Возрождение подобных основ во все времена будет содействовать тому, что угроза национальному существованию не посмеет подступиться к народу**.**

Именно поэтому отнюдь не *oratio pedestris* (*пешая речь*)*,* т. е. проза, а чеканная ритмика гекзаметров и упомянутая выше скрытость поэзии определяют и воссоздание совсем, казалось бы, не поэтического по своей сущности памятника древней культуры — Предисловия к Статуту Великого Княжества Литовского Льва Сапеги, названного Алесем Рязановым весьма просто и без затей — *Зварот да ўсіх саслоўяў.* Нашего современника привлекает не конкретная стихия юриспруденции, хотя и в ней звучит настоящая поэзия, достаточно просто услышать названия некоторых составляющих единое частей. Например, раздел десятый:

о пущу, о ловы, о дерево бортное, о озера и сеножати; или раздел одиннадцатый: *о гвалтех, о боех, о головщызнах шляхетских* самим своим звучанием подчеркивают великую эстетическую основу канцеляритов. Интересны в этом плане сентенции младшего современника нашего просветителя М. Монтеня: *Тысячи поэтов проходят свой путь, уныло плетясь, и их поэзия насквозь прозаична: зато лучшая античная проза блещет поэтической силой и смелостью и проникнута той же вдохновенной одержимостью, которая отличает поэзию. Поэзии, и только поэзии, должно принадлежать в искусстве речи первенство и главенство.*

А. Рязанов не только услышал поэтическое *Слово* в, казалось бы, таком далеком от искусства классическом образце мудрости совместной жизни гражданского общества — *Обачывали то усих веков люди мудрые, же в каждой речы посполитой человеку почстивому ничого не маеть быти дорожшого над вольность. А неволею так е маеть гыдити, же не только скарбами, ле и смертью ее од себе отганяти есть повинен. А прото люди почстивые не только маетности, але и смертью ее од себе отганяти есть повинен* — но и восстановил его первородное звучание. Внутреннюю поэзию, словно бриллиант из алмаза, постиг и изъял наш современник из *Тезеса* Язэпа Руцкого. В сферах бытия современного белорусского языка чрезвычайно трудно найти адекватные параллели стихии высокой книжности, имеющей славные традиции и осененной великой поэзией старославянизмов. И их механическое включение в современный текст подобно алмазам на рубище. Неслучайно белорусский поэт отказывается от слов *понеже, благій, изрядъных, благодати, прелесть*, заменяя их собственными, изобретенными и созданными именно для подобных ситуаций — *бачнае знакаванне, лагодань, з'яўленнях знакавых.* Казалось бы, нейтральное *тайны* заменяет на таинства, звучащие по-белорусски и возвышенно; *противустоятель Зизания — супротнічае Зізаній; некия знамения — з'яўныя знакаванні.* Хотя все-таки рязановское *і моцна хацеў* уступает скориновскому *И возрѢвновал есть тому*, так как в последнем слышится не только стремление внука продолжить дело деда, но и классически людское-человеческое — превзойти уже не только родственника, но и соперника в деле великом. И для этого есть все основания. А. Рязанов считает, что в переводе стихов нужно идти за тем, за чем идут они сами: переводить не слова и не строфы, а то, что *переводят* они, стихи, — *смысл, звукосмысл, духосмысл*. Именно поэтому перевод в отдельных случаях может быть совершеннее оригинала: *Традыцыя наследуе супрацьстаючы і супрацьдзейнічаючы. Без гэтага*

с у п р а ц ь яна апынаецца толькі перайманнем, і самае большае, чаго яна можа дасягнуць, — паўтарыць папярэдняе.

О доминирующем творческом начале в перевоссозданиях А. Рязанова свидетельствует многое. Так, вместо имени *Іосифъ* вслед за белорусскими медиевистами он употребляет обелорушенную форму имени *Язэп;* сокращает заглавие *Тезеса,* традиционно длинное в древней традиции — *сиреч Изъвестны предложенія от ученій, еже о тайных церъковных. На размышление къ общему состезанію данны. Честным отцем Іосифом Велямином Рутъским, иноком Закону святого Василія, в монастыру Виленъском Святое Живоначалное Тройцы. Состязаніе же се на обычном месте ученій будет, пры монастыры пред реченном. Року от народжения Христова 1608, месяца генваря, дня 11, часу второго по полудни,* заменяя его кратким и тоже поэтическим, но уже в несколько ином стиле, более адаптированным к современности, но сохраняющим барочную цветистость древности — *Дарунак, якi ўрэчаiснiваюць таемствы* — и подавая основное — *Тэзы* — только в скобках и в конце заглавия. Подобное он применит и в процессе поиска названий перевоссозданных предисловий Скорины. Наш современник находит мудрое афористическое слово или сентенцию и подает ее в не менее сконцентрированном виде, акцентируя внимание не на изменчивом и преходящем, а вечном.

Вспоминая классические *епиграммы* (в том, средневековом звучании слова) на герб ясновельможного пана Сапеги, иные образцы панегирической поэзии, А. Рязанов облекает не утратившее свою историческую (а иногда даже функциональную) значимость содержание в современную оболочку, которая своей ритмикой и тоникой покрывает первое венценосной порфирой, столь необходимой для подобных артефактов истории духа человеческого, введением в начало которого и является *Зварот*. Неслучайно он подчеркивал, что *суаднocіны традыцыі і наватарства знаходзяцца ў творы ў гэтакай жа непарыўнасці, як яго змест і форма.*

Именно подобные устремления и находят отзвуки в наше время. Алесь Рязанов интуитивно ощущает ток истории, поэтому процесс сведения кардинально отличных эпох в единое целое, органический сплав, а не конгломерат, становится значительным этапом в его собственной авторской эволюции. Он нашел новый подход к осмыслению и усвоению классического наследия и тем самым сумел выделить из него нечто сущностное и существенное, объединив на этой основе идейно-эстетические устремления писателей средневековья и XXI столетия. Он уже не на теоретическом уровне, как в зномах, а практически доказывает, что поэтическое произведение сильно не тем звуком, который слышится в процессе чтения, а эхом, возникающим после того, как звук исчезнет. Если звук-голос слышен через такой длинный отрезок времени, то это свидетельствует о его силе и верно избранной интонации, способных соединить поколения. Именно поэтому данная поэзия может присоединиться к высоким сферам, ибо, живя великими истинами, она так и не поддалась низким. В ином случае она просто исчезла б, словно та птичка, которая, разучившись летать, упала в полете и разбилась.

Кроме того, в структуру традиции обязательно входит и компонент будущего. Как это ни парадоксально звучит, традиция не только диалоги того, что есть, того, что было, но и того, что будет. А. Рязанов в чем-то близок Элиоту, который в эссе «Традиция и индивидуальный талант» писал: *Появившееся новое произведение искусства влияет одновременно на все предыдущие художественные произведения. Существующие памятники искусства создают идеальный порядок, согласуются между собой, но этот порядок неизбежно меняется с появлением среди них нового (действительно нового) художественного произведения. И теперь уже, чтобы возобновить совершенную последовательность художественных произведений, весь предыдущий порядок обязан измениться, хотя бы немного, и поэтому ценности каждого художественного произведения по отношению ко всем остальным произведениям приспособляются и создают между собой новую согласованность... Прошлое меняется под воздействием современного,*

как и современное руководствуется в своем развитии прошлым. Все это обозначает, что прошлое в эстетике, как и история вообще, абсолютно непредсказуемы. Причем несмотря на то, что еще Ф. Шлегель восклицал: историк — это вспять обращенный пророк. Значительные духовные достижения современности в состоянии повлиять на бытие предков, заставив их говорить через столетия на волне потомков, кардинально изменив код доступа. Тем самым образцы духовной традиции выстраиваются в новый ряд, создавая практически новое их восприятие. И вполне возможно, что именно теперь изменится восприятие многих писателей и мыслителей, как и их произведений, большинство из которых приобретет новую оценку.

Все сказанное относится в первую очередь к наследию Ф. Скорины. Белорусский поэт конца XX — начала XXI века выразительно изменил восприятие великого восточнославянского первопечатника, прежде всего как поэта. Ранее считалось, что только в четырех книгах Ф. Скорины, напечатанных в Праге — *Иов*, *Исход, Эсфирь*, *Юдифь* и содержатся стихи, являющиеся первыми образцами новой поэзии Беларуси. Их появление в определенной степени объясняется попытками христианских просветителей XVI века использовать поэтическое слово при распространении Святого Писания, поскольку стихотворная форма значительно усиливает воздействие канонических текстов на слушателя и читателя. Такая была установка немецких гуманистов, заметно активизировавших интенции в сфере стихосложения. Именно в этот период появляются своеобразные пособия, посвященные поэтическому мастерству: «De arte versificandi» (1511) Ульриха фон Гутена, «De verbo mirifico» (1514) Йогана Ройхлина. Годы издания данных пособий свидетельствуют о единстве задач первых европейских книгоиздателей, ищущих средств дидактического и художественного воздействия на человека посполитого, впервые обращающегося к Вечной Книге мудрости. А. Рязанов вслед за некоторыми учеными, в частности П. Берковым (а может, и скорее всего, независимо от них), интуитивно почувствовал, что между стихами первопечатника и прозаическими предисловиями и послесловиями не существует неприступной принципиальной разницы. Уже было предположение, что, записав прозу Ф. Скорины стихотворной формой, ее можно считать поэзией, так как ей присущ *parallelismus menbrorum* (параллелизм членов), в которых в свою очередь доминирует поэтическая единица библейского стиха. Неслучайно наш первопечатник начинает свою деятельность именно с издания Псалтири, сокровищницы лирики Древнего Завета, поэтическое воссоздание которой стало главенствующей во всех христианских литературах на протяжении многих столетий. А. Рязанов настолько увлечен этим открытием, что *забывает* не только вирши Ф. Скорины, но и его акростихи и акафисты из предисловий, которые тоже, как считают, принадлежат просветителю. Они в значительной степени еще традиционны для европейской поэзии данного периода.

Сравним оригинал предисловий Ф. Скорины и его воссоздание А. Рязановым:

Псалом ест всея цѢрькви
единый глас,
свята украшаеть. Псалом всякую
противность, еже ест бога ради,
усмиряеть. Псалом жестокое
сердце мякчить и слезы с него,
яко бы со источника,
изводить. Псалом ест
ангельская песнь, духовный
темъян, вкупе тело пѢнием
веселить, а душу учить.

Псалом — суадзіны голас
усёй царквы Багаіснай,
ён упрыгожвае набажэнства
і аздабляе свята, а ростыркі,
злыбеду, вараженчу дзеля
Ўсявышняга Бога змірае.
Нават каменнае сэрца псалом
расчульвае і змякчае, і слёзы
з яго вытачае, быццам ваду з крыніцы.
Псалом — песнаспеў анёльскі,
цімвян духоўны: вучыць душу,
а цела вяселіць спевам.

Первые варианты обращения А. Рязанова к сокровищнице мудрости великого полочанина напечатаны в альманахе *Крыніца* (№ 9, 1995). Прежде всего были воссозданы «Предъмолъва доктора Франъциска Скорины в книгу Исуса Сирахова» под рязановским заголовком *У сціслыя словы ўкладаючы розум вялікі* («во кратких словах великий и множит розум замыкаючи», как звучало в оригинале); «Предословие доктора Франъциска Скорины с Полоцька в книги Иудиф-вдовицы» под титулом *Як пчолы бароняць вуллі свае;* «Предословие доктора Франъциска Скорины с Полоцька в книгу Песнь Песням царя Соломона» под заглавием *Прарочыў цар Саламон*. Пять разделов под общим заглавием *Дзеля дабра паспалітага* были напечатаны в журнале «Дзеяслоў» (№1, 2017). Для рецензируемой книги было добавлено еще около десятка глав. Причем произошло не просто механическое добавление, а концептуальные, структуральные изменения, что наиболее заметно в разделах, где перевоссоздаются предисловия в Книге Царств и Закона Моисея.

В издательской аннотации подчеркивается: *Францыск Скарына — паэт: у тэкстах яго прадмоў да кніг Бібліі прысутнічае паэтычны пачатак. Перастораныя Алесем Разанавым на сучасную беларускую мову, яны становяцца з'явай самой паэзіі.* В целом А. Рязанов практически доказал концепцию поэтического начала предисловий Ф. Скорины, показав это на смысловом, лексическом, синтаксическом, стилевом уровнях, не забывая о великом эстетическом начале уроков первопечатника. Он сумел не только постичь последнее, но и перенести его заветы через эпохи в наш день:

Понеже от прирожения
звери, ходящие в пустыни,
знаютъ ямы своя;
птицы, летающие по возъдуху,
ведають гнезда своя;
рыбы, плавающие по морю,
и в реках
чують виры своя;
пчелы и им подобныя
боронятъ ульев своих, —
тако ж и люди,
игде зродилися и ускормлены
суть по бозе,
к тому месту великую
ласку имаютъ.

Як звяры,
што блукаюць у пушчы,
ад нараджэння
ведаюць сховы свае,
як птушкі,
што лётаюць у паветры,
помняць
гнёзды свае,
як рыбы,
што плаваюць у моры і ў рэках,
чуюць віры свае
і як пчолы
бароняць вуллі свае —
гэтак і людзі
да месца, дзе нарадзіліся
і ўзгадаваны ў Бозе,
вялікую ласку маюць.

Патина времени покрыла багет и краски древних картин, придав им необходимый шарм и благородство; восстановленная опытно-бережным реставратором, она заблестела в лучах реального солнца бытия, а не музейного освещения. Восстанавливал-возрождал же артефакты не ремесленник, а мастер, талантливый творец с сенсорным душевным чувством времени. Ю. Тувим писал, что переведенное стихотворение должно показывать то же самое время, что и оригинал, т. е. внешне труд переводчика сродни ремеслу часовщика. А. Рязанов досконально слышит время, а потому процесс сведения эпох стал и для него этапом в собственной творческой эволюции. Каждый урок, связанный с временным экспериментом, не проходит бесследно для погружающегося в глубины очередной великой Атлантиды, исчезнувшей, казалось бы, навсегда. Белорусский поэт уже вырос из традиционного восприятия классики как чего-то незыблемого и статичного, он нашел и показал то, что объединяет поэтов Средневековья

и XXI столетия. Он знает и метафорически доказывает, что стихотворение значительно не тем звуком, который слышится именно в процессе чтения, а в первую очередь эхом, возникающим после того, как оно отзвучит.

В *Кнігу ўзнаўленняў* А. Рязанов вставил четыре раздела — *Напісана гэта кніга дваіста; Як золата пералітоўваецца агнём; Усёй грамадзе чалавечай* и *Псалом — песнаспеў анёльскі*. Последнее воссоздано и по-русски (печаталось в «Нёмане»), что подчеркивает корневое единство различных языковых стихий, а также способствует проникновению в творческую лабораторию поэта, постижению единства восприятия творцами XVI и XXI века:

А зовѢтся псалтырь гудба, едина
подобна к гуслям. Яко сам царь
и пророк поет, глаголя:
«Хвалите господа во псалтыри
и в гуслѢх». И сего для поставил
ест царь Давыд четырех вѢликих
ереов, их же избрал от всех людей,
Азафа и Емана, и Ефана, и Идифума,
абы гудли на псалтыри пред
киотом завета господьня и псалмы
абы припевали по вся часы,
яко пишеть о том в первых книгах
Паралипоменона.

Псалтырь сродни гуслям:
игра на ней
сопровождает пенье.
Сам царь и пророк завещает
в своем песнопении:
«Восхваляйте
Бога на гуслях и на псалтири!»
И ради этого царь Давид
избрал из людского собрания
четырех
иереев великих
Асафа, Емана, Ефана и Идифуна,
чтобы они играли
перед ковчегом завета Господнего
и чтобы пели
все время псалмы —
как об этом
свидетельствует первый
Паралипоменон.

Выделение опорных словосочетаний и синтагм, классическая инверсия подчеркивают актуальность древнего документа, его право остаться в национальной истории не только экспонатом, но и артефактом реальности, прежде всего духовной: *У спадчыны дзве асноўныя ўласцівасці: захоўвацца і знікаць (знікацца). Калі пераважае першая — яна ператвараецца ў музейны экспанат, муміфікуецца, выпадае з току, а таму і з кантэксту часу, калі другая — становіцца тоеснай акту прыроды і, не належачы іншым часам, не належыць таксама сабе.*

А. Рязанов постиг и овладел поэтикой древнебелорусских образцов. Отказываясь от пословного переложения текста, он отходит от обманчивого созвучия древнего красочного слова, стремясь сохранить смысл и ритмику. Звучание и оригинала, и нового оригинала адекватно, современный читатель попадает в зависимость ритмологического лада, который достигается исключительным мастерством поэта и его абсолютным музыкальным слухом. Камертон современности адекватен звучанию из прошлого.

А в целом А. Рязанов считает, что язык необходимо не только лелеять, но и перевоссоздавать каждый раз перед или во время творческого акта. Когда-то В. Брюсов весьма скептически отнесся к языковым экспериментам Велимира Хлебникова, утверждавшего, что слова — это живые глаза для тайны, способные сквозь слюду обыденного смысла видеть второй смысл. Если в русской традиции подобные поиски действительно можно воспринимать как блажь, то для белорусского художественного опыта они были жизненно необходимы, особенно в сфере философской и религиозной поэзии. Сам А. Рязанов создает *Тварасловы* (*Крыніца*, № 11, 1994), в которых ищет белорусские эквиваленты словам высокого стиля, о которые до сих пор спотыкается белорусская красная

письменность. Эксперимент данный необходимо только приветствовать, ибо от его успешной реализации в значительной степени зависит дальнейшее развитие *высоких, горних* сфер белорусской поэзии и философско-религиозной мысли. С подобной проблемой уже сталкивался В. Короткевич, который не только пенял на бедность национальной терминологии в сфере науки и богословия, но и совершил рывок в преодолении зияющей бездны, грозившей эволюции национальной традиции.

В. Короткевич заявил, что *сучасная беларуская мова і сёння запінаецца на паняццях старадаўняй метафізікі і таго, што складала навуку магіі, астралогіі, дэманалогіі і іншых.* Он считал, что пора белорусскому языку вспомнить многие старые юридические, философские, вообще книжные слова, сделать все возможное и невозможное для глубоко философских идей, постичь натуральность звучания, дабы читателю, даже неподготовленному, стала доступной сущность философских диспутов и сама философия произведения. В. Короткевичу необходимы были для реализации творческой концепции новые пласты языка, чтобы в его поэтическом мире натурально слились философичность древних текстов, брутальная, гротескная ужастиковость средневековой литературы о ведьмах, новые научные термины и старые слова, с помощью которых возможно передать самые тонкие оттенки мысли и наиболее чувствительные движения души. Ведь даже А. Пушкин утверждал, что нужно довести русский язык до языка мыслей, *так как ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись*. За три года до смерти великий русский поэт считал первоочередной задачей *одновременно развить его самобытность и живость; я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность*.

А. Рязанов, филолог от Бога, создает собственные формы, в которых *единство мысли и звука* — именно так известный теоретик языка Потебня характеризовал слово — становятся натурально-национальными, естественно принимаются *мовай*, что было и доказано практически первоначально в *Кнізе ўзнаўленняў*, а теперь всесторонне и основательно в *Маем найлепшае самі.*

Так, слово **назидать** заменяет термином *знадукоўваць — павучаць каго-небудзь, адукоўваць,* стоячы *над его душой* и его производными; **плоть** — *самсць, матэрыя, што «саманалежаць» жывой істоце*; **плотский** — *самасны, самсоўны;* **надменный** — *звыдумны, той, хто мае пра сябе высокую думку, але, павышаючыся ў ёй, паніжае пры гэтым іншых;* **восторг** — *грайшч, стан надзвычайнай радасці, захаплення, шчасця, які, як вясёлка, грае з чалавекам і афарбоўвае рэчаіснасць у колеры раю;* **восхищение** — *звышчэнне, стан, які прычашчае чалавека да вышыні і ў якім чалавек дасягае сваё вышэйшае прызначэнне.* В подобном стиле решает А. Рязанов и ряд других проблем, от реализации которых отмахивались годами и с одинаковым успехом доценты с кандидатами, составляющие русско-белорусские словари, практическая польза от которых чаще со знаком минус. Так, поэт Рязанов находит доскональные эквиваленты таким старославянским и древнерусским вариантам, как: **глава** — *чалемец, чалец*; **опрометчивый** — *спараптоўны*; **смятение** — *зміштаванне*; **состязаться** — *здатнаваць, здатнавацца*; **самнасць** — *пол*; **строптивый** — *цупарты, цупарлівы, цупарысты*; **предел** — *краень*; **пренебрегать** — *недбаваць*; **благоветь** — *лабгавець*; **увещевать** — *улашчуваць*.

Пусть успокоятся блюстители-пуритане языковой чистоты, способные вспомнить превращение классического французского *театра* в славянское *позорище,* ибо каждое определение А. Рязанова имеет под собой вековую традицию национального восприятия мира, воплощенную наблюдательным взглядом художника. Так, *зміштаванне* — это **смятение** — *урываецца, нібы вецер, і прасочваецца, нібы вада, у прастору, асвойтаную людзьмі, і, парушаючы яе лад, змешваючы яе з'явы, змяшчаючы з месца яе прадметы, змушае людзей упадаць у роспач, трыво-*

жыцца і мітусіцца (по существу, перед нами *вершаказ* или, как в нижеприведенном примере, фрагмент научного доклада-экзерсиса: **блаженный** — *лабожны, суадносіцца з санскрыцкім labhate, што азначае «мае», «атрымлівае», з прускім labs, з латышскім labs, з літоўскім labus, што азначае «добры».*

Белорусский поэт нашел новые, исконно национальные формы, которые так натурально звучат в его цитатах из Библии и перевоссозданиях скориновской поэзии на современный литературный язык. Достаточно упомянуть слова *знадукоўваць, звыдумны, грайны, цупарты, святоўны, лабгавець, краень, спаемнічаць*. А вот как звучит *Блаженни плачющеися, яко тии утешатся: Райлівыя тыя, што плачуць, бо ўцешаны будуць*.

Помните, как поэты и прозаики пытались по-своему сказать за кота, который гуляет сам по себе. Как передать гораздо более прославленное *суета над суетами и все суетно и утисненне духово?* Классическая *суета сует* — в оригинальном звучании *hebel* от халдейского *habal*: дымиться, испаряться — обозначает никчемность, бесполезность, тлен, ненужность. Повтор слова с вариацией корня — не просто стилистический прием (у Скорины — *Сира сирим, еже по-рускии исказуется Песнь песням),* а подчеркивание градации (сравним современный бородулинский эквивалент — *Найвышэйшая песня, Песня над песнямі.*) А. Рязанов следует классической традиции — *Марнасць над марнасцю і ўсё марнасць і немарасць духа.*

Свое предисловие к книге перевоссозданий Алеся Рязанова главный хранитель наследия просветителя А. Суша назвал емко и метафорически: *Дарога да Скарыны*. С этим нельзя не согласиться. Ибо *напісана гэтая кніга дваіста — знутры для тых, хто мае духоўныя вочы і можа ўбачыць вялікія Божыя таямніцы, што запячатаны ў ёй.*

С точки зрения рецензента

Древнее как новое

По заслугам и признание. Будто именно об Иване Саверченко сказано. Судите сами: доктор филологических наук, профессор, директор Института литературоведения имени Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси. Успешно работает в области истории и теории литературы, медиевистики и компаративистики. На эти темы написал свыше 250 научных трудов. Среди них и четыре фундаментальные монографии: «Старажытная паэзія Беларусі: XVI — першая палова XVII ст.», «Сымон Будны — гуманіст і рэфарматар», «Кніжна-пісьмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняе барока», «Паэтыка і семіётыка публіцыстычнай літаратуры Беларусі XVI—XVII стст.». Кроме того, И. Саверченко успешно разрабатывает проблемы современной социальной философии, издал на белорусском и немецком языках брошюру «Чалавечае вымярэнне: інтэлектуальная і духоўная сферы». Результатом системного анализа межгосударственных отношений стала его монография «Міжнароднае супрацоўніцтва Беларусі: гісторыя і вынікі». Плодотворно занимается И. Саверченко и археографической, текстологической и переводческой деятельностью. Нельзя обойти вниманием и его литературно-художественные книги «Блеск короны» и «Улада пячаткі», герои которых — известные люди разных времен, своей деятельностью прославившие Беларусь. О некоторых из них он рассказал и в отдельных своих статьях, эссе, очерках.

Понимаю, что перечисление мною заслуг И. Саверченко несколько затянулось. Сделал это сознательно, ибо при внимательном рассмотрении сделанного им легко заметить, что все же основное внимание его сосредоточено на изучении истории древней белорусской литературы. Как раз в этом направлении он не только добился особенно значимых результатов, но и попрежнему продолжает работать в этом направлении. Достигнув же многого, не останавливается, не почивает на лаврах, как говорится. Понимает, что ему, пытливому, глубоко эрудированному ученому, вдумчивому исследователю, есть еще над чем работать. Особенно если поднимать пласты, требующие еще большего внимания. В этом убеждает и книга И. Саверченко «Шэдэўры пісьменства і літаратуры Беларусі X—XVII стагоддзяў», увидевшая свет в издательстве «Беларусь».

Предлагая читателю этот объемный том, он выступает сразу в четырех ипостасях, что уже само по себе свидетельствует о том, насколько многогранен его талант. Является автором большой вступительной статьи «Здабыткі беларускага мастацкага слова». Сам же подготовил богатые фактическим материалом комментарии, в которых рассмотрел как жизненный путь тех представителей литературы, о которых ведет разговор, так и особенности их творчества, их место в национальной художественной словесности. Да и не только белорусской. Эти произведения древней белорусской литературы сам перевел на современный язык. Не говоря о том, что и составил эту книгу, которую можно воспринимать и хрестоматией произведений письменности и литературы X—XVII столетий, и одновременно как бы историей рукописного и печатного слова этого большого периода.

Не отрицая значимости авторских комментариев, следует, однако, отметить, что как раз вступление к книге претендует именно на роль краткой истории отечественной письменности и литературы. «Здабыткі беларускага мастацкага слова» — это не просто вступительная статья в ее традиционном понимании, но и, несомненно, своего рода мини-монография, ибо во всей своей полноте соответствует этому жанру, который, как известно, обычно посвящается всестороннему рассмотрению какой-нибудь отдельной проблемы.

В самом начале статьи, исходя из того, что «пераломны момант у гістарычным лёсе беларускага народа — узнікненне ў IX стагоддзі пісьменства, якое адкрывала ўнікальныя магчымасці захоўваць інфармацыю і перадаваць яе наступным пакаленням», конкретизирует, как это происходило: «Беларусы пачалі выкарыстоўваць пісьмовае слова — неацэнны цывілізаваны набытак — дзякуючы падзвіжніцкай дзейнасці хрысціянскіх настаўнікаў-місіянераў. Ужо ў X стагоддзі на землях Полацкага і Тураўскага княстваў былі адкрыты першыя школы, а таксама скрыпторыі, дзе перакладаліся і перапісваліся богаслужбовыя кнігі. Неўзабаве пры княжацкіх дварах і ў кляштарах пачало развівацца летапісанне, з'явіліся арыгінальныя духоўныя і свецкія творы, якія арганічна ўбіралі традыцыі вусна-паэтычнай творчасці, абапіраліся на лепшыя ўзоры візантыйскай і заходне-раманскай кніжнасці».

Изящная словесность, на что также сразу обращает внимание И. Саверченко, выполняет несколько функций. Какую из них ни возьмешь, каждая по-своему важна, поскольку это то, без чего письменность, по сути, утрачивает свое значение, перестает быть важным коммуникативным средством в жизни общества. Функции эти таковы: духовные, познавательные, воспитательные и эстетические. Все это происходило в русле двух течений, взаимосвязанных между собой, — светского и религиозного.

Однако ввиду того, что в средневековой Беларуси существовали четыре течения христианства — православие, католичество, протестантство и униатство, следовательно, это оказало влияние и на литературу. Отмечает исследователь и такую важную особенность письменности и литературы древней поры: «Многія яркія творы старажытнай беларускай літаратуры — летапісныя аповесці, навелы, хронікі, якія адрозніваліся ідэйнай насычанасцю і мастацкай дасканаласцю, не мелі аўтарства. Ананімная літаратура адпавядала эстэтычным уяўленням таго часу, адлюстроўвала характар адносін паміж пісьменікам-кніжнікам і чытачом».

Сделав это своего рода вступление, дав в общих чертах характеристику того, что же представляло собой письменное слово того времени, исследователь переходит к основной теме разговора, постепенно углубляясь в отдельные периоды развития древней белорусской литературы. Как известно, многие процессы, происходящие в жизни, носят эволюционный характер. Литература X—XVII столетий — не исключение. «У яе развіцці, — подчеркивает И. Саверченко, — выразна праглядаюцца тры мастацка-эстэтычныя *пярыяды* (выделено самим И. Са-

верченко. — *А. М.*): Готыка (X—XV), Рэнесанс (XVI) і Барока (XVII)». Каждому из этих периодов дается исчерпывающая характеристика. Рассматриваются роды, виды и жанры литературы, свойственные тому или иному периоду. Называются и основные произведения, а также их авторы, если эти произведения не безымянные.

Подробные сведения и о самих авторах, и об их творчестве можно получить в разделе «Каментарыі», в котором также приведен обширный фактический материал. Опять-таки, количество сведений зависит от значимости самого произведения. В равной степени и от роли, которую сыграл тот или иной автор в истории белорусской национальной изящной словесности. В частности, И. Саверченко осмысливает то, что сделано Франциском Скориной, Сымоном Будным, Михаилом Гарабурдой, Львом Сапегой, Леоном Мамоничем и другими.

Обращает на себя внимание и анализ И. Саверченко анонимных произведений, как, например, «Сказанне пра запрашэнне варагаў», «Занатоўкі пра Рагнеду», «Слова пра славянскія плямёны, іх звычаі і пісьменства», «Аповеды пра Усяслава Чарадзея», «Аповесць жыцця і смерці Еўфрасінні Полацкай», «Сказанне пра бітву на Воркслe» и некоторых других. Привлекает в нем то, что в каждом конкретном случае исследователь, отталкиваясь от самого материала, дает ему именно свою оценку. Притом, а это в целом характерно для его научно-исследовательской манеры, неизменно придерживаясь современного подхода в оценках, успешно избегая крайностей в них.

Поэтому все древнее, с чем он знакомит читателя, воспринимается как новое.

Иван Саверченко в книге «Шэдэўры пісьменства і літаратуры Беларусі X—XVII стагоддзяў» придерживается хронологического принципа подачи материала. Разделы ее соответствуют трем художественно-эстетическим периодам в развитии древней белорусской литературы, а это, как уже отмечалось, — Готика, Ренессанс и Барокко. При подготовке этой книги автором, конечно, была проделана большая работа.

Могу допустить, однако, и это: кто-нибудь скажет, что в книгу вошло не все, что могло бы войти. Резон в подобном утверждении, конечно, есть. Но смотря что иметь в виду. Скажем, И. Саверченко высоко (и справедливо!) отзывается о «Песне пра зубра» Миколы Гусовского. Но самого текста или хотя бы отрывка из этого поэтического шедевра в книге нет. Авторский просчет? Не нужно спешить с таким утверждением. Как говорится, объять необъятное невозможно. Да и «Песню про зубра» легко найти в иных изданиях. Чего не скажешь о Филофее Утчицком, Григории Ходкевиче, Федоре Евлашовском… Да и некоторых других, о ком вспоминает, хотя и вкратце, И. Саверченко. Думаем, само собой напрашивается предложение со временем расширить эту книгу, превратив ее, например, в двухтомник.

Но это говоря о перспективе. Теперь же остается добавить, что книга «Шэдэўры пісьменства і літаратуры Беларусі X—XVII стагоддзяў», безусловно, найдет своих заинтересованных читателей. Это и сами ученые, и преподаватели высших учебных заведений, колледжей, средних школ. Нелишне с ней познакомиться и студентам-филологам, а также школьникам, готовящимся избрать себе профессию словесника.

Хотелось бы также, чтобы ее внимательно прочитали писатели, особенно те, которых привлекает историческая проблематика. Не в последнюю, а, скорее всего, в первую очередь, те, кто только вступает на литературную стезю, интересуется прошлым своей страны, своего народа. Отрадно, что среди молодых литераторов с каждым годом возрастает интерес к истории. К сожалению, у них не всегда под рукой оказываются нужные первоисточники. Книга И. Саверченко богата подобными материалами. Это как раз то, что поможет написанию интересных историко-художественных произведений.

Алесь МАРТИНОВИЧ

С точки зрения рецензента

Энциклопедия для всей семьи

Помните, у Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю»? Философ знание человека изображал в виде круга: все что внутри — знания, а область вокруг — незнание. У кого-то круг больше, у кого-то меньше. Чем больше круг, тем больше и область незнания вокруг. То есть умный человек осознает всю обширность знаний, которые он еще не смог постичь.

Если рассуждать по Сократу, то у ребенка, возьмем ученика младших классов, круг знаний небольшой, в силу возраста. Дети не задумываются над тем, сколько интересного и нового у них впереди, сколько чудесных открытий их ждет в будущем. Ждет, конечно, тех, кто захочет их совершить, прилежно изучая курс базовых школьных знаний и, возможно, заглядывая чуть дальше. Очень важно, чтобы у ребенка возникло стремление к знаниям именно в начальных классах. Но как привлечь его внимание к постижению окружающего мира? Ведь жизнь современных мальчишек и девчонок, кажется, уже до предела заполнена яркими картинками различных компьютерных игр, телепрограмм, публикаций в СМИ и т. д., кстати, не всегда полезных и необходимых им.

Ответ кажется более чем прост: нужно дать ребенку такую интересную книгу, которая с первых же страниц увлекательно, доходчиво и просто смогла бы рассказывать о том мире, в котором он живет.

Мне могут возразить: а разве мало подобных изданий выпускается сейчас? Полки книжных магазинов пестрят ими...

Согласна, книг для детей об окружающем нас мире сегодня издается множество. Вот только многие из них, к сожалению, имеют чисто коммерческую направленность... Думаю, лучше всего для развития интереса к знаниям ребенку подойдет энциклопедия. Но не «скучная», взрослая книга, а яркое, иллюстрированное детское издание. Ведь именно вокруг книг-энциклопедий, тем более выпускаемых таким высокопрофессиональным творческим коллективом, как Издательство «Белорусская Энциклопедия имени Петруся Бровки» и сосредотачивается круг авторов, способных решить эту задачу. И вот подтверждение: в прошлом году

в этом издательстве вышла «Большая энциклопедия маленького профессора», рассказывающая «о природе и погоде». Книгу подарили моей восьмилетней дочери.

Прежде всего, издание приятно удивило своим размером: компактное, в меру объемное. Оно не «отпугивает» детей своим внешним видом, как это делали старые советские, «тяжеловесные» подобные книги, а наоборот, привлекает удобным форматом, небольшим количеством текста и яркими иллюстрациями.

Составители «Большой энциклопедии маленького профессора» — заведующая редакцией естественных наук издательства Татьяна Жуковская, научные сотрудники Республиканского центра по биоресурсам НАН Беларуси Максим Колосков, Василий Шакун, а также научные сотрудники Института экспериментальной ботаники имени Купревича этой же Академии Владимир Лебедько и Сергей Савчук. И еще: в подготовке книги к изданию активное участие принимала группа студентов Института журналистики БГУ. Концепция издания — директора Издательства «Белорусская энциклопедия имени Петруся Бровки» Владимира Андриевича.

Как видим, в тесном сотрудничестве работали и опытные энциклопедисты, и молодые авторы. Конечно, как отмечает Татьяна Жуковская, это дает свои положительные результаты, ведь молодым легче общаться с детьми, но и работа составителей издания очень важна. Так, сама Татьяна Ивановна работает не только с научными изданиями для детей, но и пишет замечательные сказки, она автор двух детских книг. Как энциклопедист отвечает за всю серию «Маленький профессор», в которой вышло уже более 50 книжек.

Об этой серии знаем давно. Первые книги в ней вышли в 2011 году. Сначала они издавались в мягкой обложке, и каждая книжечка посвящалась одной определенной теме. Например, аисту, белке, муравьям, липе, снегу... в общем, различным представителям животного и растительного мира, окружающей нас среде. И назывались они конкретно: «Аист — символ Беларуси», «Серебристая зима», «Кто ты, белка?», «Тайная жизнь муравьев», «Золотое дерево липа» и т. д. Каждая книжечка из серии «Маленький профессор» великолепно иллюстрирована, в ней помещены чудесные фотографии, на которых можно подробно рассмотреть, например, внешний вид паука, мухи или какого-нибудь растения. В каждой много интересной и полезной информации по теме.

Пока дочь не умела читать, книги из этой серии мы читали вместе. Причем интересно было не только ей, но и мне. Например, знали ли вы, что милая белка, которую все хотят накормить семечками и орешками, далеко не вегетарианка? Оказывается, она ест также и муравьев, моллюсков, и даже птичьи яйца... Или, например, известно ли вам, что паутина — один из прочнейших материалов в природе?.. По прочности паутину можно сравнить со сталью такой же толщины. Или такое: когда идет снег, нам легче дышится потому, что снежинки очищают воздух от пыли и газов...

Вот и я, как некоторые взрослые, до знакомства с «маленьким профессором» не знала об этом — как тут невольно не вспомнить Сократа и его «круг знаний».

Книги перечитывались не раз позже дочерью уже самостоятельно. И ее однокласниками — ученикам 1-го, а сейчас уже 2-го класса.

Как сообщили в издательстве, небольшие книжечки серии будут выходить и дальше, а вот «Энциклопедия маленького профессора» — пробное издание. И его дальнейшая судьба зависит от того, вызовет ли книга интерес у юного читателя, учителей, да и родителей мальчишек и девчонок, или нет.

Книга посвящена, как уже отмечалось, природе и погоде. Кстати, выбор темы для первой книги «Большой энциклопедии маленького профессора», как мне кажется, удачный. Ведь изучение Вселенной, а это «весь

окружающий нас бесконечный мир», надо начинать, конечно же, с изучения нашей планеты.

Первый раздел «Земля. Вселенная» посвящен космосу. Знакомство с ним помогает любознательным юным читателям осознать безграничность Вселенной, познакомиться с ее устройством. Разве это не интересно, каков наш мир, из чего он сделан?.. Детишки утверждают: «Интересно».

Астрономию школьники начинают изучать только в старших классах, так как эта наука даволько сложная. Но создателям «Большой энциклопедии маленького профессора» удалось объяснить основы мироздания ученикам младших классов доступно, а главное, интересно.

«Существует три основных типа галактик: не имеющие четко выраженной формы, эллиптические (в форме шара или яйца) и спиральные. Галактику Млечный Путь образуют 400 миллиардов звезд. Из других крупных галактик к нашей ближе всего Туманность Андромеды».

Эту информацию, безусловно, каждый взрослый знает еще со школьной скамьи. Но как часто мы в повседневной суете останавливаемся, чтобы посмотреть на небо и подумать о безграничности окружающей нас Вселенной?..

Читая эту книгу вместе с ребенком, вспоминаешь, кажется, уже давно известную информацию и по-новому, по-взрослому переосмысливаешь ее.

Второй раздел книги рассказывает о такиях явлениях, как ветер, дождь, гроза, молния, снег, туман, радуга...

Все дети интересуются тем, что происходит вокруг них, и в определенный период своего развития начинают «засыпать» взрослых многочисленными вопросами вроде: «Почему идет дождь?», «Кто нарисовал на небе радугу?», «Сколько снежинок в сугробе?»

Будто бы и несложные вопросы, ведь в школе учились все взрослые, но как нелегко порой на них бывает ответить. Во-первых, вспомнить по прошествии 5—10, а то и более лет, почему все же идет дождь, бывает непросто. А во-вторых, как объяснить, например, первоклашке это явление понятно и доступно?.. Думаю, те, у кого есть дети младшего школьного возраста меня поймут. И тогда советую обратиться к «Большой энциклопедии маленького профессора». Эти и многие другие явления природы описаны в ней просто, легко и доступно. Например, о ветре: «…это природное явление, представляющее собой поток воздуха. Воздух не стоит на месте, он движется, потому что нагревается. Теплый воздух легче холодного: он поднимается вверх, а его место занимает холодный воздух. Это движение воздушных потоков и создает ветер».

Оказывается, такое сложное явление, как ветер, легко объяснить и школьнику младших классов, конечно, если разбираешься в теме и имеешь талант общения с детьми. Как мне кажется, это действительно талант, и к сожалению, дан он не всем взрослым. Читаешь книгу и понимаешь, что над ней работали люди, для которых дети — хорошие друзья и интересные собеседники. А также, что они — наше будущее и наше продолжение.

Объяснить то или иное явление, рассказать о чем-то важном, одного этого мало для юного читателя. Для того, чтобы заинтересовать его и привить любовь к знаниям через книгу, нужно чем-то удивить и поразить воображение. И как нельзя кстати для этих целей именно в научно-популярных изданиях подходят необычные и интересные факты по какой-то определенной теме. В «Большой энциклопедии маленького профессора» они, факты эти, размещены под заголовками: «А ты знаешь?», «Это интересно», «Запомни!»

Кстати, буквально весь фактический материал поражает и удивляет не только детей, но и их родителей.

Например, знали ли вы, что есть такая наука, как снеговедение? Или что в мире нет абсолютно одинаковых снежинок, но при этом все они имеют шестиугольную форму? Или это: если забраться на высокую гору, то можно

увидеть полную окружность радуги?.. Я — нет.

В разделе «Поры года» подробно описывается каждый месяц года: как ведут себя деревья и растения весной, летом, осенью, зимой, какие праздники отмечают люди...

И тут не обошлось без любопытных фактов: «Самый лучший мед — майский, ведь в этом месяце цветут практически все фруктовые деревья (яблони, вишни, сливы, груши), кустарники, некоторые медоносы. Поэтому майский мед по составу активных веществ самый полезный»…

Или раздел «Мир растений». В нем рассказывается о деревьях, кустарниках, лесных ягодах, медоносах, растениях-охотниках и о тех растениях, которые занесены в Красную книгу... Сосна, липа, береза, рябина, ель, дуб — эти деревья известны всем, но зачастую о них мы знаем лишь общую информацию. А вот, например, то, что сосновая живица способствует заживлению ран, снимает боль и останавливает воспалительные процессы, известно не всем. Оказывается, ее можно использовать вместо йода, если случится, что его нет под рукой в нужный момент. Информация не только интересная, но и очень полезная.

А вот любопытные сведения о березе: она «…дерево-пионер. Обычно березки первыми появляются на месте выгоревшего или вырубленного участка ельника. Растут молодые березки, вытягиваются, а под ними появляются маленькие елочки. Постепенно они подрастают и вытесняют березы. И снова восстанавливается еловый лес».

Хотя, наверное, детей больше всего заинтересует раздел «Растения-охотники». Оказывается, такие есть и в Беларуси: росянка, альдрованда пузырчатая, жирянка, пузырчатка...

Отдельный раздел книги посвящен грибам. Очень важно научить детей разбираться в них: знать о том, какие грибы съедобны, а какие нет, какие крайне ядовиты. Лисички, подберезовики, боровики — кажется, об этих грибах мы, взрослые, знаем все. Оказывается, нет. Например, меня удивил подберезовик, ведь это «сказочный» гриб. Он растет не по дням, а по часам. «Его масса за сутки увеличивается почти на 10 граммов, а высота — на 4—4,5 сантиметра! На шестые сутки гриб достигает пика зрелости, после чего начинает стареть. Вот и выходит, что живет подберезовик всего около 10 суток».

Раздел «Мир животных» разбит на своеобразные главы: о млекопитающих, птицах, рыбах, насекомых, пауках и домашних животных. И тут сразу возникает вопрос, а почему пауки рассматриваются отдельно, разве это не насекомые? Оказывается, нет. «Они относятся к особому классу беспозвоночных — паукообразным. Это практически единственные представители животного мира, способные плести паутину. В Беларуси обитает около 300 видов пауков».

К насекомым отнести паука нельзя, он и внешне отличается от других представителей этого вида: у насекомых тело «состоит из головы, груди, брюшка и трех пар ног. «Портрет» паука таков: «два овала, один всегда больше другого, соединенные узким стебельком. Больший овал — брюшко, меньший — головогрудь с придатками рта и четырьмя парами ног».

Самое важное занятие в жизни паука — плетение паутины. При помощи ее он ловит добычу, а это, между прочим, насекомые-вредители леса: комары и клопы, которые переносят различные заболевания.

Так что некоторые из нас зря пренебрежительно относятся к паукам, они чрезвычайно полезны и совсем не опасны для человека. По крайней мере, для жителей Беларуси, ведь в нашей стране не обитают ядовитые пауки.

«В течение дня паук съедает насекомых (особенно мух) не меньше, чем весит сам! Ученые подсчитали, что на теле одной мухи миллионы микробов, многие из которых болезнетворны. Значит, паук приносит огромную пользу, уничтожая мух».

О домашних животных юные читатели, особенно городские жители, тоже могут узнать много интересно-

го. Например, те, у кого есть собака, должны знать, что это животное боится громких хлопков, салютов, фейерверков. Собака может забиться в дальний угол, начать дрожать. Гладить в этот момент животное не стоит. Во-первых, от страха оно может проявить агрессию, а во-вторых, надо показать питомцу, что ничего страшного не происходит. Поэтому жалеть его не стоит, ведь собака очень хорошо чувствует настроение хозяина.

Любители кошек могут отметить в календаре еще один праздничный день: 1 марта — Международный день кошек.

Но домашние животные — это не только те, что живут с нами в одной квартире. Кстати, многие современные дети относят к домашним животным только кошек, собак и попугаев. На самом деле это те животные, которых человек смог приручить и поселил рядом с собой. (И тут не стоит забывать о деревне, где на сельских подворьях живут овцы, коровы, лошади и т. д.)

О них «Маленький профессор» рассказывает читателям тоже очень много интересного. Например, вы знали, что контрастные пятна на крыльях утки нужны ей не только для того, чтобы она могла покрасоваться перед подружками ярким оперением? Это яркое пятнышко называю «зеркальцем». «Оно служит для того, чтобы птицы могли опознать друг друга».

А вот интересный факт из жизни «петушино-куриной» семьи: «Цыпленок за несколько дней до вылупления из яйца начинает общаться с курицей-мамой, передавая свои эмоции разными звуками. Например, звонкий писк означает «пусти меня», чириканье выражает удовольствие, а громкий и резкий писк — тревогу, предупреждение об опасности».

В предисловии к книге сказано: «Хотите, чтобы ваш ребенок рос умным, находчивым, эрудированным и стал настоящим маленьким профессором? Тогда эта книга для него».

«Большая энциклопедия маленького профессора» — не просто книга для детей, а издание для всей семьи. Ведь узнавать что-то новое вместе со своими детьми, порассуждать над интересными фактами — достойное, а главное, полезное времяпрепровождение. Это еще одна возможность пообщаться, побыть вместе со своими детьми, чего нам нередко так не хватает в нашей суетливой жизни.

Ольга НИКОЛЬСКАЯ

С точки зрения рецензента

Автографы — живая память

Имя Сергея Панизника хорошо известно любителям белорусской литературы. Ему принадлежат сборники стихотворений «Кастры Купалля», «Палявая пошта», «Крона надзеі», «Чало і век», «Мацярык», «Літара ў расе», «На ўсе вякі» и др. Детям предназначены его книжки «Адкуль вясёлка п'е ваду», «Жыцень», «Мы — грамацеі». Также он автор документальных повестей «Браніслава», «Освейская трагедия», публицистической книги «Пасля вогненных вёсак». Большое внимание писатель уделяет сбору фольклорных источников, записывает песни, произведения других жанров устного народного творчества.

В центре внимания С. Панизника судьба родной страны, тяжкие испытания, через которые ей пришлось пройти, трудовые будни земляков, сложные человеческие взаимоотношения.

Известен Сергей Панизник и как переводчик на белорусский язык стихотворений латышских, литовских, русских, украинских и чешских авторов. В свою очередь, его произведения переводились на английский, болгарский, латышский, польский, русский, украинский и чешский языки.

В мае 2012 года в Национальной библиотеке в столице Беларуси Минске месяц демонстрировалась выставка «А роднае слова ў сэрцы віруе», посвященная семидесятилетию поэта и переводчика, состоящая из шести разделов, в которых экспонировалось более чем 120 изданий. Начиналась выставка с краткого, но емкого представления юбиляра: «Писатель Сергей Панизник — личность многогранная, один из носителей духовного багажа белорусского края. Неутомимый пропагандист культурного и исторического наследия своего народа, его художественного слова, он известен не только как поэт, но и как прозаик, переводчик и составитель разнообразных сборников. Значительные успехи достигнуты писателем не только в литературе, но и в разных сферах общественной деятельности».

В верности сказанного позволяет убедиться изданная в конце 2016 года канадским издательством «Меланння» книга-альбом «Аўтографы» («З кніжніцы Сяргея Панізьніка»), в которой помещены фотогафии обложек подаренных писателю книжных изданий более чем за полстолетия с дорогими для сердца автографами-посвящениями.

Несомненно, что альбом «Аўтографы» станет ценным источником представлений о творческих устремлениях авторов-создателей книг, в какой-то

мере помогая уяснять их жизненные и художественные приоритеты.

В этом отношении, собранные вместе автографы на книгах, подаренных Сергею Панизнику, являются своеобразным дополнительным источником для изучения истории белорусской литературы от шестидесятых годов прошлого века до наших дней, ибо в альбоме присутствуют фотографии обложек книг писателей, прочно прописавшихся в эти годы на страницах истории белорусской литературы, в чем убеждают автографы признанных белорусских поэтов, прозаиков, критиков и литературоведов. Читатель, листая книгу-альбом, встретится с дарственными надписями именитых литераторов М. Аврамчика, С. Александровича, Р. Бородулина, Я. Брыля, Г. Буравкина, В. Быкова, Н. Гилевича, С. Законникова, В. Короткевича, О. Лойко, А. Мальдиса, Э. Огнецвет, П. Панченко, А. Рязанова, Я. Скрыгана и многих других знаменитостей, чьи имена прописаны в белорусской словесности. Чувства воодушевления дарителей книг автору альбома наглядно проясняются в коротком тексте, содержание которого во многих случаях четко выражает гражданские творческие ориентации белорусских мастеров слова.

В книге присутствуют автографы белорусских философов, историков и краеведов Э. Дорошевича, В. Конона, Г. Кахановского, Г. Киселева, Г. Сагановича и других, в надписях которых отражается признание заслуг Сергея Панизника как плодотворного коллекционера в поисках колоритного краеведческого материала. Так, в посвящении А. Бельского на книге «Экалогія душы» подчеркнуто: «Сяргею Панізьніку — светланоснаму паэту і высакароднаму рыцару — на роздум, развагі і светлыя думкі пра Беларусь, яе будучыню. Зычу як мага больш радасных дзён і хвілін у жыцці, натхнення, усяго сапраўднага, Боскага і людскага», а Г. Киселев дарит свою книгу «Радаводнае дрэва» «Сяргею Панізьніку, які выдатна служыць Бацькаўшчыне паэтычным радком і справай — у знак сяброўства і захаплення».

О взаимоотношениях С. Панизника с поэтами других стран напоминают надписи на книгах русских писателей Д. Ковалева и С. Сартакова, украинских Р. Лубкивского, М. Львович, Д. Павлычко и Г. Пивторака, латышских И. Апине и В. Ливземниека, литовских А. Малдониса и С. Шимкуса, болгарского С. Поптонева, чешских В. Жидлицкого и П. Коваржика и других представителей национальных литератур, которые позволяют судить о широте и плодотворности многообразных соприкосновений белорусской словесности с соседними литературами. Этой же благородной цели служит изданный на белорусском языке сборник переводов Сергея Панизника «Сустрэча роднасных сусветаў».

Рассматривать автографы интересно не только ради ознакомления с почерком того, кто дарил книгу, что само по себе, признаться, тоже любопытно, но также интересна собственноручная надпись автора книги, за которой кроется какое-то литературное свидетельство. Так, Р. Бородулин в надписи на сборнике «Нагбом» в сущности метафорически характеризует отношение к своей поэзии, назначение своего призвания: «Дарагі Сяргей, прымі ад мяне гэты зборнічак, як сотую кропельку расінкі Беларусі».

Ряд надписей имеет афористический характер. К примеру, посвящение на сборнике стихотворений «Зорка гасцюе ў месяца» Марии Боровик звучит крылатым изречением: «Хачу я, каб душа з душой / Не пачувалася чужой» или на сборнике Галины Корженевской «Званы гадоў»: «Трэба вытрымка і сіла, / Каб дарога не стаміла».

«Аўтографы» напоминают о тех, с кем рядом Сергей Панизник трудился на литературной ниве и на общественном поприще, кто ему симпатизировал и кого он сам боготворил, чьи книги и почерки живо напоминают владельцу подарка облик человека, тембр голоса, взгляд и улыбку дарителя. «Вянут цветы на могилах, — отмечает Сергей Панизник, — а вот оставленные автографы-прикосновения хочется сохранить».

Тимофей ЛИОКУМОВИЧ

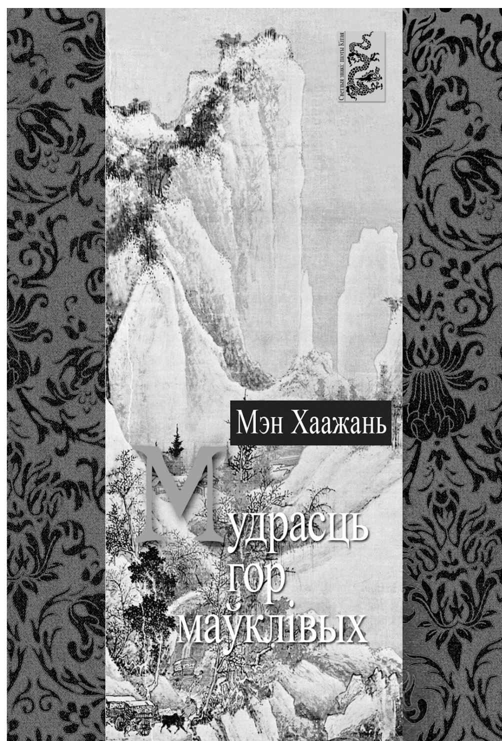
Литературное содружество

Уроки поэтической дружбы

Когда в 2014 году Беларусь книжная готовилась к встрече Китайской Народной Республики как страны — почетного гостя на Минской международной книжной выставке-ярмарке в феврале 2015-го, Министерство информации предложило Издательскому дому «Звязда» реализовать проект по переводу китайской литературы на белорусский язык. Только что в «Звяздзе» была издана авторская антология переводов лауреата Государственной премии Республики Беларусь Миколы Метлицкого «Под крыльями Дракона. Сто поэтов Китая». Работу отметили Специальной премией Президента Республики Беларусь. В литературно-художественных журналах время от времени появлялись публикации китайских поэтов-классиков на белорусском и русском языках. Словом, все основания для отважного шага вперед были. Так родилась новая книжная серия «Светлые знаки. Поэты Китая». Хотя итоги пока что подводить рано, мы все же решили поговорить с министром информации Республики Беларусь Лилией АНАНИЧ об этом знаковом проекте в деле укрепления литературных и культурных связей Беларуси и Китая.

— Лилия Станиславовна, почему именно поэзию выбрали для перевода?

— Сегодня все дружно говорят о том, что мало читают книгу на бумаге. Мало вообще читают художественную литературу. Мол, все больше читатель воспитывается Интернетом или хотя бы документальной книгой. Но я не соглашусь с этим. И сама читаю хорошую художественную литературу, обращаю внимание на новинки в прозе и поэзии и точно знаю, что насыщенным эмоциями, переживаниями, приносящим удовольствие является прежде всего чтение художественных текстов на бумаге. На страницах книги или журнала. Ведь столько лет все мы знаем и читаем Пушкина, Лермонтова, Купалу, Коласа, Кулешова, Панченко, Евтушенко, Ахмадулину, Стрельцова, Янищиц…



А сегодня так много говорят о Китае. Так почему бы не заглянуть в его художественные, поэтические миры?! Так и возникла новая книжная серия.

— Стоит заметить, что в 1940—1950-е и последующие годы была предпринята серьезная попытка освоить китайский поэтический материк и в русской литературе, и в белорусской…

— Да, даже Анна Ахматова переводила китайскую поэзию…

А что касается серии «Светлые знаки. Поэты Китая», то она, думаю, возникла из желания понять, какая сила может быть у поэтического слова, если оно живет среди читателей многих поколений. Посудите сами: Цюй Юань — первый лирический поэт Китая или первый из известных поэтов Китая — жил в 340—270 годах до нашей эры. Выходит, что возраст китайской поэзии — почти две с половиной тысячи лет… Еще немногим больше столетия — и поэзия Китая будет отмечать свои 25 веков!.. И только в двадцатом веке Анна Ахматова перевела легендарную поэму Цюй Юаня «Лисао»…

— И все-таки перед лицом считай что вечности белорусские переводчики смело решили включиться в процесс освоения китайского поэтического Космоса…

— С тем, что китайская поэзия — это Космос, не могу не согласиться. Но вот все-таки хотела бы заметить, что белорусские писатели давно были внимательны к китайской литературе. Еще в 1920-е годы классиков китайской поэзии переводил на белорусский Владимир Дубовка. Тогда он учился в Москве. В известном Брюсовском институте. Изучал китайский. И, вероятно, переводил с оригинала. Да и в разных поколениях русских востоковедов — немало уроженцев Беларуси. Вот, к примеру, и легендарный роман «Троецарствие», без которого, говорят, нельзя по-настоящему понять Китай и китайцев, китайскую культуру, перевел на русский язык уроженец Полоцка Владимир Андреевич Панасюк. Он же, кстати, — и переводчик романа «Сон в красном тереме». И таких фактов в нашей истории — близкой и далекой — можно отыскать немало. Все они — свидетельство большого интереса к Китаю в разные времена. Пожалуй, каждый белорусский школьник читал или, по крайней мере, знает о существовании такой книги, как «Полесские робинзоны». А вот мало кто знает, что ее автор замечательный белорусский писатель Янка Мавр в разных газетах и журналах писал о Китае. И хотя жил все время в Беларуси, не странствовал за пределами родины, Интернета тогда не было, но вот как-то писатель находил факты, источники, чтобы рассказать о Китае, видел в этом особый интерес… Может быть, поэтому какие-то звезды «подсказали» китайцам — и они уже Янку Мавра, его «Полесских робинзонов» перевели на китайский…

— Первые сборники серии «Светлые знаки. Поэты Китая» — перевод произведений классиков… Разве современному читателю, на ваш взгляд, все понятно в их художественных открытиях?

— Китайскую поэзию вообще без комментариев читать нельзя. Но это

не к вопросу о том, понятно или нет. Поэзия авторов из Поднебесной расширяет наши познания, позволяет приобрести что-то по-настоящему новое в философском осмыслении жизни. Уже первые книги серии, а ими стали сборники Ван Вэя, Ду Фу, Ли Бо, Ай Цина, показали, что в белорусской переводческой школе присутствует достаточный арсенал художественных средств для перевоплощения китайских символов, образов на язык Купалы и Коласа.

Издательские работники сумели организовать процесс собирания текстов так, что вместе сошлись и переводы прежних лет — в частности, прочтение чужой поэзии Рыгором Бородулиным, и новые работы. Интерес к китайской поэзии засвидетельствовали Наум Гальперович, Леонид Дранько-Мойсюк, Татьяна Сивец, Рагнед Малаховский. Наум Гальперович еще и не единожды побывал в Китае, воочию увидел удивительную страну, познакомился с ее народом.

— Сегодня в Беларуси достаточно китаистов. А вот в художественной литературе работают ли переводчики, знающие китайский язык?

— И мы тоже задумались над этим. И начиная с пятой книги — сборника стихотворений Ли Хэ «Песня бамбуковой флейты», стали работать с оригинальными текстами.

— Даже на русском языке, помоему, нет отдельной книги Ли Хэ… Хотя это поэт уровня Ду Фу и Ли Бо. Ничуть не меньше…

— Этого классика китайской средневековой поэзии, соглашусь, по масштабу равного Ду Фу и Ли Бо, открыла в Беларуси старший преподаватель факультета международных отношений Белорусского государственного университета Елена Романовская. Молодая китаистка, она подготовила и свои художественные переводы, и подстрочники для работы другим поэтам. В итоге появилась целостная, яркая книга. Были хорошие рецензии в периодической печати, о книге писали на самых разных Интернет-ресурсах. Сборник заметили в России и Украине. И что самое главное, сейчас белорусские филологи, которые изучают китайскую литературу, китайский язык, могут сравнивать, проводить параллели, могут использовать книгу и как своеобразное учебное пособие, могут анализировать, насколько удачным оказался творческий проект. Это позволяет сделать более интересным, более продуктивным и процесс изучения китайскими студентами белорусской литературы, белорусского языка.

— Знаю, что в развитии серии «Светлые знаки. Поэты Китая» издатели, участники этой работы не остановились…

— Уже сборник стихотворений Ван Гочженя — поэта конца XX — начала XXI столетия — мы выпустили на двух языках: белорусском и китайском. Яркий мастер художественного слова недавно ушел из жизни. И переговоры о праве на публикацию мы вели с его сестрой. Ван Гочжень в Китае и соседних государствах, в США и других странах в лишней рекламе не нуждается. Тиражи его книг в КНР перешагнули рубеж 10 миллионов экземпляров… Сестра Ван Гочженя попросила нас дать текст перевода рядом с оригиналами. Так и сделали. Теперь книга — еще и пособие по изучению китайского языка. Все члены международного редакционного совета серии, в который входят представители разных стран, с таким подходом согласились.

— Кстати, в совет серии входят и китайские специалисты?

— Да, конечно. И это нам здорово помогает в формировании проекта, в выборе авторов будущих книг. Назову всех китайских участников международного совета: господин Гао Ман — редактор китайского журнала «Мировая литература», который и сечас издается Академией социальных наук Китая; декан факультета русского языка 2-го Пекинского государственного университета иностранных языков Чжан Хуэйцинь; организатор и один из руководителей книгоиздательского процесса в Китае господин Чжан Хунбо; литературовед Лю Мяо; заместитель директора Республиканского института китаеведения имени Кон-

фуция Белорусского государственного университета Лю Сулин. Именно они подробно рассматривают каждое предложение. И они рассказывают нам, насколько современен тот или иной поэт в Китае сегодня, насколько его поэзия носит актуальный характер.

— Вы вспомнили Гао Мана…

— Удивительный человек!.. Еще в середине 1950-х годов он побывал в Беларуси. Посетил мастерскую великого скульптора Заира Азгура. Познакомился с белорусскими писателями, художниками. Уже в Китае в 1957 году встретился с Максимом Танком. А на следующий год подготовил переводы и совместно с Гэ Баоцюанем издал сборник стихотворений Максима Танка на китайском языке. Гао Ман — переводчик на китайский и книги лауреата Нобелевской премии Светланы Алексиевич «Цинковые мальчики». А еще он много и, как свидетельствуют китайские коллеги, хорошо переводит на китайский поэзию Анны Ахматовой, Тараса Шевченко… Перевод Гао Маном «Реквиема» Анны Ахматовой на китайский стал большим событием в Китае. Переводчик отмечен Российской Федерацией орденом Дружбы, ему присвоено звание заслуженного деятеля культуры Российской Федерации. Гао Ман — автор статей о белорусско-китайских литературных отношениях, о белорусском художнике Георгии Поплавском. Китайский переводчик всегда рад в Пекине белорусским гостям — встречал у себя дома Рыгора Бородулина, Анатолия Вертинского, Наума Гальперовича… Гао Ман известен еще и как художник-каллиграф. Он написал портреты Алеся Адамовича, Якуба Коласа, Янки Купалы, Светланы Алексиевич, Василя Быкова, Наума Гальперовича… Репродукции этих работ публиковались и в белорусской печати.

Так что в нашем международном совете люди не случайные. Мы с их участием спланировали выход книг классика Ли Цинчжао, поэта первой половины XX века Сюй Чжимо, средневекового мастера стихосложения Мэн Хаожаня…

— И все эти книги переведены с оригинала?..

— Сборник Ли Цинчжао нашелся в семейном архиве, где рукопись переводной книги, подготовленная известной белорусской поэтессой Нелли Тулуповой, хранилась почти двадцать лет. Ее в свое время не издали в «Мастацкай літаратуры». Спасибо родственникам, что сохранили такой труд. Эту книгу, правда, переводили с русского языка… А вот сборники Сюй Чжимо — он, кстати, пока что еще готовится к печати, и Мэн Хаожаня — это уже переводы непосредственно с китайского. К работе над книгами серии подключилась преподаватель кафедры китайского языка филологического факультета БГУ Дарья Нечипорук. Инициативный организатор, замечательный переводчик, она часто бывает в Китае. Думаю, что привезет из Пекина еще не одну творческую идею. Дарья привлекла

к переводческой работе и студентов, магистрантов, которые занимаются китайской литературой, китайским языком. Это особенно заметно по книге Сюй Чжимо, которая пока что находится в рукописи. Но надеюсь, книга очень скоро увидит свет… Знаю, что сейчас группа белорусских китаистов работает для серии «Светлые знаки…» над подготовкой книги Вэнь Идо… Уникальная, стоит заметить, личность. Родился в 1899 году. В семье помещика. Но происхождение никоим образом не помешало стать поборником интересов простого народа. Начал печататься Вэнь Идо в 1916 году. Окончив университет, уехал изучать литературу и живопись в США. Вернувшись на родину, активно изучал китайскую мифологию, памятники древней китайской культуры. Изучал творчество Тянь Цзяня. Был членом Демократической партии Китая. Вэнь Идо убили тайные агенты чанкайшистов. За то, что критиковал порядки авторитаризма, устанавливаемые националистами. Два сборника стихотворений Вэнь Идо — «Красная свеча» (1923) и «Мертвая вода» (1928) — и сейчас находят своего читателя. Вэнь Идо много переводят на разные языки народов мира. И вот пришла очередь белорусов заметить настоящего мастера китайского стихосложения.

— Ай Цин, Ван Гочжень, Сюй Чжимо, а теперь и Вэнь Идо — уже авторы серии, далеко выходящие за рамки средневековья…

— Безусловно, белорусских переводчиков интересует не только классика, но и современная поэзия, поэзия XX—XXI столетий… Кстати, и насколько я знаю, создатель авторской антологии переводов из китайской поэзии «Под крыльями Дракона» Микола Метлицкий сейчас работает над антологией переводов из китайской поэзии исключительно XX столетия…

— Там, наверное, и Мао Цзэдун будет представлен?..

— А почему бы и нет… Кстати, когда-то одно из его стихотворений перевел на белорусский еще Максим Танк… Знаю, что стихотворения Мао Цзэдуна печатаются в Китае и сейчас.

Проект «Светлые знаки…» — это еще и отражение многообразного, многопланового художественного и социального мироздания Китая… Поэтому и в проекте «Светлые знаки…» его устроители стараются всю эту многоплановость учесть…

— Остается пожелать творческому проекту долголетия…

— Отдельной библиотечкой представляется сегодня серия книг «Светлые знаки. Поэты Китая». А главное — ее по праву можно считать библиотекой дружбы народов Беларуси и Китая, своего рода основой нашей художественной, литературной дипломатии, способствующей пониманию и осмыслению интересов наших народов и стран. Мы надеемся, что и белорусская поэзия достойным образом будет представлена в Китае.

Тем более что в разные годы там уже были изданы книги стихотворений народных поэтов Беларуси Янки Купалы, Аркадия Кулешова, Максима Танка… Наверное, время более широкого внимания китайцев к белорусской поэзии еще наступит. Верю, что заметят в Поднебесной и Пимена Панченко, и Михася Стрельцова, и Евгению Янищиц, и Алеся Бачилу, и наших современников — Алеся Бадака, Раису Боровикову, Василя Зуёнка… Возможно, процесс этот могли бы ускорить литературоведы, университетские и академические, как в Китае, так и в Беларуси. Ведь важно — сопоставлять, сравнивать, вести речь о традициях в их приложении к разным культурам, тогда и интерес читательский будет значительно шире. Ведь пользуется интересом в Китае белорусская проза. Одного Ивана Шамякина издано как минимум с десяток романов и повестей. Так и с Василем Быковым. Изданы в Китае и «Я из огненной деревни» Алеся Адамовича, Янки Брыля, Владимира Колесника, «Блокадная книга» Алеся Адамовича и Даниила Гранина, пользуется большой популярностью наш белорусский лауреат Нобелевской премии Светлана Алексиевич.

Беседовал Кирилл ЛАДУТЬКО.

Коллекция

Опереться на книжную полку…

У меня, как, наверное, у большинства людей, давно и серьезно занимающихся литературным творчеством, собралось немало книг с автографами писателей.

Честно говоря, никогда не ставил себе целью получить от кого бы то ни было книгу с автографом. Тем более, ни разу никого не просил, чтобы мне расписались на заранее приготовленном или подвернувшемся по случаю листе бумаги, открытке и т. п., хотя много раз имел счастье видеть и даже слушать людей, скажем так, знаковых для века XX российской и белорусской литературы и шире — культуры вообще. Впрочем, посчастливилось многих не только видеть, но и знать лично, а с некоторыми даже быть в добрых отношениях. И при всем при этом как-то не додумался брать автографы, специально фотографироваться рядом и прочее. Тем не менее, в моей библиотеке наберется добрая сотня книг, в большинстве своем поэтических, с дарственными надписями авторов. Абсолютное большинство этих книг перекочевали в библиотеку моего доброго товарища Леонида Кривецкого, живущего, кстати, в деревне, причем в глубинке, но очень любящего книгу, литературу и многие годы собирающего личную библиотеку. Когда-то он писал стихи, печатался, посещал местное литобъединение. Со временем писание стихов оставил, поскольку, как человек образованный и начитанный, понял: ничего серьезного на этом поприще достигнуть не сможет, зачем понапрасну мучить себя и бумагу. А вот любить художественное слово, хорошую книгу Леонид Кривецкий, сельский медик, не перестал. Даже более того — книги стали его доброй страстью, и немалую часть своей не такой уж и большой зарплаты он долго еще тратил на приобретение книг. Тратит и теперь, правда, не в таком количестве. А вот поговорить про книжные новинки, про прочитанное для него по-прежнему все так же актуально и важно. Потому, наверное, мы с ним до сих пор и поддерживаем отношения, которые вполне можно назвать дружбой, — они проверены не одним десятком лет.

Почему книги, что мне дарили писатели и поэты, притом в большинстве своем весьма серьезно занимавшиеся (некоторые из них, к сожалению, уже покинули этот мир) и занимающиеся литературным творчеством, хранятся не в моей личной библиотеке, а в собрании книг другого человека? Все началось еще в середине 90-х прошлого столетия, когда я жил и работал в Москве, а в родной Пинск приезжал к матери, и как человек читающий, брал с собой книги. Тем более, весьма часто тот или иной знакомый литератор, даря книгу, просил почитать, поделиться мнением о его стихах, рассказах, повести, романе. В такие мои приезды ко мне из деревни обязательно наведывался мой товарищ из глубинки, гостил у меня, и конечно же, говорили мы о книгах, поэтах, писателях, литературе. Я видел, какими глазами он смотрел на книги с автографами московских знаменитостей, и однажды не устоял и подарил ему заветное издание с

автографом. Возможно, я поступил не совсем правильно, а возможно, очень даже по-человечески. Запросто мог попросить у известного московского поэта подарить мне другую книгу, мог купить ее и взять автограф. К тому же я никогда не ставил для себя целью иметь большую библиотеку, многие книги уже раньше отдал своему приятелю — пусть читает! Короче говоря, в пинской глубинке у человека, горячо любящего литературу, в личной библиотеке имеется не одна полка с автографами книг, что их авторы дарили мне. Разве не приятно осознавать такое? Мне так очень даже…

Кстати, я и теперь нет-нет да и передаю ему книги, что мне дарят поэты и писатели. А было и такое, что он просил меня, загодя передавая мне книгу, чтобы в Москве или Минске я взял ему автограф у кого-то из известных авторов…

Несколько книг, наверное, самых дорогих для меня поэтов и писателей я все же оставил себе. Иногда снимаю с полки, перечитываю.

Одна из них — «Залатазвон» Михася Рудковского. Это первое и единственное избранное замечательного поэта, жившего и работавшего в Бресте. Увы, Михась Рудковский покинул этот мир в июле 1991 года и покоится на кладбище родной деревни Остров Ганцевичского района. А познакомились мы в марте 1971-го. Тогда поэт работал старшим редактором Брестской студии телевидения, вел литературную передачу «Буг» и пригласил меня выступить. До этого я несколько раз посылал свои стихи в Брестскую областную газету «Заря», где он и отметил их. Осенью того же 1971-го я еще раз приезжал в Брест по его приглашению на телепередачу. С тех пор я регулярно посылал стихи в «Зарю», где иногда они печатались. А потом был призван в армию. Наверное, я послал стихи в редакцию «Зари» и, будучи солдатом, совсем-совсем неожиданно для себя получил из Бреста бандероль от… Михася Рудковского. Я никак не ожидал того, что в ней оказалось, — книги стихов с автографом поэта! Это было нечто из ряда выходящее, потому что книжку эту у меня много раз брали из рук, просили прочитать, что же написал мне поэт. А многие даже отказывались верить, что это именно мне прислал книжку настоящий, как обязательно подчеркивали, поэт!..

После возвращения из армии мы подружились, можно даже сказать, сошлись близко. Когда Михась Рудковский приезжал в Пинск, непременно звонил мне или заранее писал, когда будет, чтобы встретиться, погостевать, поговорить. Приезжал, бывало, и просто в гости. А уж я у него в Бресте бывал нередко. Лет пятнадцать, не меньше, мы обменивались письмами, открытками. У меня долго хранились эти послания поэта, и разумеется, его книги с дарственными надписями. Несколько таких сборников и писем я передал в музей поэта, созданный в школе деревни Остров, а также в библиотеку своего товарища из пинской глубинки. Остававшиеся у меня письма Михася Рудковского года полтора-два тому переслал известному столичному литератору, тогда директору Издательского дома «Звязда» Алесю Карлюкевичу, чтобы он затем передал их в литературный архив Института языка НАН Беларуси. Писем и открыток от Рудковского я получил немало, переписывались мы долго, в конце 70-х и все 80-е годы XX столетия писал он мне довольно часто. Притом не обязательно, что это был ответ на мое послание. Писал нередко, как я с годами понял, Михась Рудковский, поэт глубокий, эмоциональный, потому что хотелось поделиться наболевшим, а порой, видать, и потому, чтобы я с ним разделил его радость. Несмотря на свое одиночество и внешнюю угрюмость, он обладал оригинальным юмором, веселым, если можно так сказать, скепсисом, иронией. Короче говоря, настанет время и час, когда кто-то прочтет эти письма поэта, а возможно, и опубликует их. По крайней мере, есть в этих письмах замечательного белорусского поэта Михася Рудковского много мудрого…

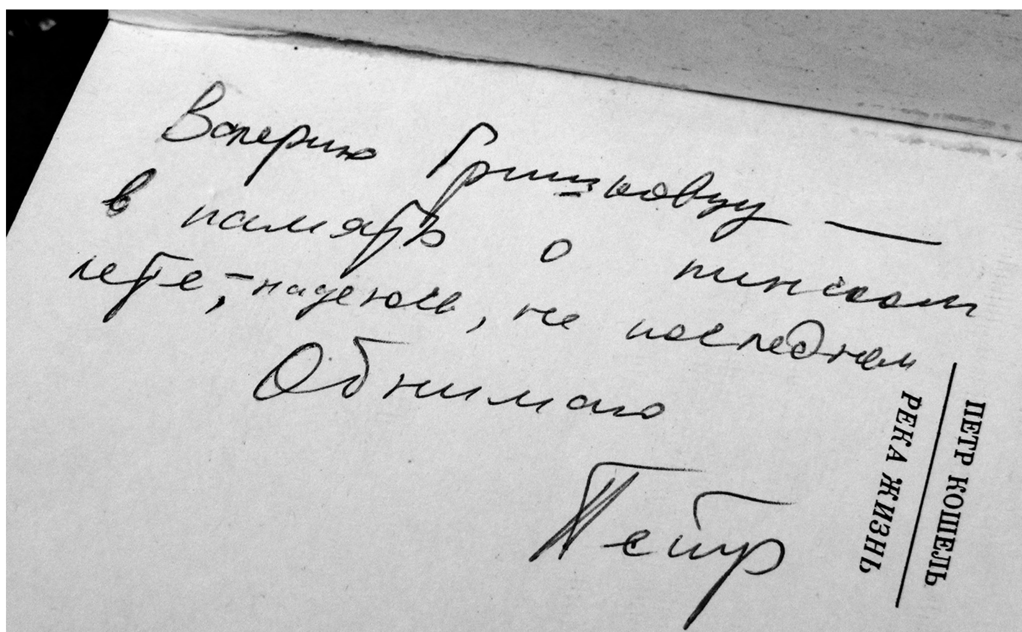
Книга «Залатазвон» была издана в 1986 году. Подготовил ее Михась Рудковский к своему юбилею — 50-летию. Тогда издать книгу было непросто, а избранное полагалось только к юбилею. И то, прямо скажем, далеко не всем. Это, да простят меня многие и многие, не нонешние времена, когда можно издать все что угодно, были бы деньги…

«Залатазвон» открывается вступительной статьей — это, по большому счету, исследование творчества поэта Михася Рудковского — Владимира Колесника, профессора Брестского пединститута имени А. С. Пушкина, известного литературоведа и критика. Далее шли стихи поэта из его предшествующих книг — «Першыя вёрсты» (1963), «Сінія Брады» (1967), «Позвы» (1971), «Векавечная Бацькаўшчына» (1976), «Трыгор'е» (1981) и «Засцярога» (1984). В 1974 году у Михася Рудковского вышла книга стихов «У краі тым…» — небольшое избранное их первых трех книг, правда, несколько стихотворений в этом сборнике было и таких, которые до этого не входили в книги поэта, причем стихи очень даже неплохие. Но… поэт не включил их в юбилейное избранное, скорее всего, не позволили товарищи, отвечавшие за издание так называемой текущей литературы. Тогда, повторюсь, с этим было очень строго…

Что же написал мне Михась Рудковский, даря «Залатазвон», первую свою книгу в твердом переплете, книгу для него очень и очень важную? Обычно писатели автографы ставят на титульном листе, а тут поэт, что называется, написал — размашисто, широко — прямо на второй обложке: «В. Грышкаўцу — па-даўняму, пасяброўску — і пажаданне дабра». Роспись, дата: 18.06.1987. И ниже — большими буквами: «Брэст»…

Я очень долго переписывался еще с одним нашим земляком — поэтом Миколой Федюковичем, но (никогда себе не прощу!) так и не имею книжки с его автографом. Наверное, потому что свои пять поэтических сборников Микола Федюкович издал один за другим в 70-е годы XX века, когда мы еще не были близко знакомы, а в 80-х так и не сподобился собрать стихи в книгу. Конечно, были у него дома книжки, и я бывал у него нередко, и знал про это, но… так и не додумался сказать ему про автограф. Да и как мог знать-предполагать, что ждет Миколу Федюковича, с виду здоровяка и оптимиста, преждевременная смерть, как это весьма часто случается с поэтами... Увы, увы, костлявая с косой не щадит никого, косит без особого перебора налево-направо… Останутся у меня десятки, если не сотни писем Миколы, открытки, даже какие-то снимки, но… ни единой его книжки… Письма и открытки, что получал от Миколы Федюковича во второй половине 80-х, вплоть до рокового 8 января 1997 года, когда позвонили мне в Москву и сообщили горестную весть о его кончине, я также передал Алесю Карлюкевичу. Про Миколу Федюковича вспомнил неслучайно. Сегодня о нем, увы, почти не вспоминают. А жаль, очень жаль. Микола Федюкович, поэт самобытный, я бы даже сказал, яркий, был человеком широкой натуры, души отзывчивой и доброй. Он рекомендовал меня в Союз писателей — тогда еще СССР. Правда, принимали меня уже в суверенной Беларуси — соответственно в белорусский СП. Кроме Федюковича рекомендации мне дали Василь Жукович и московский поэт Петр Кошель.

Следующая книга, что стоит на моей книжной полке, — стихотворный томик Петра Кошеля «Река Жизнь». Книга вышла в минском издательстве «Мастацкая літаратура» в 1987 году. А с Петром Кошелем мы познакомились в Доме творчества Союза писателей Беларуси «Ислочь» в декабре 1988 года. Еще ничто не предвещало распада Советского Союза, еще даже не подозревали о крупной частной собственности, работали заводы и колхозы, действовали Дома творчества, они, полагаю, были при каждом республиканском Союзе писателей. Были и так называемого Большого Союза писателей (СССР) — в Пицунде (Абхазия), Дубултах (Латвия) и самые извест-



ные — «Переделкино» под Москвой и Коктебель в Крыму. У белорусов такой Дом творчества сперва был в Королищевичах — бывшая личная дача Якуба Коласа. А потом, когда Союз писателей республики разбогател, а в Королищевичах стало по-настоящему тесно, отечественные литераторы получили в свое распоряжение шикарный комплекс, считай санаторий, примерно в 40 километрах от Минска, неподалеку от поселка Раков на берегу реки Ислочь. Отсюда и название его — Дом творчества «Ислочь». Кроме того, что здесь отдыхали и, разумеется, работали (творили!) литераторы, в Доме творчества проводились некоторые мероприятия, например, семинары молодых писателей. Мне посчастливилось побывать на подобном семинаре в Королищевичах в декабре 1976 года. А в декабре 1988-го я оказался в «Ислочи», как сейчас помню, потому что приехал в Минск по своим издательским делам, никого в издательстве не застал, думал, где бы мне «перекантоваться» до завтра и зашел в Дом литератора. Здесь встретил Валентину Аколову, литконсультанта газеты «Знамя юности». Она и сказала мне про семинар молодых в «Ислочи», что там вполне можно переночевать, и отвела к секретарю СП БССР Василю Зуёнку. Он маленько побурчал, но тут же и сказал: «Ну, хочаш, дык едзь!» — и вписал меня в список участников семинара.

Теперь даже не верится, что у писателей были такие возможности. А ведь я еще не состоял в писательских рядах, и — пожалуйста! Поезжай, отдохни, пообщайся с товарищами, может, и сам что-нибудь сотворишь…

К слову, я недавно подготовил книгу «Соборная площадь», куда включил свои эссе, статьи о литературе и литераторах, и даже дневниковые записи. Надеюсь, книга когда-нибудь увидит свет. Это, как мне кажется, мой отчет — перед людьми и временем, перед жизнью — за собственную жизнь.

Так вот, с Петром Кошелем я познакомился в тот мой приезд в Дом творчества «Ислочь». Потом, спустя два года с небольшим, я был у Петра Кошеля в Москве, а летом 1991-го Петр Агеич был в командировке в Минске и заглянул ко мне в Пинск. Тут у меня под рукой и оказались две его книжки. Одну из них — «Такой, как есть» отдал своему товарищу, о котором уже рассказал, другую — «Река Жизнь» держу на своей полке. Рассказывать, как провели мы в Пинске два или даже три дня, не буду, а вот одно стихотворение Петра Кошеля из его книжки «Река

Жизнь» приведу, думаю, многим, в первую очередь, конечно, брестчанам, оно придется по душе. Да, о Бресте сегодня понаписано немало стихов, но это было написано тогда, когда не так и часто что-то подобное появлялось в печати, тем более у московских поэтов.

Кружатся чайки над Бугом,
не уставая кричать.
Что загрустила, подруга,
нам ли с тобой горевать?

Нам ли осенней порою,
годы свои торопя,
не заниматься игрою,
внове придумав себя?

По закоулочкам Бреста,
то исчезая, то вновь
не находя себе места,
шляется наша любовь.

Носятся чайки над Бугом,
дышит прохладою высь.
Дай мне, пожалуйста, руку.
Милая, не оступись.

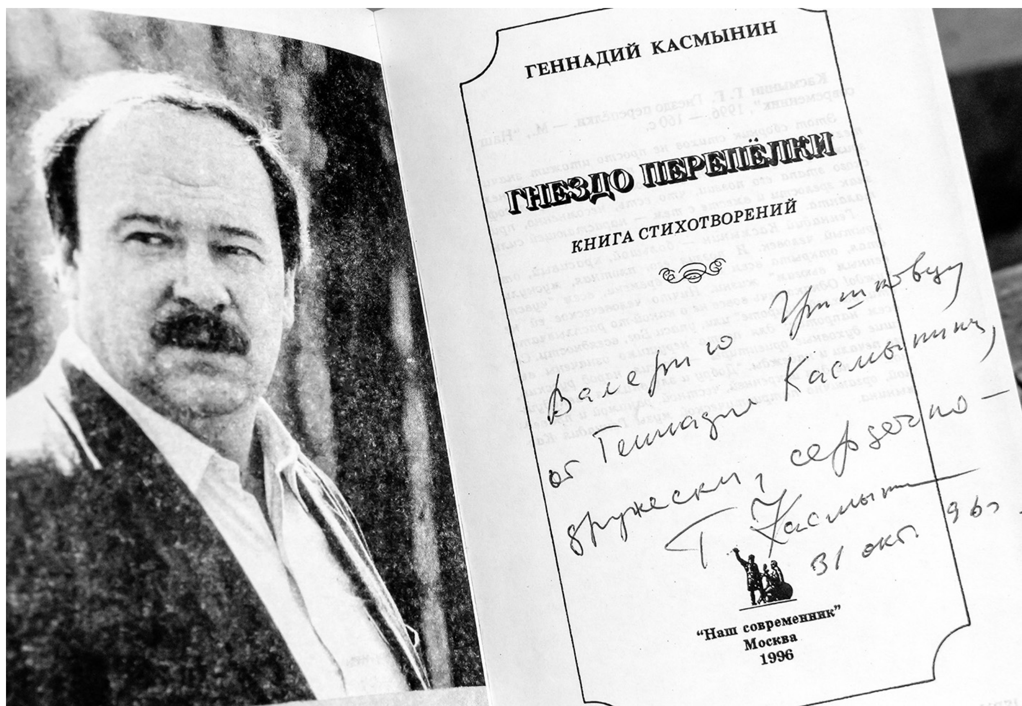
Вот какую запись оставил мне на книге Петр Кошель: «Валерию Гришковцу — в память о пинском лете, — надеюсь, не последнем. Обнимаю, Петр».

То пинское лето для нас с Петром, слава Богу, было не последним. В городе над Пиной московский поэт и писатель Петр Кошель побывал еще в мае 1998-го. Немало лет, в том числе июней-августов было у нас и в Москве. А вот то лето действительно оказалось последним для еще недавно великой страны — Советского Союза. В Пинске Петр Кошель впервые побывал 19—21 августа 1991 года. Здесь мы услышали новость про бесславный ГКЧП, на что-то еще надеялись, но… чем все это кончилось, теперь хорошо известно.

Эта небольшая, но для меня очень дорогая книга в неброском синем переплете стоит на моей книжной полке почти 20 лет. Изредка достаю ее, листаю, читаю. Стихи, как мне думается, как я привык уже, надо читать небольшими порциями. Тогда иначе они воспринимаются. Разумеется, если стихи эти — поэзия. Чего греха таить, нынче всего-всякого в стихотворной форме столько издается, что и уразуметь трудно — для чего это? Правда, к литературе и поэзии это имеет отношение, как я уже отметил, разве что по форме. И не более. Кстати, автор, о книге которого пойдет речь, лет десять возглавлял отдел поэзии журнала «Наш современник» и, скажу прямо, со всякого рода людьми, возомнившими себя поэтами и взявшимися десятками и сотнями валять стихи и носить их по редакциям, не разводил церемоний. Но умел оценить, и главное, ценил истинный талант. Возможно, еще и потому, что сам так и не получил сполна воздающееся своему таланту. Имя этого поэта — Геннадий Касмынин.

Более близко с ним я познакомился году в 1994—95-м, когда в Москве, как, скорее всего, и везде по бывшему СССР, было уже не до стихов, не до литературы. Нет, редакции журналов и издательств осаждало еще более несметное число разного рода авторов, но к литературе в обществе интерес стремительно таял, пока не угас почти совсем. Это отчасти еще больше сближало людей талантливых, чувствующих слово, понимающих поэзию. А Геннадий Касмынин был как раз из таковых. Саратовский парень с берегов Волги, он и сам был сложен как богатырь. По-мужски красивый, Геннадий Касмынин не только бывал строгим, но умел и любил пошутить, посмеяться. И смех его, густой и раскатистый, кажется, я слышу и сейчас.

Близко подружиться и сойтись нам не пришлось. Вскоре после нашего знакомства, где-то ближе к осени 1996 года, Геннадий Касмынин серьезно заболел. В это трудно верилось, вообще не верилось, что вот этого, почти двухметрового богатыря с саженью в плечах может сломать болезнь, когда ему еще и до 50-ти было довольно далеко… Увы, болезнь не щадит никого. А болезнь, в народе не случайно именуемая «рак», и подавно. Но после операции, в октябре—ноябре 96-го Геннадий почувствовал себя хорошо, мы, знавшие его, даже воспрянули: Гена выкарабкался!..



Умер поэт в конце сентября 1997-го. На его похороны я не попал. Был в Пинске, сам, к слову, лежал в больнице. Пришла мать и сказала, что звонила из Москвы М., плакала, извинялась и просила передать нерадостную новость о смерти поэта Геннадия Касмынина.

На что опереться — на книжную полку,
На пламя свечи?.. Или ящик с едой?
Какую молитву творить втихомолку,
Когда пошатнешься, еще молодой?

Еще не истрачены лучшие силы,
Еще человеки не сгнили внутри,
Но некая дрожь пошатнула могилы,
И люди живые упали — смотри!

Повсюду, от края земли и до края,
Роняет не пьяная немощь людей,
То глупостью глупых за глупость карая,
То гибелью лучших, казалось, идей.

С чего началось потрясение мира,
И где этой тряске вселенской конец —
Ответить могла бы под сердцем могила,
И книжная полка, и вечный отец.

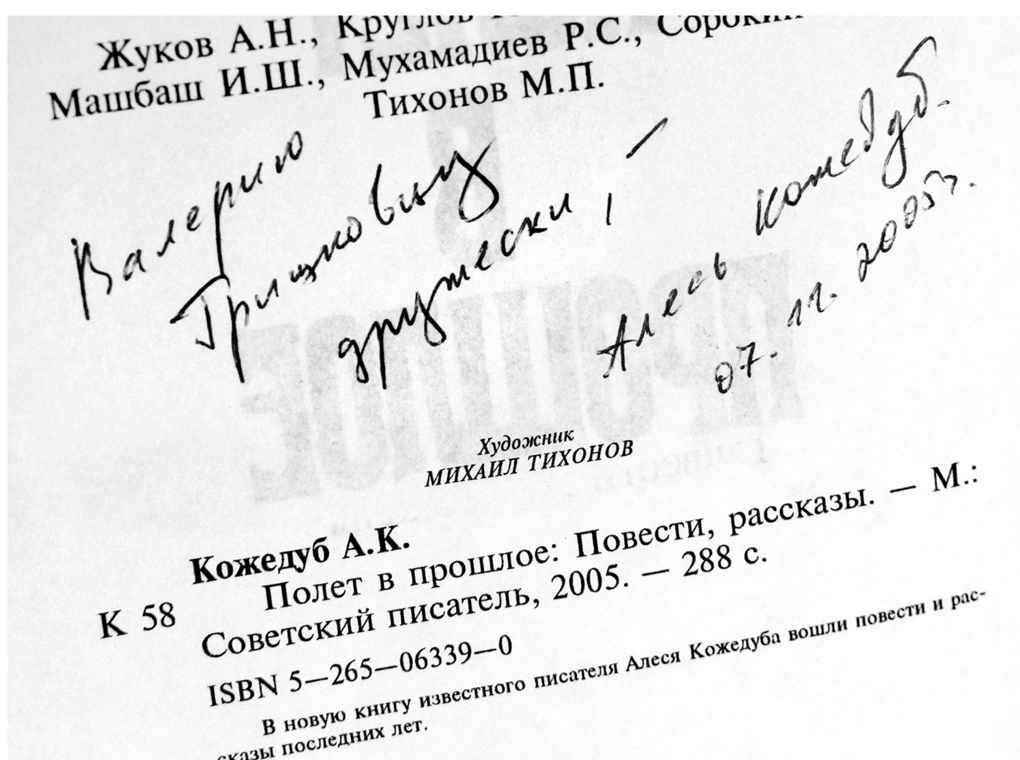
И если б мы знали, на что опереться,
Могли бы на верный вскарабкаться путь,
Когда обрывается маятник сердца
От взлета к вершине — в какую-то жуть…

Это стихотворение из последней книги стихов Геннадия Касмынина «Гнездо перепелки». Ее собрал сам поэт, будучи уже неизлечимо больным. Книга вышла в 1996 году в журнале «Наш современник», где и работал поэт. Скорее всего, в редакции решили поддержать поэта, а книг давно у него не выходило — еще с советских времен. В нее Геннадий Касмынин включил стихи последних советских и первых постсоветских лет. Как-то я приехал в редакцию «Нашего современника», захожу к нему в кабинет, здороваемся. Он тут же, не говоря ни слова, достал книжку, подписал: «Валерию Гришковцу от Геннадия Касмынина, дружески, сердечно. 31 окт. 96 г.».

Потом раскрыл книгу, стал читать стихи — вдохновенно, широко, на полную грудь! Словно не было, нет и никогда не будет никаких болезней!..

Правда, поэты умирают тогда, когда умирают их стихи. Поэзии Геннадия Касмынина, я уверен, предстоит долгая жизнь.

Свою новую книгу «Полет в прошлое» (Москва, Советский писатель, 2005) Алесь Кожедуб прислал мне в Пинск. Стояла поздняя осень, пошел


Жуков А.Н., Кругло
Машбаш И.Ш., Мухамадиев Р.С., Сорок
Тихонов М.П.

Валерию Грицковичу дружески! Алесь Кожедуб. 07.11.2005 г.

Художник
МИХАИЛ ТИХОНОВ

Кожедуб А.К.
К 58 Полет в прошлое: Повести, рассказы. — М.: Советский писатель, 2005. — 288 с.
ISBN 5—265—06339—0
В новую книгу известного писателя Алеся Кожедуба вошли повести и рассказы последних лет.

второй год, как я окончательно вернулся из Москвы домой, и первый год, как стал работать в «Заре», но связь с Белокаменной все еще поддерживал тесную. Об этой книге я узнал, помоему, из белорусского приложения «Лад» в «Литературной газете». Алесь Кожедуб инициировал выпуск этого приложения в «Литературке», редактировал его, составлял, благодаря чему мне удалось напечатать в этом выпуске немало белорусских поэтов в переводах на русский язык.

Прозу Кожедуба, ровно за десять лет до меня закончившего Высшие литературные курсы и оставшегося в Москве, я полюбил, как говорится, сразу и навсегда. А познакомились мы на семинаре молодых литераторов в Королищевичах в декабре 1976 года. С тех пор за творчеством Алеся Кожедуба, как и большинства участников того семинара, я следил пристально, старался не пропускать ни одной новой публикации, а когда и сам оказался в Москве на ВЛК осенью 1993 года, мы встретились и поддерживали самые добрые отношения. Впрочем, такие отношения вряд ли бы сложились, не будь между нами негласной симпатии — у меня к его повестям и рассказам, у него — к моим стихам. Алесь Кожедуб работал главным редактором издательства «Советский писатель», редактировал «Лад», которой выходил раз в месяц в качестве приложения к «Литературной газете». И хотя в «Советском писателе» книг почти не выходило, зато ежемесячно выходил журнал «Слово». Короче говоря, мне в этих изданиях тоже перепадала кое-какая работенка, а это было немалым подспорьем в моей тогдашней, прямо скажем, не шибко сытой московской жизни. Я писал какие-то рецензии, переводил стихи, что-то редактировал, иногда и свои стихи удавалось напечатать в тех же «Ладе» и «Слове». В общем, можно было жить. Тем паче, что в моем распоряжении была комната, довольно большая, в общежитии Литинститута. И я жил, чего уж там говорить, припеваючи! Жаль вот, поздно это понял. Это тогда мне не давали покоя несправедливость времен «накопления первичного капитала», или говоря нор-

мальным языком, всеобщего развала, грабежа и беспредела сильных мира того. Но в Москве и тогда можно было жить, и жить хорошо, по одной лишь причине — ты еще довольно молод, есть где приложить руки и голову, есть куда пойти…

А уж сколько книг — самых разных! — тебе просто на каждом углу давали, дарили, потому что ты и сам писатель: читай только!.. А если еще и слово доброе при встрече скажешь или откликнешься в каком-нибудь издании о прочитанной книжке, тут уж станешь, как минимум, приятелем на долгие годы…

С Алесем Кожедубом нас связывало многое: землячество, примерно одинаковый возраст, одно и то же время вхождения в литературу, но что еще более важно вдали от родины, одно и то же место рождения. Он родился, как то ли в шутку, то ли всерьез признался мне, по дороге в Пинск. Родители его жили в Ганцевичах, вот отец и снарядил по месту своей работы грузовик отвезти жену, что была уже на сносях, в пинский роддом. Но до Пинска Алесь, как он сам же и признался мне, не утерпел, родился в Логишине. Правда, в паспорте у Алеся Кожедуба, давно уже москвича и российского писателя, местом рождения значится г. Ганцевичи Брестской области…

Как прозаика Кожедуба просто нельзя не любить. Его повести и рассказы предельно сжаты, информативны и вместе с тем бездонно глубоки, афористичны, пронизаны тонкой иронией и юмором. И при этом написаны отличным литературным языком. Да и Алесь Кожедуб, когда узнаешь его поближе, поражает глубиной и точностью суждений, правда, что удивительно, как человек он совершенно немногословен, от него никогда не услышишь не то что матерного выражения, грубого слова! И как почти все полешуки, добившиеся определенных жизненных высот, Алесь Кожедуб не просто умный — он поразительно мудрый! И мудрость эта еще более поражает не столько книжностью знаний, сколько врожденной своей природой. Как всякий очень талантливый писатель, он может буквально одним-двумя словами нарисовать точный портрет любого более-менее известного современника. Причем характеристики его убедительны и точны. И что интересно, Алесь Кожедуб немногословен, не любит подолгу говорить, и кажется, он не слушает тебя, но все прекрасно слышит, улавливает, запоминает. У него богатейший словарный запас, порази-тельный юмор, он знает множество пословиц, поговорок, различных историй и анекдотов, но при этом всегда серьезен…

Как-то пришел к нему, увидел на его рабочем столе только что отпечатанные тома собрания сочинений одного нашего земляка, хорошо устроившегося в Москве и возомнившего себя большим писателем. Говорю Алесю: «И не стыдно ему такое писать и выносить на люди?» На что он тут же, как говорится, бровью не поведя, ответил: «Сегодня печатают и издают не ЧТО, а КОГО».

Действительно, точнее не скажешь…

Кстати, и автографы его крайне лаконичны и немногословны, как, например, на книге «Полет в прошлое»: «Валерию Гришковцу дружески, — Алесь Кожедуб. 07. 11. 2005 г.».

История автографа этой книги вспоминается с особой теплотой, как вспоминается в жизни все хорошее. Я в то время жил в столице России, довольно много писал, немало и печатался. Словом, жил литературой и был в определенной степени причастен к литературному процессу. Накануне Московской международной книжной ярмарки, которая, как правило, проходит в первую неделю сентября, мне позвонил товарищ по ВЛК (Высшим литературным курсам) Евгений Шишкин и пригласил поехать с ним на ВДНХ (теперь ВВЦ — Всероссийский выставочный центр), где в первый же день большого книжного форума должна была состояться презентация его новой книги — романа «Бесова душа». Как сейчас помню, Женя ска-

зал, что еще и сам не видел книжку, ее привезут издатели на ярмарку. Та Московская книжная ярмарка запомнилась еще и тем, что ее Почетным гостем была Республика Беларусь, — наши издатели представляли свои лучшие книжные новинки 2002 года. Услышав объявление, мы нашли белорусскую экспозицию, пообщались с ее представителями, посмотрели книги белорусских издательств — вдалеке от дома подобное всегда вызывает, сами понимаете, какие эмоции.

Презентация романа «Бесова душа» почему-то не состоялась, к чести Евгения Шишкина — большого и серьезного писателя, он это воспринял как нечто само собой разумеющееся, взял причитающиеся ему от издательства книги, и мы пошли гулять по ВДНХ. Евгений Шишкин недавно переехал в Москву из Нижнего Новгорода, вел семинар литературного мастерства на ВЛК, заведовал отделом прозы журнала «Наш современник». Мы довольно давно не виделись, так что выпало самое время погулять, поговорить по душам. А начало сентября 2002-го в Москве выдалось теплым и солнечным, после полыхающих почти все лето подмосковных пожаров москвичи наконец-то могли вздохнуть с облегчением, так что погулять по ВДНХ, а это большая заповедная территория в центре огромного мегаполиса, было одно удовольствие! Соответствующим было и наше настроение. К тому же у Евгения Шишкина вышел роман, причем, в солидном московском издательстве «Пальмира», не менее солидным для тех дней тиражом — 5 000 экземпляров. Ну, а на ВДНХ — десятки кафе и прочих подобных мест, короче говоря, как и полагается в подобных случаях, мы устроили себе праздник.

«Дорогому собрату по жизни и творчеству Валерию Гришковцу — с пожеланиями светлых дней и светлых строк. Е. Шишкин. 03. 09. 2003 г. ВДНХ». Женя ошибся в написании точной даты. Наверное, от большой радости… Я хорошо помню: это было начало сентября 2002-го. Да и на титуле стоит год издания — 2002-й…

Роман «Бесова душа», как не раз потом отмечали критики, мощная, сильная и честная проза. Его некоторые сравнивали даже с «Тихим Доном» и «Войной и миром». А что? Евгений Шишкин вырос, как он сам о себе говорил, в одном из самых бандитских районов города Кирова в простой рабочей семье. И сам работал на заводе. Служил в армии. Поступил на филфак Горьковского университета, окончил, работал в редакциях газет и журналов. Автор многих рассказов, повестей, нескольких романов. Лауреат престижных литературных премий. «Бесова душа» Евгения Шишкина — роман о судьбах русских людей и России XX века. А какой это был для России и русских век, в двух словах не перескажешь. Так что советую всем, кто любит и ценит серьезную литературу, почитать роман «Бесова душа».

Валерий ГРИШКОВЕЦ

Имена

Мастер археологических исследований

14 июля 2017 года исполняется 90 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора Георгия Васильевича Штыхова. У юбиляра позади 64 года жизни в советскую эпоху и 26 лет гражданства суверенной Республики Беларусь.

Когда родился Георгий Штыхов, уже звучали первые сигналы о свертывании НЭПа, об ощутимом торможении политики белорусизации, резко усилилась разбежка между официально декларируемым федерализмом и реальным унитаризмом, завершалось формирование режима личной власти Сталина, набирала все большие обороты репрессивная машина тоталитарного политического режима. Проще говоря, прослеживались зачатки тех реалий, которые драматическим образом затронули семью Штыховых.

Глава семьи Василий Леонтьевич еще со времен царской России сеял разумное, доброе, вечное, будучи школьным учителем. Делал это очень профессионально. 2 июня 1909 года двадцатилетний В. Л. Штыхов получил «Свидетельство» следующего содержания: «Предъявитель сего крестьянин — имярек — на основании Правил для производства испытаний на звание учителя церковно-приходской школы, изданных по Высочайшему утвержденному определению Святейшего Синода, подвергшись полному испытанию в Правлении Киево-Софийского духовного училища и выдержав оное удовлетворительно, удостоен звания учителя церковно-приходской школы». Известно, что в советское время таких школ уже не было. Бывший учитель церковно-приходской школы стал учителем обычной советской школы. До 1932 года это была школа в деревне Старая Белица, с 1932 года — в деревне Жмуровка Речицкого района. Казалось бы, спокойное, мирное течение жизни. Конечно, непросто было с маленькой учительской зарплатой обеспечивать жену и троих детей. Но Василий Леонтьевич не унывал, верил в светлое будущее.

И вдруг грянул черный апрель 1933 года. Василий Леонтьевич пополнил тогда ряды жертв сталинских репрессий. Г. В. Штыхов в беседе с израильским историком Леонидом Львовичем Смиловицким вспоминал:

«Пришли ночью и увели. Мне было 5 лет. Встаю утром — мама в слезах. Что такое? Рассказывает, какое несчастье приключилось. Никто не понимал почему: отец был не просто лояльным человеком к Советской власти, почти активистом, любое ее мероприятие, даже то, к которому не лежала душа, проводил в жизнь, считал необходимым. И вдруг такое».

Ни в чем не повинного человека на пять лет выслали в Западный Казахстан. Пройдет четыре года, и отца будущего ученого и педагога осудят на 10 лет лагерей.

Драма, которую переживал Василий Леонтьевич, отразилась и на его семье, едва сводившей концы с концами. Для власть имущих это была семья врага народа. Очень важно, что Василий Леонтьевич не пал духом, в своих письмах настраивал жену и детей в позитивном ключе, в духе общечеловеческих ценностей. Все эти письма опубликованы Леонидом Смиловицким с любезного согласия Георгия Васильевича.

Вот только одно из них, датированное 10 марта 1940 г.: «Здравствуй, мой милый сыночек Жора! Славный ты мальчик, что помогаешь маме: ходишь в очередь за хлебом, отгребаешь снег. Исполни мою отцовскую просьбу. Не кури, не бери даже в рот эту гадость, не божись, не ругайся ни на кого, не употребляй матерных слов, не воруй ничего ни у кого, как бы ты сам ни нуждался... Я люблю тебя и жалею больше себя самого, поэтому ничего от меня не скрывай».

К сожалению, после начала Великой Отечественной войны от Василия Леонтьевича больше не поступали письма. Он пробудет в лагере до своей смерти. Старший брат Георгия Васильевича, Евгений, успевший еще до войны получить высшее образование, погиб на фронте. Примечательна его мотивация ухода на фронт. Леонид Смиловицкий приводит такой диалог между матерью и сыном: «Мать сказала Евгению: “Иди защищай Сталина, ведь он тебя учил!” На что тот ответил: “Пойду защищать, но не Сталина, а Ленинград!”»

Василий Леонтьевич не доживет до того времени, когда дочь Галина и младший сын Георгий получат высшее образование. У Георгия путь к диплому о высшем образовании оказался более долгим, чем у Галины. В отличие от Галины, ему пришлось учиться в двух разных вузах, причем на разных факультетах. Первый вуз — Ленинградский государственный университет — он так и не окончил. Тамошний философский факультет пришлось оставить по причинам мировоззренческого характера. Учеба на факультете происходила в годы, когда четко обозначилась агония сталинского режима. Здесь представляется уместным привести следующий отрывок из интервью Г. В. Штыхова корреспонденту «Советской Белоруссии» В. Корбуту, опубликованного в январе 2007 года:

«В детстве Вы кем мечтали стать?

— На уроках истории СССР нам объясняли, что в древнейшие времена не было классов, люди жили общинами, без частной собственности, как говорили в пору моего школьничества, при «первобытном коммунизме». И история, мол, в конце концов, должна была привести нас опять к тому же коммунизму. Как скоро — тогда мне эта мысль не давала покоя. С ней я поступил на философский факультет Ленинградского университета. Мечтал изучать Гегеля, Платона, но вместо этого приходилось штудировать «гениальные труды» другого мыслителя, поэтому на третьем году учебы я вернулся в Белоруссию. Зато понял, что коммунизм мы не построим. Главный лозунг той эпохи «От каждого по способностям — каждому по потребностям» был неосуществим. Удовлетворить все потребности людей в принципе невозможно: потребности обгоняют возможности, а возможности всегда ограничены».

На истфаке Белорусского государственного университета обучение было доведено до конца. Точка в обучении была поставлена в 1956 году, то есть в самый разгар хрущевской «оттепели». Дипломированный историк воспринимал ее неоднозначно. От многих догм отказывалась историческая наука. Был реабилитирован отец. Более раскрепощенно можно было чувствовать себя преподавателям социально-гуманитарных дисциплин в учебных заведениях. Георгию Васильевичу было с чем сравнивать.

С 1950 по 1959 годы он учительствовал в Гродненской и Гомельской областях. Педагог Г. В. Штыхов с года-

ми стал понимать, что способен на большее. В 1959 году он стал аспирантом дневного отделения. Вопрос о том, по какой специальности обучаться в аспирантуре Института истории АН БССР, был предрешен задолго до этого. Во время обучения в БГУ Георгий Васильевич на одном дыхании слушал лекции талантливого археолога А. Г. Митрофанова. Именно под влиянием этих блестящих лекций Г. В. Штыхов решил стать археологом.

В аспирантские годы молодой ученый писал диссертацию на тему «Древний Полоцк (IX—XIII вв.)», которую защитил, получив ученую степень кандидат исторических наук. Научным руководителем был В. Р. Тарасенко.

Сразу после окончания аспирантуры Георгий Васильевич влился в трудовой коллектив Института истории АН БССР и бессменно находится в его рядах уже 55 лет. С 1962 по 1981 годы был сначала младшим, а затем старшим научным сотрудником. С 1981 по 1988-й возглавлял сектор. Будучи заведующим сектором, добился создания постоянно действующей археологической экспедиции по изучению древнего Минска, которую бессменно возглавлял до начала двадцать первого века. В 1983 году защитил докторскую диссертацию «Города Полоцкой земли IX—XIII вв.», в 1987 году пополнил профессорский корпус. 1988—1993 годы отмечены в его трудовой биографии должностью заведующего отделом зон новостроек. После этого семь лет возглавлял отдел археологии и истории Полоцкой земли. Последние семнадцать лет Г. В. Штыхов — главный научный сотрудник отдела археологии средневекового периода Института истории НАН Беларуси.

Когда ему задают вопрос о людях, чьи идеи, дела и поступки больше всего предопределили его историческое мировоззрение, патриарх белорусской археологии называет три фамилии: В. М. Игнатовский, А. Г. Митрофанов, Л. В. Алексеев. Первого он знает только по трудам. С остальными часто пересекался в процессе археологических раскопок.

Исследователи истории белорусской археологии единодушны в том, что никто не сделал для разгадок тайн древних городов Полоцкой земли, курганных могильников раннего средневековья северной и центральной Беларуси столько, сколько сделал Г. В. Штыхов.

Он — фанатик археологии. Это общеизвестно. В его лице отечественная археология уже без малого шесть десятилетий имеет редчайшего трудоголика, пахаря, каких очень редко встретишь. На вопрос «Где Вы устаете больше всего?» Г. В. Штыхов дает такой ответ: «На раскопках. Некоторые думают, что жизнь археолога — сплошная романтика. Но это больше физический труд, тяжелая работа лопатой, пока доберешься до очередной ценной находки. Зато сразу легчает на сердце, когда думаешь о том, какие ожидают открытия!»

Молодежи, которая собирается идти в науку, полезно задуматься над следующими словами крупного ученого-археолога: «Чтобы археологу сделать вывод, какая посуда бытовала в том или ином веке, нужно перебрать руками тысячи черепков — осколков горшков. Порой надоедает, хочется все бросить. Но сдерживаюсь, честно доделываю начатое — тогда чувствую облегчение, душа радуется. Сам себя обманешь — исказишь историю».

Нет нужды говорить о полифункциональности руководителя археологической экспедиции, о том грузе ответственности, который он несет на своих плечах. География мест, в которых ученый руководил подобными экспедициями, потрясает. Здесь и столица белорусского государства, и областной центр Витебск, и колыбель белорусской государственности Полоцк, и город областного подчинения Борисов, и город районного подчинения Заславль, и райцентр Логойск, и городской поселок Копысь, и село Лукомль. Одних только курганов раскопано около 400. Если задуматься над итогами раскопок в Витебске, Заславле, Логойске, Лукомле, то вполне резонно поставить два взаимосвязанных вопроса: 1. Что было до Штыхова? 2. Что

стало после Штыхова? В каждом из этих городов Штыхов организовывал археологическое изучение, значительно превосходя своих предшественников по количественному и качественному параметрам.

В результате раскопок были уточнены некоторые позиции, касающиеся древней истории Полоцка, Минска, Копыся. Сильный аргумент в дискуссии с известным археологом Э. М. Загорульским о возникновении Минска появился у профессора после раскопок поселения на реке Менке. Ученый закрыл вопрос об определении городища древнего Борисова. Что историки знали о посадах Витебска, Заславля, Лукомля до Штыхова? Ничего. После Штыхова эти посады перестали быть terra incognita.

Но так уж получается, что газета «Советская Белоруссия» и юбиляр ровесники. У Штыхова 90-летний юбилей в июле, у «Советской Белоруссии» — в августе одного и того же года. Юбиляры так часто пересекались по части раскопок профессора в Полоцке, что об этом нельзя не упомянуть. Газета «Советская Белоруссия», ровесница Г. В. Штыхова, много писала и о личности ученого, и о его находках. Бывший заведующий отделом культуры этого издания Роман Ерохин накануне 75-летнего юбилея газеты вспоминал случай, который произошел в 1967 году:

«Своеобразной прелюдией ему был приход — да нет, не пришли они, а прибежали! — в редакцию двух молодых кандидатов наук. Запыхавшись, отрекомендовались в один голос:

— Штыхов Георгий Васильевич, Будько Владимир Дмитриевич, белорусские археологи...

Пытаюсь успокоить их :

— Пожар? У археологов? Где и что горит?..

— Вот! — кладут мне на стол служебный конверт: «Академия наук БССР, Институт истории. С персональным обращением — заведующему отделом культуры «Советской Белоруссии».

Понимаю: если сейчас немедля не займусь их письмом, археологи долго еще не успокоятся. Потому прошу:

— Давайте с вашей помощью озвучим письмо.

Заговорили, перебивая, дополняя друг друга:

— На Верхнем замке, где ранее находился кремль древнего Полоцка, бульдозер уничтожает на большой площади культурные напластования, отложившиеся за многовековую историю города... Землекопы прорубают полутораметровой глубины траншеи...

— А культурный слой — четыре метра...

— Строительство затеяно как раз в трех местах, которые наиболее перспективны для археологических исследований...

— В семидесяти метрах от Софийского собора!..

— Если работы сейчас же не остановить, погибнут большие культурно-исторические ценности, хранившиеся многие столетия в полоцкой земле...

— Верхний замок уже давно взят под охрану государства как памятник древней культуры...

Стоп! Вот он — «пожар». Честно говоря, не хотелось верить, что такое могло случиться, но... Случилось! И ведь название тому — разгильдяйство».

Роман Ерохин немедленно отправляется в Полоцк, убеждается в правоте молодых археологов. Добившись поддержки крупного партийного функционера А. Т. Кузьмина, он публикует в родной газете взрывной материал под названием «Командировка в глубь веков». Статья сработала на все сто процентов.

«Спустя какое-то время Кузьмин позвонил, обрадовал меня: Совет Министров БССР обсуждал заметки, принял решение о реставрации Софийского собора.

Я ликовал. Такие праздники у газетчиков выпадают не так уж часто.

Праздник в буднях длился 18 лет. Два первых года ушли на раскачку — «выселяли» из «Софийки» архив. Потом собор надолго оделся в строительные леса. На ремонтный долгострой ушел не один год… В 1985 году храм предстал перед полочанами

и гостями города во всей своей красе… Звоню сегодня Георгию Васильевичу Штыхову… Благодарю его за тот приход в редакцию газеты, за то, что ударил тогда в колокола...

Георгий Васильевич отзывается:

— Это вашу «Советскую Белоруссию» надо благодарить. Не будь ее... Мы же в раскопках тогда на Верхнем замке нашли... во сне бы такое не приснилось! Вблизи Софийского собора — на княжеском подворье — обнаружили признаки еще одного архитектурного памятника: неизвестной доселе церкви. Мы сдали в музей в Полоцке огромное количество всевозможных находок, которые, не выступи вовремя «Советская Белоруссия», могли бы быть навсегда похоронены тем бульдозером... Ну, а главная — бесценная, почти как Крест Евфросинии! — реликвия... Это уникальная иконка, каменный образок — Константин и Елена держат перед собой крест — памятник Воздвижения Креста. Елена — мать византийского императора Константина. Сейчас эту найденную нами тогда икону уже знает весь мир, она — в наших школьных учебниках по истории».

Принципиально важно отметить, как юбиляр позиционирует себя в научном сообществе. Это свидетельствует о его стремлении проводить междисциплинарные исследования. Крупный ученый-археолог заявляет: «Чтобы рассуждать о прошлом, мало заниматься раскопками, нужно работать и с летописями, вслушиваться в народные предания. Поэтому я себя считаю историком-медиевистом, специалистом по средневековью».

Результаты научных изысканий профессора изложены в сотнях публикаций. У него более 350 работ по археологии белорусских городов IX—XIII веков и более 420 статей в энциклопедиях. Главные книги: «Древний Полоцк: IX—XIII вв.», «Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.)», «Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі».

Ученый много и упорно занимался редактированием научных трудов. Легок на подъем, когда к нему обращаются с просьбой написать рецензию на чью-то работу.

Георгий Васильевич очень хорошо понимает роль народной дипломатии в археологических исследованиях. Он — Председатель Национального комитета Международной унии славянской археологии. Участвовал во множестве международных научных конференций, проводимых как в нашей стране, так и за рубежом.

Можно однозначно утверждать, что сформирована научная школа Г. В. Штыхова. В нее входят 2 доктора и 19 кандидатов исторических наук. Подготовить такое количество «остепененных» археологов мог только талантливый педагог. К этому можно также добавить, что Г. В. Штыхов на протяжении многих лет по совместительству преподавал археологию в Белорусском государственном педагогическом университете имени М. Танка. Педагог Г. В. Штыхов не менее успешен, чем исследователь. Им написан в соавторстве с учителем-методистом В. Ракутем прекрасный учебник по истории Беларуси для средней школы, ставший прорывом в отечественном историческом образовании.

Став известным ученым, Георгий Васильевич по-прежнему задумывался, в каком обществе он живет. Внутренне не принимал частичную ресталинизацию в СССР после ухода Н. С. Хрущева. С надеждой встретил горбачевскую перестройку. Сразу после краха ГКЧП спецслужбы допустили его к материалам, связанным с действиями сталинской репрессивной машины в отношении его отца. В постсоветский период известный археолог стал одним из учредителей фонда «Память жертв сталинизма Беларуси». В 1992—1994 гг. был председателем Белорусской ассоциации жертв политических репрессий.

Достижения ученого и педагога высоко оценены обществом и государством. Он — лауреат Государственной премии БССР 1990 года, обладатель других многочисленных наград.

Михаил СТРЕЛЕЦ

Авторы номера

ВОЛКОВИЧ Александр Михайлович. Родился в 1950 г. в Бресте. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Автор книг «Зубр беловежский чугунный», «Береза черная — береза белая», «Алеся. Беловежские сны», «Письма войны», «Лето красных лошадей». Живет в Бресте.

ШАБОВИЧ Микола (Николай Викторович). Родился в 1959 г. в д. Бадени Мядельского района Минской области. Окончил Минский государственный педагогический институт имени М. Горького. Кандидат филологических наук. Автор ряда поэтических книг. Живет в Минске.

ПОДЛИПСКИЙ Станислав Анатольевич. Родился в 1987 г. в г. Магдебург (Германия). Окончил факультет информационных технологий и робототехники Белорусского национального технического университета. Прозаик. Живет в Минске.

МАКСИМОВИЧ Валерий Александрович. Родился в 1962 г. в д. Троянец Минской области. Окончил Белорусский государственный университет. Доктор филологических наук. Автор около 200 научных публикаций, поэтических сборников «Мяцежнай споведзі скрыжалі» и «Сярод блукаючых планет». Живет в Минске.

НОВИКОВ Александр Сергеевич. Родился в 1970 г. в Ленинграде. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Учился в аспирантуре. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

МУШИНСКАЯ Татьяна Михайловна. Родилась в 1958 г. в Минске. Окончила Школу юных философов при Институте философии Академии наук БССР, факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэтесса, прозаик, театральный критик, журналист, либреттист, драматург, сценарист. Автор сборников рассказов и сказок для детей, повестей, сборников стихотворений и др. Живет в Минске.

КАРР Джон Диксон. Родился 1906 г. в Юнионтауне, штат Пенсильвания (США). Окончил Сорбоннский университет. Известный американский писатель. Автор детективных романов «Бродящие по ночам», «Ведьмино логово», «Дьявол в бархате», «Бесноватые», «Огонь, гори!«, «Скандал в Хай-Чимниз», «Ведьма отлива» и др. Был автором программы ВВС «Свидание со смертью». Один из лучших представителей «золотого века детектива». Умер в 1977 году.